

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ВОЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Звездин Лев Александрович

**ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ
В ЯЗЫКОВОМ ИЗМЕРЕНИИ:
СУЩНОСТЬ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
кандидат философских наук, доцент
Курочко Михаил Михайлович

Москва – 2019

Оглавление

Введение.....	3
Раздел 1. Сущность, содержание и специфика цивилизационной безопасности России в языковом измерении как предмет социально-философского анализа.....	19
Раздел 2. Вызовы и угрозы цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях.....	70
Раздел 3. Основные направления укрепления цивилизационной безопасности России в языковом измерении в контексте глобального противоборства.....	130
Заключение.....	174
Список литературы.....	184

Введение

В настоящее время понимание целей и прогнозирование путей развития человеческой цивилизации приобретает все более настойчивую модальность. В наибольшей степени эта тенденция обусловлена постепенно сминающим национальные культуры и стандартизирующим ценности глобализационным процессом, сопровождающимся «цифровизацией» и виртуализацией искусственной среды обитания человека, что порождает качественно новый характер взаимодействия и в международной обстановке.

Исторически сложилось, что человеческая цивилизация является неоднородной и по определенным признакам может быть охарактеризована совокупностью различных цивилизационных общностей, к числу которых многие исследователи относят и Россию. Отмеченная неоднородность оказывает влияние на существующее разнообразие в понимании оснований общемирового развития, что, в свою очередь, приводит к образованию неустранимого идеологического фундамента столкновений. Поэтому межцивилизационное противоборство обуславливает конкурентно-конфликтные процессы и в языковом пространстве.

В конфронтационных процессах в силу необходимости выявления угрожающих факторов высвечивается категория безопасности для участвующих в столкновении сторон. Если субъектами подобной борьбы по критерию наибольшего масштаба принимаются определенным образом отличающиеся между собой цивилизации, то цивилизационная безопасность России выступает как существенный уровень в системе ее безопасности.

Отмеченная мировоззренческая подоплека межцивилизационных противостояний привлекает в качестве сфер полемики, прежде всего, ментальные структуры, которые находят отражение в языке как многогранном феномене мироздания с присущими ему мировоззренческими потенциалами. Действительно, «суть и особенность каждой цивилизации определяют ее язык, самобытный менталитет <...>»,

господствующая или сосуществующие религии, потенциал саморазвития и экспансии»¹.

В языке, посредством языка, за язык и против языка в настоящее время вполне оформлено реализуются процессы противоборства. Безопасность российской цивилизации испытывает воздействие, в том числе, в языковом измерении, и в настоящее время это направление влияния специалистами оценивается как все более существенное, неразрывно связанное с другими типами безопасности. Например, Ф.С. Фролов культурно-лингвистическую экспансию обосновывает как угрозу национальной безопасности России².

Отмеченные доводы отражают значимость темы проводимого исследования. **Актуальность** ее, кроме того, определяется следующими положениями.

Во-первых, кризисными процессами глобального и цивилизационного характера в современном мире, которые ставят вопрос о цивилизационной безопасности России. Конфронтационные явления сопровождали человечество всю его историю, однако современный вектор развития общественных отношений и коммуникаций, мировой информационной среды, динамики международного финансово-экономического взаимодействия, средств и способов политического влияния наряду с глобальными возможностями средств вооружения обуславливают новые запросы в оценке явлений, протекающих в различных сферах человеко-общественного бытия. Поэтому важнейшей задачей в настоящее время становится ранее выявление реальной сущности происходящего, его направленности, связанных с этим тенденций и прогнозов, субъектно-объектных связей, отношений и т.п.

Следовательно, социально-философский анализ сущности, содержания и специфики цивилизационной безопасности России в современных условиях, одним из измерений которой может быть выделено языковое, развертывает данную тематику как важную и долгосрочную задачу государственного значения.

¹ Лексин В.Н. Русская цивилизация и русский народ // Журнал института наследия. 2018. № 2 (13). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/197.html> (дата обращения: 16.12.2018).

² См.: Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия – угроза национальной безопасности России: монография. М., 2014. 184 с.

Во-вторых, необходимостью осмысления особой роли и положения в системе цивилизационной и государственной безопасности России языкового измерения, в котором отражается и воплощается из поколения в поколение идентичность, культурный код и духовно-нравственный характер Российской цивилизации.

Повреждение культурно-исторического самосознания народа российской цивилизации может повлечь за собой критическое изменение ее мировоззренческих основ, а деградация в восприятии исконных смыслов исторической памяти такого уровня способна непосредственно обусловить распад культурно-исторического образования, коим является российская цивилизация. Правосубъектным стержнем российской цивилизации и выразителем ее культурно-исторической преемственности является Российская Федерация. Распад цивилизации проявляется в негативных процессах в стержневом государстве. Языковая преемственность в цивилизационной парадигме играет одну из основных ролей в обеспечении безопасности.

Отмеченные обстоятельства свидетельствуют о необходимости своевременного и адекватного реагирования в сфере безопасности российской цивилизации в направлениях культурной, исторической, языковой идентичности, обеспечивающей преемственную целостность и самобытность цивилизации. В этом смысле и выявляется языковое измерение как особая реальность в сфере цивилизационной безопасности России в современных условиях.

В-третьих, усилением цивилизационного противоборства в языковом измерении, активным использованием современными субъектами глобального противоборства современных медийных технологий, социальных сетей, в которых средствами языка формируется негативный образ России как цивилизации, подрывается её идентичность, дискредитируется роль в истории, нейтрализуется её проективность.

Современное информационное пространство представляет собой феномен, открывающий целый фронт воздействий на безопасность государства и цивилизации, занимая собой все более существенную долю в языковом измерении по отношению к цивилизационной безопасности России в современных условиях.

Коммуникативная медиареальность, становясь все более виртуальной, меняет человека «прошлого», которому было присуще мировосприятие на основании исторически выработанных ценностно-нормативных критериев.

Интенсивное и необратимое медиа-информационное преобразование современного человеческого общества диктует требования к незамедлительности реакции в отношении возникающих вызовов и угроз в языковом измерении, поскольку изменения, происходящие в ментальной сфере современной цивилизации, способны скоротечно обретать черты невозвратности с формированием ложных, уродливых форм культурно-исторического самосознания.

В-четвертых, необходимостью выявления конкретных вызовов и угроз российской цивилизации, среди которых особую опасность представляют социально-гуманитарные технологии, непосредственно разрушающие языковое пространство российской цивилизации.

Наряду с классическими возможностями воздействия на сторону противника (политические, экономические, военные и другие), начиная со второй половины XX века, все большее приложение обретает организуемая культурно-ценностная экспансия, влияние которой распространяется на культурно-исторические образования, наиболее масштабными из которых выступают самобытные цивилизации. Без участия власти реакция таких субъектов на подобные организованные воздействия может быть либо слишком инертна, либо вовсе пассивна.

Проблема социально-философского анализа специфики цивилизационной безопасности России в языковом измерении приобретает актуальное значение в современных условиях, так как она непосредственно связана с укреплением защиты цивилизационных ценностей, идентичности, духовно-нравственного характера средствами языка, который пронизывает и определяет все сферы жизнедеятельности личности, общества, государства как внутри России, так и за её пределами.

Таким образом, в настоящее время научное исследование в рамках социально-философского анализа сущности цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях представляет собой направление дея-

тельности высокой общественной важности, значимость которой имеет непосредственное отношение к состоянию и перспективам развития России и охватываемого ею цивилизационного ареала.

Степень научной разработанности проблемы. Вначале следует отметить, что «ни одна из представленных в научной литературе концепций и типологий цивилизаций не может быть признана в качестве единственно верной и бесспорной. Дело в том, что по своему происхождению и структуре цивилизация является феноменом собирательным, многофакторным»¹. В целом, цивилизация как социальная форма противопоставляется дикости и варварству, соотносится с уровнем развития культуры, системы ценностей и традиций, стадией развития общества, его прогрессом с соответствующим социальным порядком, то есть с проявляющимся определенным своеобразием социально-исторического организма.

Степень социально-философской разработанности вопроса цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях можно определить на основе изучения базы доступных теоретических источников, которые целесообразно распределить в четыре группы.

К *первой группе* можно отнести работы отечественных и зарубежных мыслителей и исследователей, в которых исследуется сущность цивилизаций и факторы их развития. Так, например, И.А. Абросимова, Р.В. Абубекеров, Б.А. Архипов, Р.Г. Браславский, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, В.И. Вернадский, Л.Н. Гумилев, С.А. Данин, В.К. Карнаух, А.И. Костяев и Н.Ю. Максимова, К. Куигли, Г.П. Прокофьева, Ю.И. Семенов, В.Г. Трифонов, Г. Чайлд, О. Шпенглер, К. Ясперс и другие рассматривают цивилизации на основании исторического анализа человеческого общества и в определенных срезях – культурном, политическом, социальном, геологическом, космологическом и др.²

¹ Цит. по: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / научно-ред. совет: предс. В.С. Степин. Т. 2. М., 2010. С. 333.

² См.: Абросимова И.А. Методологическая роль понятия цивилизации в социально-философском исследовании: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Саратов, 2000; Абубекеров Р.В. Детерминанты глобального и локального в цивилизационном развитии: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Саратов, 2011; Архипов Б.А. К вопросу о значении имени «цивилизация» // Омский научный вестник: философские науки. 2013. № 5 (122). С. 92-95; Браславский Р.Г. Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии // Социологические исследования. 2013.

Уклон в сферу социального фактора при изучении феномена цивилизаций присущ таким авторам, как П. Бурдьё, А.В. Коротаев, Л. Мамфорд, П.А. Сорокин, А. Тойнби¹ и др. Авторы данной группы большое значение придают роли социальных форм и процессов, обусловленных как ролью отдельных наиболее активных групп общества, так и самой природой общества и его ценностей.

В работах таких авторов, как Н.А. Бердяев, З. Бжезинский, Н.Я. Данилевский, Х. Маккиндер, А.С. Панарин, Э.В. Саид, В.С. Соловьев, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон прослеживаются религиозно-идеологические критерии-различия цивилизаций², что формирует понимание глубинных причин цивилизационного противостояния, в том числе, в языковом измерении.

В целом данная группа работ является теоретико-исторической базой настоящего социально-философского анализа и позволяет сформулировать обобщенный признак цивилизации и в дальнейшем раскрыть место цивилизационной безопасности в общей типологии безопасности.

№ 2. С. 15-24; Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008; Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? // Логос. 2006. № 5 (56). С. 3-8; Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 2004; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб., 200; Данин С.А. Природа цивилизации: социально-философский анализ: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Калуга, 2006; Карнаух В.К. Формы цивилизационных процессов (волны цивилизации): автореф. дис. ...д-ра филос. наук. СПб., 2000; Костяев А.И., Максимова Н.Ю. Современная российская цивилизациология. Подходы, проблемы, понятия. М., 2013; Прокофьева Г.П. Становление категории «цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Хабаровск, 2001; Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003; Трифонов В.Г. Геодинамика и история цивилизаций / отв. ред. Ю.Г. Леонов. М., 2004; Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952; Шпенглер О. Закат Европы. Образ и действительность. М., 1998; его же. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1998; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991 и др.

¹ См.: Бурдьё П. Социология социального пространства. М.; СПб., 2007; Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003; Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001; Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред. А.Ю. Согомонов. 1992; Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 2010 и др.

² См.: Аксумов Б.В. Конфликт цивилизаций в современном мире: автореф. дис. ...д-ра филос. наук. Ставрополь, 2009; Бердяев Н.А. Россия и Запад // Духовный кризис интеллигенции. СПб., 1910; Бжезинский З. Великая шахматная доска (сборник). М., 2014; Данилевский Н.Я. Россия и Европа / отв. ред. О. Платонов. М., 2008; Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 162-169; Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. М., 2003; Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; Соловьев В.С. Россия и Европа, 1888; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010.

Ко *второй группе* относятся работы, которые раскрывают сущность и функции языка, его место и роль в структуре цивилизации¹. В данных работах отображены обобщенные взгляды на происхождение, распространение и развитие языка как такового и различных языков, в частности, в контексте развития человеческой культуры и цивилизации. В данной группе необходимо выделить работы², в которых можно проследить взаимосвязь отдельного языка и соотносящейся с ним цивилизации. Кроме того, интерес представляют работы³, которые позволяют отметить аспекты и формы взаимодействия языков цивилизаций между собой.

Данная группа работ позволяет выделить основания для раскрытия сущности цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях, а также выступает методологической базой исследования в определении вызовов и угроз данному феномену в условиях современного развития человеческой цивилизации.

Третью группу источников составляют работы и исследования, раскрывающие сущность российской цивилизации и русского языка в ней⁴. В данных рабо-

¹ См., например: Бикертон Д. Язык Адама: как люди создали язык, как язык создал людей. М., 2012; Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 (юриспруденция). 2012. № 2 (17). С. 18-28; Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г.В. Рамишвили. М., 2000; Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: курс лекций. М., 2007; Розеншток-Хюсси О. Избранное: язык рода человеческого. М.; СПб., 2000; Хайрова С.Р. Язык и цивилизация: социально-философский аспект взаимодействия: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Волгоград, 2003.

² См., например: Бутенко Н.А. Русский этнос и российская цивилизация: социально-философское исследование самосознания: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Новосибирск, 2003; Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / общ. ред. А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили. М., 1985; Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб., 2003; Саврасов Л.В. Культура и цивилизация: анализ эволюции самоопределения категорий: автореф. дис. ...канд. филос. наук. СПб., 2007; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб, 1994.

³ См., например: Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 т. М., 1969. Т. 25; Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1953; Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004.

⁴ См., например: Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М., 1990; Горюнков С.В. Незнакомая Древняя Русь, или Как изучать язык былин / С.В. Горюнков. СПб., 2010; Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации: опыт философско-методологического исследования / Ю.Д. Гранин. М., 2007; Гребенюк Н.И., Деникин А.В. Родной язык – святыня, основа человеческой мысли и интеллектуального развития личности // Мир образования – образование в ми-

тах можно выделить изначальные источники мотивов цивилизационного противоборства, осуществляемого в языковом пространстве.

Четвертая группа источников включает в себя работы, посвященные анализу различных аспектов межкультурного противоборства в языковой сфере, языковому экспансионизму в различных формах и проявлениях, глобализационным и демографическим процессам по отношению к русскому языку и его носителям во всем мире¹.

ре. 2014. № 1. С. 71-78; Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; Исаченко Н.Н. Социально-философский анализ Российской цивилизации как социокультурной общности (региональный аспект): автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 2006; Каверин Б.И. Генезис русской цивилизации: пространственно-временной континуум // Пространство и время. 2011. № 3 (5). С. 96-105; Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2008; Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014; Колесов В.В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб, 2004; Лексин В.Н. Языковая репрезентация русской цивилизации // Мир России. 2014. № 2. С. 6-35; Леонтьев К.Н. Поздняя осень России. М., 2000; Марусенко М.А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М., 2015; Михайлов Ю.П. Язык человеческий. СПб, 2008; Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (Опыт метаисторического исследования): в 4 частях. Часть I. Религиозные начала цивилизационной структуры и духовные истоки русской цивилизации. М., 2001; Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М., 2010; Самусенко И.М. Российская цивилизация: социокультурные аспекты анализа: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Армавир, 2009; Селищев А.М. Старославянский язык. М., 1951; Экарева И.Л. Истоки, становление и развитие Российской цивилизации (исторический аспект исследования): автореф. дис. ...д-ра истор. наук. М., 2006.

¹ См.: Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX – XXI веков. М., 2012; Бартош А.А. Лингвистическая безопасность страны: модель управляемого хаоса в культурно-мировоззренческой сфере // Независимое военное обозрение. 2014. № 5 (793); Бирюкова Ю.Н. Лингвистическая безопасность и языковая политика в современном российском контексте // Правовая культура. 2011. № 2 (11). С. 67-72; Вдовиченко А.В. Расставание с «языком»: критическая ретроспектива лингвистического знания: монография. М., 2008; Гриценко Е.С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 9-11; Грицко М.И. Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. № 3 (9). Т. 1. С. 63-72; Дердюк В.Б. Цивилизационная безопасность России в современных условиях // Власть. 2010. № 9. С. 42-45; Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, туранский Логос. М., 2014; Жигалев Б.А., Устинкин С.В. Лингвистическая безопасность как фактор обеспечения устойчивого развития Российской Федерации // Власть. 2015. № 10. С. 32-41; Коврижных О.А., Бутыльская Л.В. Политическое насилие: языковое манипулирование общественным сознанием. М., 2015; Курочко М.М., Маслова М.В. Типология и функции языка в контексте гуманитарной безопасности и социальной проективности // Военный академический журнал. 2015. № 3 (7). С. 117-122; Макаревич Э.Ф., Карпунин О.И. Перспективы развития русского языка и русской культуры в современных условиях // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2015. № 3. С. 16-23; Марусенко М.А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности. М., 2015; Современное государство, социум, человек: российская специфика / отв. ред. В.Н. Шевченко. М., 2010;

Анализ работ данной группы послужил источником для выработки направлений ответов на вызовы и угрозы цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях.

Изучив вклад рассмотренных авторов в разработку тематики, имеющей непосредственное отношение к вопросу цивилизационной безопасности в языковом измерении для современной России, следует отметить, что данные труды определили наработку теоретических основ и формирование методологических инструментов для проведения исследования в направлении темы работы. Однако в результате анализа научной литературы по проблеме исследования следует отметить и то, что проблематика цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях еще не выступала в качестве предмета целенаправленного и системного социально-философского анализа. Это обстоятельство обусловило выбор темы, объекта и предмета исследования.

Объектом диссертационного исследования является цивилизационная безопасность России в современных условиях. **Предметом** исследования – сущность, содержание, характер вызовов и угроз цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях, а также направления ее укрепления.

Цель диссертационного исследования состоит в уточнении сущности, содержания и актуальной специфики цивилизационной безопасности России в языко-

Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж, 2004; Столкновение цивилизаций в языковом пространстве: вызовы современности: материалы межвузовской научно-практической конференции / под общ. ред. М.М. Курочки, М.В. Масловой. М., 2017; Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия – угроза национальной безопасности России: монография. М., 2014; Халеева И.И. Лингвистическая безопасность России // Вестник Российской Академии Наук. 2006. Т. 76. № 2. С. 104-111; Ходаковский Е.А. Цивилизационная безопасность и ее специфика в условиях Российского государства: автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 2000; Шелестюк Е.В. Английский язык как инструмент вестернизации // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сборник материалов II международной научной конференции. Челябинск, 4-5 апреля 2013 г. / под ред. В.Г. Будыкиной. Т. 2. Челябинск, 2013. С. 143-151; Язык вражды против общества: сборник статей / сост. А. Верховский. М., 2007; Янаков А.Т. Духовный потенциал российской цивилизации как фактор военной безопасности государства (социально-философский анализ): автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 2004; Янкова Н.А. Теоретико-методологические основания исследования лингвосоциокультурной безопасности общества // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2016. № 3. С. 23-31.

вом измерении в современных условиях с выявлением соответствующих вызовов, угроз и разработкой их типологии, а также определением основных направлений укрепления цивилизационной безопасности России в языковом измерении в контексте глобального противоборства.

На основании предмета и обозначенной цели исследования определены следующие **научные задачи**:

- уточнить сущность цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях;
- выявить основные вызовы и угрозы цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях общественного развития;
- разработать типологию вызовов и угроз цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях;
- определить основные направления укрепления цивилизационной безопасности России в языковом измерении в контексте глобального противоборства.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующих положениях:

- уточнено определение сущности цивилизационной безопасности России в языковом измерении в условиях воздействия современных вызовов и угроз;
- выявлены и обоснованы основные вызовы и угрозы цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях общественного развития;
- представлена авторская типология вызовов и угроз цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях;
- определены и обоснованы основные направления укрепления цивилизационной безопасности России в языковом измерении в контексте глобального противоборства.

Теоретическая значимость исследования заключается в углубленном изучении, социально-философском анализе и обоснованном обобщении выводов работ по цивилизационной безопасности современной России, рассматриваемых по отношению к языковому феномену в условиях существующих и возможных вы-

зовов и угроз. Это позволит расширить социально-философские знания в сфере гуманитарной безопасности России и сформировать базовую аксиологически направленную программу выхода из затяжных кризисных тенденций для российской цивилизации с конца XX по настоящее время. Полученные результаты и выводы могут использоваться и для дальнейших научных изысканий в отношении языкового фактора в структуре различных типов безопасности, а также в разработках по цивилизациологии, социолингвистике, медиафилософии.

Практическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости деятельности основных субъектов российской цивилизации по обеспечению её безопасности в языковом измерении, принятии и реализации на управленческих уровнях с этой целью научно обоснованных решений, способствующих развитию российской цивилизации, будут способствовать повышению методологической и мировоззренческой культуры в решении вопросов цивилизационной безопасности России. Теоретические выводы и положения работы для военно-управленческих кадров послужат методологической основой в военно-политической работе с личным составом армии и флота в формировании и укреплении их цивилизационной идентичности, духовно-нравственной стойкости и верности России.

Методология и методы исследования включают в себе взгляды, мнения, идеи, и выводы, подходы и направления социально-философской мысли по цивилизационной тематике, роли языка, языкового измерения и их значимости в структуре российской цивилизации с точки зрения ее безопасности. Работа представляет собой определенные итоги по изучению и анализу научно-теоретических трудов, документов, статистики государственных органов, материалов научно-практических конференций, диссертационных исследований, сообщений средств массовой информации, затрагивающих тематику цивилизационной безопасности современной России в языковом измерении.

Непосредственно методологическую основу диссертации составили основные научные положения социальной философии и ряда других наук, непосредственно затрагивающих предметную область исследования; научный понятийно-

категориальный аппарат, подходы и принципы в отношении объекта и предмета исследования; структурно-содержательный, функционально-деятельностный, аксиологический, социокультурный, цивилизационный, культурологический и исторический подходы; принципы историзма, социального детерминизма, преемственности, системности, классификации, движения от общего к особенному и единичному, и др. Кроме того, в работе применялись методы анализа, сравнения, теоретического описания и обобщения, индукции, дедукции, обследования, сравнительно-исторический, и др.

Эмпирическая база исследования состоит из обобщений контент-анализа изданий материалов научных исследований, монографий, статей, статистических данных, публицистических трудов, художественной литературы; положений основополагающих нормативно-правовых актов Российской Федерации в сферах языковой и культурной политики, а также безопасности; выводов и формулировок мнений признанных авторитетных авторов по исследуемой тематике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Цивилизационная безопасность современной России в языковом измерении представляет собой готовность и способность российской цивилизации при активной деятельности её субъектов к сохранению и развитию единой русскоязычной основы российской цивилизационной идентичности и государственности в условиях действительных и возможных, внутренних и внешних вызовов и угроз современности в языковом измерении.

Языковое измерение понимается как особая реальность в гуманитарном срезе общественного сознания, открывающая направление существенного воздействия на безопасность российской цивилизации по двум объективным сторонам языка – как средства (среды) и как цели.

2. В современных условиях основными вызовами цивилизационной безопасности России в языковом измерении являются: а) влияние общественной полемики в российской цивилизации посредством русского языка на развитие ее социально-политического устройства; б) негативное влияние иностранного языка на мировоззренческую матрицу российской цивилизации; в) существенные измене-

ния в коренном составе русского языка с тенденцией отхода от литературной формы, «понижающее» отношение к его значимости и др.

Основными угрозами цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях являются: а) деструктивное воздействие внешних и обусловленных ими внутренних акторов посредством русского языка на цивилизационное самосознание народа, устойчивость социально-политического устройства и цивилизационную ориентацию России; б) воздействие посредством иностранного языка на мнение и волю народов вовне российской цивилизации в целях ее демонизации и оправдания деконструктивной политики по отношению к ней; в) интенсивное убывание численности носителей русского языка в стране и мире.

3. Типологически вызовы и угрозы цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях определяются по следующим основаниям: а) по объективным сторонам языка – опосредованные и непосредственные (действующие через язык или воздействующие на язык); б) по направлениям источников порождения – экспансивные и деградационные (воздействующие извне или сформировавшиеся внутри цивилизации); в) по преднамеренности возникновения – искусственные и естественные (организованные целенаправленно или сложившиеся в ходе истории); г) по причинности возникновения – первичные и вторичные (возникшие независимо или обусловленные другими вызовами и угрозами).

4. Основными направлениями укрепления цивилизационной безопасности России в языковом измерении в контексте глобального противоборства выступают внутрицивилизационное и межкультурное, распределенные по трем векторам: а) ценностно-проективному, раскрываемому в обобщенных моделях прорыва для российской цивилизации; б) концептуально-политическому, реализуемому в закладке конкретных оснований для ее развития; в) социально-практическому, предполагающему частные меры в языковом измерении.

Внутрицивилизационное направление предполагает повышение внутренней сопротивляемости и живучести российской цивилизации в условиях существую-

щих и возможных вызовов и угроз в языковом измерении с учетом выявленных проблем, реализуемое путём организации превосходящих существующий уровень опасности настроек собственной цивилизационной системы. Межцивилизационное направление состоит в организации активного противодействия духовно-ценностной экспансии извне с расширением и укреплением российского цивилизационного ареала во внешнем контуре.

Степень достоверности и апробация исследования. Достоверность положений и выводов диссертации основана на объективной теоретической проработке значительного числа социально-философских работ отечественных и зарубежных ученых, а также социально-публицистической литературы, на теоретической продуманности основного замысла и логической непротиворечивости представленного материала, на обоснованности и доказательности основных положений, на применении социально-философских и общенаучных методов к анализу сложного социального явления, каковым является цивилизационная безопасность России в языковом измерении. В диссертации используются результаты социологических исследований, статистические данные, материалы публикаций в государственных и общественных изданиях, а также электронных ресурсов по изучаемой проблеме.

Автором последовательно реализованы научные процедуры для социального исследования, логика работы носит непротиворечивый характер, научные результаты доказательно аргументированы. Диссертация соответствует специальности 09.00.11 – Социальная философия.

Основные результаты диссертации обсуждались на кафедре философии и религиоведения Военного университета, в выступлениях на различных научно-методических и научно-практических конференциях, круглых столах и семинарах, использовались в ходе проведения занятий с курсантами Военного университета, а также нашли отражение в научных статьях, размещенных в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации и других рецензируемых научных журналах.

Отражение основных результатов диссертационного исследования заключается в публикациях общим объемом 4 п.л.

**Раздел 1. Сущность, содержание и специфика
цивилизационной безопасности России в языковом измерении
как предмет социально-философского анализа**

С целью раскрытия объекта исследования сначала обратимся к логике выделения цивилизационной формы в истории человечества.

Систематизация истории осуществляется с момента ее появления как объекта рассмотрения. К. Ясперс «осевым временем» обозначил период становления аналитического отношения к прошлому, когда мифологическое мышление было постепенно вытеснено рациональным. Такой системный взгляд на историю стал необходимым для сравнительного понимания состояния развития общества и места человека в нем с целью разрешения складывающихся противоречий.

Большинство ученых разделяет теорию «осевого времени», согласно которой постепенное повышение роли технологического в жизни человека над природным привело к ускорению прогрессивных изменений и в социальном пространстве, что в общественном сознании стало проявлять разрывы между «должным» и «сущим»¹. В результате разрыва мифологической замкнутости в понимании истории человек обрел способность сравнительного анализа пройденного обществом пути, а само общество – способность адаптации к существующим рискам путем самосовершенствования, в том числе, за счет модернизации системы идеалов и ценностей.

В науке подходов к систематизации и периодизации истории существует множество. Назовем основные из них, которые для периодизации используют различные критерии:

- историко-рефлексивный (мифологический тип мышления – «осевое время» – рациональное мышление);
- геохронологический (по выделению временных интервалов относительных геологических изменений в истории Земли, среди которых нынешняя эпоха (Ан-

¹ См.: Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003. 276 с.

тропоцен) подчеркивает влияние активности человека на экосистему планеты, а предшествующая (Голоцен) характеризуется возникновением цивилизаций);

- археологический (по среде обитания и развитию орудий труда: каменный (палеолит, мезолит, неолит, энеолит), бронзовый и железный «века»);
- культурно-исторический (древность, античность, средневековье, эпоха Возрождения, Новое время, новейшее время, современность);
- общественно-эволюционный (общинно-племенной, вождистский, государственный, надгосударственный уровни социальной интеграции);
- формационный (первобытно-общинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая и коммунистическая формации, а также азиатский способ производства);
- цивилизационный (общецивилизационный: дикость, варварство, цивилизация, а также в моделях культурно-исторических типов локальных цивилизаций);
- технологический (аграрное (доиндустриальное), индустриальное и постиндустриальное общества);
- мир-системный (выделение мирового «центра» или «ядра» (или нескольких) и соотносимых с ними «периферий»);
- дискурсивный (эпистемы, типы научной рациональности и т.п.).

Перечисленные и другие подходы к пониманию истории в наиболее общем виде могут быть классифицированы как линейные (стадиальные) и циклические (спиралевидные).

Циклический по своему характеру цивилизационный подход позволяет обеспечить:

- культурно-историческое исследование с выделением наибольших по масштабам и саморегулирующихся социально-исторических организмов – цивилизаций, важнейшим мировоззренческим источником и одновременно выразителем идентичности которых выступает язык;
- выделение системы факторов и закономерностей пространственно-временной локализации, целостности, автономности, социальной упорядоченности и цикличности исследуемых цивилизационных единиц;

–сравнение различных цивилизаций в избранные периоды общей истории при формировании общецивилизационного знания, выявление закономерностей и моделирование тенденций развития человечества.

В этом наша точка зрения близка разработкам А.С. Панарина, по мнению которого цивилизационный подход предполагает решение ряда проблем¹: 1) соотношения общецивилизационных универсалий и региональной (национальной) специфики; 2) соотношения цивилизационной стабильности и исторического творчества, нарушающего эту стабильность; 3) цивилизационного выбора (индивидуального исторического выбора народа – «ценности своеобразия и самобытности»²).

В современную эпоху с учетом накопившегося исторического опыта для изучения актуальных проблем международного уровня широко применяют цивилизационную методологию. Это связано с поиском базовых особенностей человечества, естественным образом выделяющих из него наиболее обширные выделяемые общности, при взаимодействии которых могут возникать проблемные явления, а также при изучении общечеловеческой цивилизации.

Цивилизационный подход в науке в настоящее время характеризует собой широкий спектр социальной проблематики, отмечающей, в том числе, современное перманентное противоборствующее состояние наибольших по социальным масштабам субъектов истории – цивилизаций. Межцивилизационная конфликтность выявляется уже на этапе критики цивилизационного подхода: «Теория цивилизаций наиболее активно разрабатывается в последние десятилетия (как альтернатива евроцентризму) в развивающихся и постсоциалистических странах. <...> В этой связи трудно не согласиться с точкой зрения И. Валлерстайна, который охарактеризовал цивилизационный подход как "идеологию слабых", как форму протеста этнического национализма против развитых стран "ядра" современ-

¹ См.: Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994. С. 4.

² Там же. С. 6.

менной мир-системы»¹. С.Г. Кара-Мурза как бы парирует данный тезис одним только названием своей книги: «Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции»².

Со своей стороны отметим, что «слабость» какой-либо из сторон такого противопоставления определяется выбором критериев оценивания в определенном отрезке истории. Соответственно, «развитость», «национализм» и даже «современность» представляются терминами еще более дискуссионными.

Цивилизация как тип общественной организации представляет собой многогранный феномен, в разработке сущности которого может быть отмечено множество теорий и направлений. Например, по Р.Г. Браславскому, в междисциплинарном подходе выделяют до семи теоретических направлений (кластеров теорий): теории происхождения и стадий эволюции цивилизации; теории процесса (процессов) цивилизации; институциональные теории многолинейного развития цивилизации; теории локальных цивилизаций, культурных суперсистем и стилей; теории цивилизаций как регионов, мир-систем и сетей взаимодействия; социологические теории цивилизационных комплексов, межкультурных взаимодействий; цивилизационный дискурс-анализ³.

В обобщенном виде выделим три подхода к пониманию сущности цивилизации, которые обладают общим признаком «цивилизация как *иное* варварства»⁴ (курсив автора – Л.З.): цивилизация как прогресс (в том числе, как прогрессивная форма социального порядка), цивилизация как стадия культуры и цивилизация как система ценностей⁵.

¹ См.: Крадин Н.Н. Проблемы периодизации исторических макропроцессов // История и Математика: Модели и теории / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. М., 2008. С. 166-200. URL: http://cliodynamics.ru/index.php?id=51&option=com_content&task=view (дата обращения: 08.08.2018).

² См.: Кара-Мурза С.Г. Евроцентризм – эдипов комплекс интеллигенции. М., 256 с.

³ См. подробно: Браславский Р.Г. Цивилизационная теоретическая перспектива в социологии // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 15-24.

⁴ Федорова М.М. Цивилизация и традиция // Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение. М., 2015. С. 382; см. также: Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб, 2006. С. 616; Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху / Н.В. Мотрошилова. М., 2007. 268 с.

⁵ А.С. Панарин называет, например, романтические оппозиции «цивилизация-природа» и «цивилизация-культура» (см.: Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма.

Обозначенное «иное» в общностях, в качестве которых выступают отдельные цивилизации, проявляется уникально, в определенном смысле представляя собой общий свод идей, мировоззрение (мировосприятие, миропонимание), наследуясь практикой определенного исторического пути. Поэтому междоцивилизационный конфликт ведет к конфликту языковому, поскольку язык – сущий носитель ментального ядра самобытной цивилизации.

С другой стороны, многое в общественной конфигурации определяет и материальная сторона действительности, этого нельзя отрицать. Как, например, характер производственных отношений, ресурсы, география и т.п. В этом случае уместно было бы показать взаимосвязь между мировоззрением и материальной стороной цивилизации в категориях классического марксизма, перекинув тем самым своего рода «мостик» между цивилизационным и формационным подходами¹.

При цивилизационном подходе отмечается *фактор локальности* цивилизаций, который обуславливается, с одной стороны, географическим положением, способами хозяйствования и т.п. в отношении исследуемых цивилизаций, а с другой – культурной самобытностью, мировоззренческой самостью и т.д. Иными словами, для локальной цивилизации характерна определенная уникальность и равновесность сложившейся ее экосистемы – как в материальном смысле, так и в ментальном. В древние времена материальная граница цивилизационной экосистемы существенно ограничивала границу ментальную. С развитием средств передвижения и коммуникаций ментальные границы цивилизаций становились все более проницаемыми, в результате самобытность цивилизаций понимается все больше в виде мировоззренческого «ядра».

Географические, экономические, структурные, этнические, демографические и другие *базисные* факторы, «локализирующие» цивилизацию в исследовательском

М., 2005. С. 67). В целом, это укладывается в основные типы цивилизации как прогресса: над природой (искусственная среда вместо природы) и культурой (общественная доминанта над культурной).

¹Науке известны способы «примирения» различных критериев систематизации истории. Например, В.А. Порозов называет формацию *горизонтальным* срезом динамики общества, а цивилизацию – *вертикальным* (см.: Порозов В.А. Локальная цивилизация как система // Вестник ПГГПУ. 2016. Серия 3. Гуманитарные и общественные науки. Выпуск 1. С. 56.).

смысле, как следствие обеспечивают «центр тяжести» ее культуры, системы ценностей, собственной «формулы» прогресса и, в конечном итоге, уникальный социальный порядок¹ – *надстройку*, влияющей по обратной связи на сложившийся *базис*.

При этом базис и надстройка локальной цивилизации внутри ее равновесной экосистемы не есть некие изоляты по отношению к другим цивилизациям, поскольку как материальный, так и культурно-ценностный обмен между цивилизациями не прекращается. В результате такого взаимодействия, в том числе, межкультурного, обеспечивается избирательное принятие нового, тем самым самобытная цивилизация диалектически обеспечивает свою самость и одновременно развитие в русле общечеловеческой цивилизации.

По К. Райту, для цивилизаций характерно такое состояние культуры, которое позволяет использовать в своем развитии и проявлениях определенное поле альтернатив с обязательным соотносением с некоторыми фундаментальными ценностями. Такой мировоззренческая самоадаптация культуры обеспечивает подстройку актуальной традиции под высшие ценности. Различия между цивилизациями автор видит в своеобразии фундаментальных ценностей, выражаемых более всего в религии². Разумеется, вне языка выразить какие бы то ни было ценности невозможно.

Стоит обозначить правовую основу межкультурного различия, выражаемую как *право на несходство* (что сонаправлено с правом нации на самоопределение), выступающей в настоящем исследовании *методологической презумпцией*. Это целесообразно вследствие выделения цивилизаций, исторически воспроизводящих свою уникальность. Тем самым мировоззренческое понимание «иного варварства» образует и «иное» цивилизаций. «В целом, цивилизационная доминанта в социальных науках уже не вызывает сомнений»³, а «попытки игнорировать особенности цивилизационного развития страны, ее ценности и интересы

¹См.: Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб., 2006. С. 615.

²См.: Wright Q. A Study of War. Chicago, 1942. 904 p.

³См.: Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1994. С. 4.

всегда имели и будут иметь трагические последствия»¹. А.И. Костяев и Н.Ю. Максимова разрабатывают основы цивилизациологии².

Отличительные черты каждой цивилизации, охарактеризованные как мировоззренческие, закладываются и развиваются в процессе ее существования и особенно в период зарождения. По А. Тойнби, цивилизация для образующих ее этносов предстает социально-организованной формой радикального ответа творческого меньшинства на вызовы³. Поскольку результатом такого процесса становится возникновение качественно иного уровня общности, нежели этнос, вызревает генеральный отличительный *критерий цивилизации – мировоззренческий*⁴. Становясь цивилизацией, определенным универсумом, ее единый народ, ведомый элитой, заглядывает за горизонты истории. При этом, образовав единую общность, некогда отдельные этносы исповедуют и совершенствуют некоторый единый этико-аксиологический базис. В этом смысле мировоззренческий критерий выделения цивилизаций достигает ценностных позиций: «...разные цивилизации, исходя из собственных представлений о сути вещей, по-разному воспринимают понятия добра и зла, жизни и смерти, счастья и беды, трагедии и комедии»⁵.

Схоже с А. Тойнби, Л.Н. Гумилев полагает в качестве «пускового механизма» цивилизации, из совокупности этносов становящейся суперэтносом, пассионарный толчок, «взрыв»⁶. Система «вызовов-ответов», по А. Тойнби, сопровождает цивилизацию на всем пути ее существования вплоть до распада, когда с вырождением элит падает ответная сопротивляемость. Близкая точка зрения у

¹ Петрий П.В. Ценности как фактор цивилизационного единства на постсоветском пространстве // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. 2015. №2. С. 7.

² См.: Костяев А.И., Максимова Н.Ю. Современная российская цивилизациология. Подходы, проблемы, понятия. М., 2013. 328 с.

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. М., 2010. 640 с. (сборник составлен по материалам первых семи томов 12-томного труда Тойнби).

⁴ М.М. Мчедлова обозначает современное понимание мировоззренческого критерия «идеологией цивилизации» (Мчедлова М.М. Российская цивилизация: вызовы XXI века: учебное пособие. М., 2008. С. 22).

⁵ Челябинский А.А. Цивилизации как глобальные субъекты международных отношений // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 1. С. 27.

⁶ Для Л.Н. Гумилева – «фактор икс» (Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб, 2001. С. 168), порождение которого автор связывает с космологическими причинами.

С.Б. Переслегина¹. Поэтому отмечаем пассионарные силы народа как цивилизационный источник и формирующуюся в последующем элиту как ее «нервный центр» с самовоспроизводящей и защитной функцией цивилизации.

Цивилизация, переживая в своей истории периоды зарождения, расцвета и затем упадка, проходит через процедуру реставрации цивилизационной идентичности в конце каждого периода подобного кризиса. Реставрация идентичности цивилизации заключается, не в последнюю очередь, в восстановительной модернизации норм и ценностей, бывших востребованными в предыдущий период ее расцвета². Это свойство цивилизации является одной из основ цикличности ее развития в истории. Неспособность к ценностной модернизации приводит к распаду цивилизации на национальные фрагменты.

В настоящее время глобализационный процесс как никогда близко свел современные самобытные цивилизации, порождая целый спектр особенностей при их взаимодействии³. Поэтому в наше время чрезвычайно важно, что «с точки зрения **теоретически обоснованной стратегии** развития России и всего мира чрезвычайно важно осмысливать и решать коренные, в том числе и вполне конкретные, злободневные проблемы как общие вопросы современной цивилизации в целом и как особые, но именно цивилизационные проблемы той или иной страны»⁴ (курсив автора – Л.З.).

Ввиду вышеизложенного, научная тематика изучения цивилизаций может быть условно разведена в два направления:

¹ См.: Переслегин С.Б. Послесловие. О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с.

² См. подробно: Горюнов А.В. Существуют ли в действительности локальные цивилизации? // Философия и общество. 2011 № 1. С. 66-84.

³ Существует понятие «ориентализм» (выделяют скрытый и явный), означающее предубежденность Запада по отношению к Востоку, основанная на внутреннем, европейском видении Востока, а также соответствующих суждениях, оценках, взглядах. Тем самым Запад сам порождает дистанцию и противоречия (см.: Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб, 2006. 640 с.). Оксидентализм – противопоставление ориентализму.

⁴ Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов: 2-е изд. / Н.В. Мотрошилова. М., 2010. С. 13.

– выявление отличительных признаков, сущности, природы генезиса и типологии отдельных цивилизаций, формирование моделей и закономерностей межцивилизационного взаимодействия в исторической практике;

– соотнесение мировоззренческих целей и ценностей самобытных цивилизаций при их взаимодействии с универсальными ценностями общечеловеческой цивилизации, выработка моделей такого взаимодействия¹.

Конфронтационные причины в цивилизационном подходе первого направления проявляются как отличительные между взаимодействующими в настоящий момент цивилизациями, второго – как отличительные этих цивилизаций от варварства по их внутреннему мировоззрению. В первом случае противоборство представляет собой борьбу за «место под солнцем», за выживание, во втором – за первенство своих идеалов и ценностей². В обоих случаях может быть выделена межцивилизационная конкуренция в мировоззренческом пространстве.

Межцивилизационные войны К. Райт называет «историческими», ведущимися на духовном уровне за абстрактные социальные символы. Сама способность вести межцивилизационную (духовную) войну оценивается выше, чем текущие победы в «горячих» войнах. Излишняя воинственность цивилизаций соотносится с их меньшей долговечностью, что говорит о слабости их ценностей. Более скорый переход к миротворчеству свидетельствует об эффективности ценностей и, следовательно, достаточном уровне самоконтроля. Длительные войны цивилизаций на истощение разрушают мораль народов, их ценности. Эволюция цивилизации зиждется не на военных успехах, а на ментальных прорывах³.

К. Райт перечисляет причины гибели цивилизаций: *катастрофа, завоевание, коррупция и конверсия*. Для темы настоящего исследования больший интерес представляют две: «коррупция», которая соотносится с внутренней социокуль-

¹ Сюда включается также модель трансформации цивилизационной идентичности в сторону ее утраты или «стирания»: как в результате унифицирующей экспансии одной из культур, так и в случае гипотетической культурной деградации человечества.

² Оценочно, имеет место для высших форм цивилизации – «сетевой» и «геоцивилизации» (См.: Баубериков Г.Ж. Религиозный фактор в цивилизационном развитии постсоветского пространства: автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 2016. С. 11).

³См.: Wright Q. A Study of War. Chicago, 1942. 904 p.

турной деградацией, и «конверсия», соотносящаяся с внешним культурным и идеологическим воздействием.

Безусловно, современные проблемы безопасности международного уровня следует обсуждать одновременно на уровне геополитики, геоэкономики и геокультуры¹. Такое социокультурное направление безопасности, по мнению А. Полторакова, качественно преобразует костную и неадаптивную «одноукладную политико-экономическую систему безопасности»², жестко настроенную на конкретные вызовы и угрозы с заданными уровнями и направлениями возникновения.

Подытоживая, заметим, что цивилизационная безопасность на уровне культурно-ценностной идентичности предстает как особый тип безопасности, отличный от национальной или государственной. Ввиду отмеченных обстоятельств обозначается проблематика цивилизационной безопасности как самостоятельное, но все-таки не исчерпывающее разработанное направление.

Далее следует выявить особенности цивилизационной безопасности применительно конкретно к российской цивилизации.

Как известно, многие отечественные исследователи отмечают цивилизационный характер России³. Например, А.Н. Каньшин выделяет родовые и видовые признаки российской цивилизации⁴. В частности, в числе видовых признаков ав-

¹ Полтораков А.Ю. Геокультурное (цивилизационное) измерение международной безопасности // Общество и этнополитика: материалы Пятой междунар. науч.-практ. интернет-конф., 1 апреля – 1 мая 2012 г. / под науч. ред. Л.В. Савинова. Новосибирск, 2012. С. 24.

² Там же. С.25.

³ См., например: Бутенко Н.А. Русский этнос и российская цивилизация: социально-философское исследование самосознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2003. 19 с.; Исаченко Н.Н. Социально-философский анализ Российской цивилизации как социокультурной общности (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 25 с.; Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое / А.С. Ахиезер, С.Н. Гавров, Э.С. Кульпин, А.А. Пелипенко, И.В. Кондаков, Н.А. Хренов, И.Г. Яковенко и др.; отв. ред. И.Г. Яковенко. М., 2007. 685 с.; Россия на пути консолидации: сборник статей. СПб, 2015. 416 с.; Соловьев А.И. Цивилизационный облик российской политики: теоретические аспекты // Власть. 2008. № 11. С. 3-11; Спиридонова В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. М., 2016. 122 с.; Цивилизация, притворяющаяся страной. Ведущие западные аналитики о России / под ред. А.А. Сушенцова. М., 2016, 384 с. и другие.

⁴ Каньшин А.Н. К вопросу о российской цивилизации // Вестник Военного университета. 2007. № 4 (12). С. 23.

тор называет русский язык, особую ментальность, нормы и ценности. Г.Ж. Баубериков проводит синтез этапов цивилизационного становления России: государство-цивилизация, империя-цивилизация, региональная цивилизация, сетевая цивилизация и геоцивилизация¹.

Здесь же отметим, что, беря за основу различные периоды истории и используя собственный набор критериев, разные исследователи российскую цивилизацию называли «русской цивилизацией», «православной цивилизацией», «славянской цивилизацией», «русским миром». Однако в современных условиях, учитывая принципиальную суперэтническую и многоконфессиональную основу России, предпочтительнее будет употреблять термин «российская цивилизация».

Применительно к цивилизационной безопасности России также можно отметить определенные наработки. Например, у Е.А. Ходаковского цивилизационная безопасность предстает свойством этнически разнородных объектов общественного бытия сохранять свое существование и жизнедеятельность вследствие внутренней интеграции и гармонии взаимодействия с окружающей действительностью². К.А. Феофанов при определении безопасности цивилизационного развития России говорит о необходимости реакции на внешние и внутренние угрозы в русле политологического анализа³.

Ранее мы установили, что мировоззренческое понимание «иного» по отношению к «варварству» и представляет собой корень различия цивилизаций между собой⁴. Отдельные цивилизации и позиционируют себя более развитыми по отношению к другим (гласно или негласно – к более «варварским»⁵). Таким образом, *инаковость* с точки зрения суверенного понимания наиболее общих этико-

¹ Баубериков Г.Ж. Религиозный фактор в цивилизационном развитии постсоветского пространства: автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 2016. С. 11.

² См.: Ходаковский Е.А. Цивилизационная безопасность и ее специфика в условиях Российского государства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 25 с.

³ См.: Феофанов К.А. Безопасность цивилизационного развития России в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 2005. 44 с.

⁴ Например, А.С. Панарин отмечает *социоцентризм* Запада и *космоцентризм* русской цивилизации (см.: Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. 188 с.).

⁵ Варварство – это, прежде всего, не технологическое «отставание», а этико-аксиологическое (мировоззренческое) *дистанцирование*. Именно эта «разница» может одно-сторонне пониматься ангажированной стороной как «отставание».

аксиологических оснований цивилизаций выступает двигателем ментальных межцивилизационных несовпадений. Это говорит о мировидении (мировоззрении, «мироистолковании»¹), что с этой позиции и вследствие присутствия иррационального, околорелигиозного компонента в мировоззрении затрудняет конкретизацию цивилизационных критериев, обладающих конкретно-сущностным выражением. При этом значение цивилизационной безопасности в гуманитарном срезе проявляется отчетливо.

В общепринятой типологии безопасности в России исследователи выделяют, по крайней мере, три наиболее распространенных подхода²: национальная безопасность³, государственная безопасность и «безопасность страны» (территориальная целостность). Национальная безопасность, по нашему мнению, есть политико-правовое выражение безопасности государственного субъекта, что в мировоззренческом отношении проявляет недостаточную различительную способность, в отличие от безопасности цивилизационной.

Цивилизация, в отличие от государства как правосубъекта, не включена в правовые отношения с представительством власти, поэтому форма ее социального порядка имеет не политическое выражение, а социокультурное. Поэтому авторское убеждение состоит том, что наиболее открыто в исследовании цивилизации проявляется *историческая тенденция* ее развития. Вскрытые тенденции в истории цивилизации (формы и признаки ее проявленности в бытии) указывают

¹ См.: Бродский А.И. Власть языка. П.А. Флоренский и лингвистическая философия XX века // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 6. Вып. 4. С. 21.

² См., например: Ходаковский Е.А. Цивилизационная безопасность и ее специфика в условиях Российского государства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2000. 25 с.

³ Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683), «национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» (См.: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря). Таким образом, официально *национальная безопасность* определяется как родовое понятие по отношению к другим видам безопасности в России.

на ее сущность (отграниченность от других сущностей), что представляется объективным для исследования общностей подобного типа¹.

Далее для понимания цивилизационной безопасности необходимо всесторонне рассмотреть сущность безопасности как таковой².

Безопасность как «состояние защищенности»³ («проблема безопасности предполагает ограничение или снятие опасности»⁴) от воздействий с негативными последствиями относится к объектам, представляющим ценность. Исходя из этимологии слова «защищенность» (от корня-слова «щит»), негативное воздействие ожидается, преимущественно, с внешнего для защищаемого объекта направления. Разрабатывая определение безопасности, основываясь на теоретико-методологическом анализе этого термина, М.Ю. Зеленков выводит следующее определение: «...будем понимать под безопасностью – такое состояние объекта, которое позволяет исключить нанесение ему ущерба, превышающего допустимый уровень»⁵ (курсив автора – Л.З.).

В свою очередь добавим, что негативное воздействие на объект безопасности может обуславливаться как следствием рационального замысла, так и случайным (естественным, «природным» и т.п.) воздействием; как извне, так и в результате внутренних процессов; как планомерно, так и стихийно; наконец, как непосредственно, так и опосредованно с другими процессами и явлениями. Следует учитывать, что замысел разрушения извне может быть, например, умышленно замаскирован под случайный (естественный) процесс.

Термин «цивилизационная безопасность» имеет значение в том случае, если «цивилизация» представляет собой некую целостную самобытность (или содер-

¹ «Действительно, нет ни одной современной цивилизации, которую можно было бы по-настоящему понять без знания прошлых путей ее развития, ее былых ценностей, накопленного опыта. Цивилизация – это всегда прошлое, определенное живое прошлое» (Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М., 2008. С. 54).

² Эволюцию термина «безопасность» раскрывает, например, Д.Н. Калачев (см.: Калачев Д.Н. Безопасность: эволюция понятия // Политическое управление. 2014. № 4 (8). С. 385-391. DOI: 10.7256/2307-9118.2014.4.13232).

³ Понятие безопасности как «состояния защищенности» здесь применяется по аналогии с определением национальной безопасности из Стратегии национальной безопасности РФ.

⁴ Крылова И.А. Проблема безопасности России в контексте глобалистики. М., 2001. С. 7.

⁵ Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография / М.Ю. Зеленков. М., 2013. С. 19.

жит целостное ядро), представляющую ценность, в отношении которой может быть реализован процесс ее критического изменения (разрушения).

Относительно ранее отмеченных у К. Райта и соотносящихся с темой исследования причин крушения цивилизации (коррупция и конверсия), интерес вызывает подход Э.П. Литвинова. Сначала «безопасность» автор определяет как «состояние сложных социальных систем, обеспечивающих и гарантирующих сохранение их целостности, устойчивого динамического развития и эффективного функционирования на заданные цели и тех объективных условий, которые этому способствуют»¹. Он также приводит и основные критерии безопасности в отношении социальных систем (в том числе сложных, что соотносится с цивилизацией): их целостность, степень их устойчивого динамического развития, эффективное и целенаправленное функционирование данных систем при достижении конкретных результатов.

В той же работе автором сформулирован *закон* безопасности социальных систем: диалектическое соответствие «направленности и содержания субъективных факторов системы безопасности объективным условиям ее целостного существования, динамичного развития и эффективного функционирования»². Видно, что система безопасности должна соответствовать задачам целостности, развития и функционирования защищаемой социальной системы. При этом она должна быть избирательной, чтобы не подавлять функции защищаемой системы, то есть быть функционально не токсичной.

И далее, как бы в противовес классическому определению безопасности как «состоянию защищенности», Э.П. Литвинов выводит, что «безопасность вообще не есть чье бы то ни было состояние», а «может быть обеспечена лишь готовностью и способностью самой системы сохранять состояние как целостное и устойчивое и активно противостоять различным внутренним и внешним отрицатель-

¹Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1 (7). С. 71.

² Там же.

ным воздействиям»¹. Здесь отчетливо отмечается взаимовлиятельность субъекта, объекта и средств воздействия.

Понятно, что «готовность» и «способность» характеризуют, в первую очередь, упредительную и сохраняющую целостность системы ее приспособляемость к «отрицательным воздействиям», то есть уровень *развития защитных возможностей системы*. Развитие же защитных возможностей в условиях изменчивости деструктивных воздействий определяется новыми возможностями *развития самой системы*. При этом развитие системы означает выход к рубежу непознанных рисков и также понуждает развитие системы безопасности к своему витку развития. В этом смысле диалектическая взаимозависимость безопасности и развития должна иметь определяющее значение в оценке состояния изменчивой социальной реальности.

И у Э.П. Литвинова безопасность понимается диалектически, а именно деятельностью субъектов социальной системы, которая характеризуется и целенаправляется потребностями и интересами данных субъектов. При этом результат деятельности должен кроме удовлетворения потребностей и интересов субъектов деятельности обеспечивать и безопасность социальной системы для удовлетворения *будущих* потребностей и интересов (что также можно включить в сферу интересов субъекта), определяя для этого средства обеспечения безопасности. Субъекты же деятельности характеризуются одновременно как свободные и нравственные существа, подчеркивая тем самым *диалектическое единство свободы и самоограничений*. Это обеспечивает диалектическое самосовершенствование субъекта, которое, в свою очередь, подразумевает диалектическое единство возможностей и готовности к самосовершенствованию.

В отношении безопасности для социальных систем могут быть выделены различные классы (типы), виды и уровни. Каждая категория должна исходить из какого-либо единого основания, по которому производится оценка безопасности. Наиболее общими категориями в социально-гуманитарном отношении выступа-

¹ Там же. С. 72

ют две реальности человеческого бытия – «тело» и «разум» (включая «дух»), то есть материальное и идеальное.

В материальном смысле речь может идти о различных классах физической безопасности людей в формируемом ими обществе, то есть о жизни, здоровье, свободе, благополучии и тому подобном в коллективном значении.

С точки зрения идеального в социальном плане понимается общественное сознание и самосознание, ценности, культура, традиции, информация, справедливость (право) и другие проявления. В свете этого мало кто может не согласиться с тем, *что язык выступает живой материей передачи реальности «разума» в обществе, в том числе и «духа».* В то же время язык является одновременно и источником воспроизводимых обществом в его истории единых мировоззренческих основ, то есть самосознания, ценностей, культуры, традиций и т.п. Следовательно, в языковом измерении пересекаются все сущности нематериальной реальности общества и человека.

Если говорить о суперэтнотипе цивилизации как ее этно- и социокультурном носителе и производителе, то нельзя не признать, что в основе любой этнической и суперэтнической единицы пребывает язык. И самоидентификация этноса и принадлежности к нему его членов происходит на уровне процедуры *самосознания* (самоидентификация «мы – они»), в результате чего этносом вырабатывается языковое самовыражение – *самоназвание*¹. По этой причине связь этноса (суперэтноса для цивилизации) со своим именованием проявляется более чем очевидно. Именно с размытием границ языка диалектами, наречиями, говорами наблюдается прямая связь и с дифференциацией самоназваний этносов по народностям, племенам и т.д. Самой собой, сущность этноса (суперэтноса) имеет и географическое, и культурное, и даже биологическое выражение – но высшим следует признать, конечно же, выражение духовное: *«Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно*

¹ См.: Кудяева С.Г. Самосознание и самоназвание как основные этноидентифицирующие категории (на примере адыгского этноса) // Новые технологии. 2008. № 6. С. 92-96.

*представить себе что-либо более тождественное»*¹ (курсив мой – Л.З.). В основе цивилизационной идентичности наряду с религией, культурой, историей и территорией исследователи чаще всего выделяют язык².

В свою очередь, выделенная как измерение языковая реальность, также может быть категорирована. С точки зрения обеспечения цивилизационной безопасности язык можно представить в виде двух нераздельных объективных сторон: *языка как средства (среды)* и *языка как цели* воздействия.

В первом случае язык рассматривается как посредник, то есть инструмент или среда передачи воздействия на интересующую цель. В сфере безопасности цивилизационного значения – на самосознание суперэтнуса цивилизации. Во втором случае язык как выразитель культурного наследия и самобытного миропонимания определяется как основной объект воздействия, являющийся по своей сущности базовым элементом культуры³ и поэтому выступающий источником ответного противодействия внешним деструктивным замыслам в межкультурном противоборстве мировоззрений.

Данная классификация выводится из антиномий языка, известных по работам Платона, В. фон Гумбольдта, Х. Штейнталя, А.А. Потебни, В. Анри, П.А. Флоренского и других авторов. С одной стороны, язык – «живет», «течет», он – «мгновенное действие духа» и «достояние народа», а «человек – творец языка». С другой же стороны, языку присущ «монументальный характер», он дан историей как нечто непреложное, поэтому человек может им только пользоваться, не являясь его творцом⁴. В первом случае язык раскрывается в диахроническом (динамическом) срезе, во втором случае – в синхронии (статике, системности).

¹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г.В. Рамишвили. М., 2000. С. 359.

² См.: Дердюк В.Б. Цивилизационная безопасность России в современных условиях // Власть. 2010. № 9. С. 45.

³ Вспомним строки у И.С. Тургенева: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!».

⁴ См.: Флоренский П.А. Сочинения в 2-х томах. Т.2. У водоразделов мысли. М., 1990. С. 154-156.

В современной научной литературе можно выделить работы, в которых исследуется национальная безопасность в призме *лингвистической (языковой) безопасности*¹. В этом направлении язык понимается как объект для угроз, а уже как следствие – условием (средством) для угроз другим объективным значимостям. Подчеркнем, что языковая безопасность – это категория понятийно более узкая, нежели языковое измерение цивилизационной безопасности, поскольку первая в языковом факторе отдает приоритет государственному языку и его нормативным показателям, регулированию этого языка с точки зрения интересов государства и поэтому, преимущественно, внутренней стороне в обеспечении безопасности. Однако глобализация и медиаизация современного мира заставляет смотреть на данный вопрос объемнее и при этом деликатнее.

Для всестороннего изучения языкового феномена применительно к безопасности следует рассмотреть особенности, сформированные в основных направлениях философии языка последнего времени, принявших междисциплинарные формы. Рассмотрим актуальные модели языковой безопасности в призме структурализма, постструктурализма и аналитической философии, оказавших на общество и науку существенное влияние.

Структурализму в области лингвистики (структурной лингвистике) присущи определенные черты: в языке обнаруживается формальное строение, системность и порядок. Общество и его культура также выражены определенными структурными, рационально обусловленными друг с другом связями и отношениями, но не всегда явными. Методы структурализма раскрывают определенные грани языка, закономерности общества, культуры, вплоть до объема мироздания. При этом объекты исследования берутся, преимущественно, в статике и равновесии, нежели в динамике и развитии.

¹ См., например, работы А.А. Бартоша, Ю.Н. Бирюковой, М.В. Горбаневского, А.И. Горячева, Е.С. Гриценко, М.И. Грицко, Б.А. Жигалева и С.В. Устинкина, М.М. Курочки, С.Г. Тер-Минасовой, Г.Н. Трофимовой, И.И. Халеевой, Н.А. Янковой, и других. Г.Н. Трофимова исследует также смысловую лингвоконфликтность текста с точки зрения безопасности его воспринимающего, персонаже и даже автора; перекликающееся направление в отношении СМИ исследуют О.Н. Горячева и О.Г. Гунько.

Методологическая основа структурного моделирования может быть положена в основу языковой безопасности в качестве охранительной, эталонно-нормативной, преемственной и других функций. Кроме того, структурный метод в сравнительном применении позволяет выявлять направления относительных и абсолютных изменений в языке с целью оценки их критичности.

В **постструктурализме**, возникшем на отказе от аргументации структурализма, можно выделить следующие черты: мир неподвластен рациональному объяснению, он хаотичен и непредсказуем, непознаваем и дискурсивен, состоит из обрывков информации, «языковой субстанции», пребывая в сложных отношениях автономии своего хаоса и власти порядка. В обществе же интерес представляют не интеллект, который стал достоянием масс и тем самым вульгаризировался, а особость маргиналитета, поскольку теперь только в нем отыскивается хоть какая-то аутентичность и независимость, отражающая свойства реального мира-хаосмоса.

В связи с этим языковая безопасность в постструктуралистском подходе может быть выражена глубинной непознаваемостью языка, неуправляемостью, непредсказуемостью и автономностью его развития, что и представляет в нем главную *жизненную* ценность. Всякая система, что для постструктурализма есть синоним тоталитаризма, внешняя навязанность или, наоборот, потеря внутренней эстетики должны исключаться как крайности, чуждые и неестественные условия.

В основе **аналитической лингвистики**, в истоках которой находятся аналитическая философия, впитавшая неореализм, лингвистический позитивизм и прагматизм, лежит доказательность, аналитичность, понятийная строгость. В сфере ее интересов, прежде всего, обыденный язык. Впоследствии с возникновением постструктурализма научный фокус аналитической философии сместился к изучению феномена сознания, поэтому для аналитической лингвистики одним из основных объектов исследований можно полагать взаимосвязь языка и сознания.

В этом направлении языковая безопасность может пониматься наравне с безопасностью сознания (а также и подсознания), мышления, поведения, — следовательно, непосредственного будущего *свободного человека и свободного обще-*

ства, и в своих обеспечительных мерах должна быть направлена на совокупную систему «язык-мышление», отождествляя манипуляции над языком также и с манипуляциями над сознанием.

Рассмотрение основных моделей языковой безопасности требует углубленного исторического рассмотрения основных представлений о самом языке как феномене. Заметим, что в интересах объективности и всесторонности проведения настоящего исследования анализ будет необходим как в отношении общеисторических фиксаций о понимании языка (общеисторический взгляд), так и в отношении конкретной исторической динамики для русского языка как титульного для российской цивилизации (внутрицивилизационный взгляд).

Представления о языке складывались с самых древних времен и до наших дней. Лингвоисторический анализ позволяет выделить, по крайней мере, четыре сложившихся основания в понимании феномена языка: *онтологическое, религиозное, социокультурное и интерсубъективное*.

1. **Онтологическое понимание языка** известно со времен Древней Греции, начиная с Гераклита Эфесского и его учения о Логосе (греч. *logos* – речь, слово, высказывание, понятие, основание, мера), которое он создал в условиях персидского нашествия на Грецию. В Древней Индии в ведических текстах речь понималась как высшая и вечная космотворческая сила, позднее грамматическое видение бытия языка изложил античный философ Бхартрихари¹.

От Гераклита, Эпихарма², стоиков через Филона Александрийского и Платина онтологическое понимание языка впоследствии трансформируется, в большей мере, в сферу религиозных воззрений о Логосе, снова возродившись через многие века в идеях Г. Гегеля, Э. Гуссерля, А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрнста, М. Хайдеггера, В.В. Библихина и др.

¹ Бхартрихари. Трактат о речении и слове. URL: <http://www.layayoga.ru/index.php?id=6061> (дата обращения 12.06.17). Следует отметить, что для буддизма стремлением является прекращение «вечного» сущностного перерождения, остановка «колеса сансары», и именно грамматическая трактовка с точки зрения «активного» и «пассивного» залога состояния духа играет здесь важнейшую роль.

² См.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. 576 с.

Через идею *анофансиса* у Аристотеля (суждений только о существующем или несуществующем) вызревает классическая логика, которую впоследствии М. Хайдеггер оценил по отношению к Логосу следующим образом: «Нет никакого основания считать, что "логика" является единственным исходным размышлением о λόγος'ε, сообразным его природе. Наоборот, есть причины утверждать, что именно "логика" не только препятствовала его сущностному раскрытию, но запрещала и доныне запрещает это делать»¹. Существует также точка зрения, что уже от Гераклита до Аристотеля происходит «убывание» Логоса, когда «его смысловая глубина становится все мельче, все конкретнее, все понятнее, а его функции переходят к другим мощным конструктам мысли, одним из которых является аристотелевская энтелехия»².

Понятие «Логоса» полисемично. Следует выделить его основные значения³:

- вечносущее всеобщее (Гераклит);
- рассуждение, аргумент, дискурсивное познание (Платон, Аристотель);
- мировая разумно-творческая эфирно-огненная субстанция, Зевс, судьба (стоики);
- разум и божественный замысел мира, внутренняя оживляющая сила и судьба, посредник между Богом-творцом и природой-тварью (Филон Александрийский);
- способ существования высших онтологических ипостасей на низших уровнях, сила мировой Души (Плотин);
- Единородный Сын Бога-Отца (христианство (Евангелие от Иоанна));
- понятие (Г. Гегель);
- «собирающе-раскрывающая сила» (М. Хайдеггер);
- рационалистская традиция (в западных направлениях лингвистической философии).

В раскрытых значениях в качестве основных акцентов можно выделить:

¹ Хайдеггер М. Гераклит. СПб, 2011. С. 286-287.

² Винюкова А.К. Убывание логоса: от Гераклита к Аристотелю // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Том 14. Выпуск 4. С. 143.

³ См.: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / научно-ред. совет: предс. В.С. Степин. Т. 2. М., 2010. С. 445-447.

- проблему универсалий;
- «убывание» Логоса, его социализация, антропоцентризм;
- вопросы логомахии (концепция противостояния в пространстве Логоса)¹.

2. С онтологическим как его органическое развитие тесно связано *религиозное понимание языка*, при раскрытии которого определяются контуры этического и социального, поскольку в определенном срезе язык проявляется как среда противопоставления жизни и смерти, истины и лжи, бытия и небытия².

С точки зрения наиболее поздних взглядов в это направление следует включить, прежде всего, русскую философию имени (русскую религиозную традицию *имяславия* или *ономатодоксию*)³.

Дохристианское религиозное понимание языка обнаруживается, например, в ветхозаветном учении, из которого следует, что Бог творил мир словом, выполняющим посредническую функцию между Ним и творимым миром⁴. В христианской традиции происходит развитие представлений о Логосе: «В целом, в евангельской проповеди Логос становился не просто отвлеченным философским принципом, или безличным проявлением в мире некоего божественного начала – но активно проявляющим себя в мире живым личным Богом»⁵.

С.Н. Трубецкой называет христианство «религией Слова»⁶. В.Ф. Эрн предлагает «отвергнуть меонический миф о Природе, измышленный и разработанный

¹ См.: Половинкин С.М. П.А. Флоренский: Логос против хаоса (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли»). М., 1989. 64 с.

² См., например, об *онтологическом* и *меоническом* языках: Курочко М.М., Маслова М.В. Типология и функции языка в контексте гуманитарной безопасности и социальной проективности // Военный академический журнал. 2015. № 3 (7). С. 117–122. Здесь же уместно упомянуть и В.В. Бибихина: «Язык сейчас, как две с половиной тысячи лет назад, имеет дело с бытием и небытием» (Бибихин В.В. Язык философии. СПб, 2007. С. 16). Близки данному направлению также идеи О. Розенштока-Хюсси (см.: Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого. М.; СПб, 2000. 608 с.).

³ См., например: Булгаков С.Н. Философия имени. СПб, 1998. 448 с.

⁴ См., например: Акимов В.В. Учение о Логосе в античной философии и христианском откровении // XV Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры (Минск, 21 – 24 мая 2009 г.): материалы чтений «Духовные основы социальной и экономической устойчивости современного общества» / отв. ред. и сост. Г.Н. Петровский. Минск, 2010. С. 163.

⁵ Там же. С. 165.

⁶Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование / С.Н. Трубецкой. СПб, 2009. С. 225.

новоевропейским рационализмом, и тем самым философски осознать *реалистическую правду языка символов*, которым говорило, говорит и всегда будет говорить всякое истинное искусство, – вот первый шаг к преодолению хаоса современной философии. <...> Метафизический корень Мысли в том божественном *Логосе*, Которым сотворено все существующее и без Которого "ничто не начало быть из того, что начало быть"»¹ (курсив автора – Л.З.). В.Ф. Эрн сам мир называет языком: «В существе весь материальный мир – это *язык*, озаменованный, символический, которым говорит с нами Божество»² (курсив автора – Л.З.).

3. Общественно-коммуникативная функция языка как инструмента взаимодействия с материальным миром и обществом для многих исследователей обусловила его ***социокультурное понимание***. Сюда можно отнести идеи В. фон Гумбольдта, И. Гердера, К. Маркса, Ф. Энгельса, В.Г. Белинского, В.И. Ленина, И.В. Сталина, З. Фрейда, отчасти Х.-Г. Гадамера и Н. Хомского, а также многих других известных исследователей и искусствоведов.

В марксизме язык понимается как социально обусловленный практический навык, причем, подчеркивается его тождество с сознанием, которое определяется общественным бытием: «язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»³ (курсив автора – Л.З.). Марксизм представляется учением, последовательно проявляющим социокультурное понимание языка.

По Х.-Г. Гадамеру, язык составляет «жизненный мир»⁴ человека. Х.-Г. Гадамер, будучи учеником М. Хайдеггера, является выразителем и онтоло-

¹ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 288-289.

² Там же. С. 46.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений в 50 томах. Т. 3. М., 1955. С. 29.

⁴ Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М., 1997. С. 429.

гического понимания языка: по Х.-Г. Гадамеру, язык говорит нами, а не мы им¹ (у Хайдеггера – «*dieSprachespricht*» («язык говорит»)², «язычит»).

Н. Хомский, исходя из грамматических изысканий аббатов монастыря Пор-Рояля в XVII веке во Франции и развивая идеи Ч. Пирса, полагает способность человека к языку врожденной, переключаясь с когнитивными возможностями человека как таковыми³.

Предложим основные направления изысканий в русле социокультурного понимания языка:

– соотношение языка и мышления⁴, психолингвистика, символизм, бихевиоризм;

– вопросы социолингвистики, этнолингвистики, культуры языка, его истории;

– прагматизм, риторика, язык науки и др.

4. Понимание языка как **трансцендентальной интерсубъективности** характерно для кантианства и его последователей в русле постметафизики. Сюда можно отнести, прежде всего, позднего Л. Витгенштейна, К.-О. Апеля, французских постмодернистов и других представителей. Также, по нашему мнению, сюда тесно примыкают некоторые идеи из области психолингвистики.

Одним из ярких концептов данного направления выделим концепт игры: как между участниками коммуникации, так и между субъектом и трансцендентальным пограничьем, где игра определяется как рациональная форма искусства, по Канту. В этом видении даже отмечают игровое начало человеческой природы⁵ (*homoludens* – человек играющий). Языковая игра введена Л. Витгенштейном, пересмотревшим свое первоначальное учение.

В перечисленных классах представлений о языке в качестве источника последнего можно выделить, соответственно:

1) бытие, космос;

¹ Там же. С. 429.

² Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник / под ред. А.Л. Доброхотова. М., 1991. С. 168.

³ См., например: Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972. 126 с.

⁴ См. также: Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты / под ред. И.Т. Касавина. М., 2013. 480 с.; Юнгер Ф. Язык и мышление. СПб, 2005. 304 с.

⁵ См.: ХейзингаЙ. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997. 416 с.

- 2) Бога, непреходящее божественное Слово;
- 3) общество и человека в их культурно-историческом контексте;
- 4) сверхрациональность.

К началу XX века образовалась целая исследовательская область философии – философия языка, озаглавленная «лингвистическим поворотом» в философии в целом, предпосылками которой считаются идеи Ф. де Соссюра, Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна и других исследователей. К.-О. Апель говорит вообще о трансформации философии: «"первая философия" больше не является исследованием "природы" и "сущности" "вещей" или "сущего" ("онтологией"), не является она теперь и рефлексией над "представлениями" или "понятиями" "сознания" или "разума" ("теорией познания"), но представляет собой рефлекссию над "значением" или "смыслом" языковых выражений ("анализом языка")»¹.

Это объясняет возникновение значительного числа идей, научных школ, дисциплин и направлений исследований в сфере языка во всем мире, объемлющих огромный пласт научного знания, даже сжатая характеристика которого требует отдельного издания. Существуют и множество концепций происхождения языка (теологическая, биологическая, социальная, и др.).

На стыке различных представлений о языке как о средстве коммуникации образовалась еще одна область философии, известная как философия коммуникации (Ю. Хабермас, Н. Луман). Также следует выделить направление медиафилософии (М. Маклюэн, В.В. Савчук, и др.), в которой язык выступает как медиа-язык (медиалект, медиатекст) с присущими ему особенностями.

В истории российской цивилизационной традиции, в основном, преобладали религиозно-онтологические идеи о языковой сущности, за исключением периода СССР, где политической волей во главу угла ставился марксизм-ленинизм и общественный характер языкового феномена. Научный плюрализм в России настоящего времени минимизировал влияние многих предшествующих предубежденностей.

¹ Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. С. 239.

В целом, предложенная классификация пониманий языка направлена на отображение граней языкового феномена, а в чем-то и эволюции взглядов в отношении него. Очевидно, что выделение четкой границы точек зрения на феномен языка вряд ли невозможно по причине их взаимосвязанности.

Русский язык как государственный в России, стержневом государстве своей цивилизации, также требует проведение исторического анализа, задачей которого является выделение этапов и вскрытие их содержания в историческом становлении российской цивилизации с отражением данного процесса в формировании современного русского языка. Данный анализ необходим для того, чтобы показать, каким образом в условиях факторов, воздействующих в языковом измерении, исторически происходило формирование российского суперэтноса, его самобытного цивилизационного самосознания наряду с отражением этого в цивилизационном становлении русского языка.

То есть для выявления роли и места русского языка в системе российской цивилизации, его цивилизационных оснований, обозначающих собой взаимоукорененность языка и цивилизации, целесообразно описать историческую тенденцию его развития в отношении к российской истории.

Поскольку речь идет о цивилизационной безопасности России в языковом измерении, поэтому необходимо назвать и черты современной российской цивилизации, которые, по нашему мнению, обобщенно выражаются в следующем:

1. Россия является стержневым государством современной российской цивилизации, которое представлено в форме континентальной евразийской державы с самобытным славяно-ориентированным видением универсальных ценностей и своей роли в их сохранении и модернизации.

2. Связующие начала современной российской цивилизации заключаются в исторической преемственности, отраженной в русском языке при равенстве и соучастии всех национальных языков современной России, определенном базисе единых этико-аксиологических норм этнокультурного и универсального характера, а также народной пассионарной движущей силе.

3. Миропонимание российской цивилизации заключается в проективной мирозидательной миссии на основе самобытного понимания универсальных ценностей, исторически отрицающих богоизбранность и исключительность.

4. Самосознание российской цивилизации выступает пониманием себя как органической части мировой и как альтернативного полюса западной с признанием опасностей общемировой цивилизации, которым необходимо противостоять сообща.

Итак, обратимся к этапам российской истории, через рассмотрение которых вскрывается цивилизационное значение русского языка.

Письменность превращает наречие в язык, символически фиксируя в материи (письме) его некоторые константы. Тем самым посредством письменности язык приобретает атрибут *учения* из-за способности передачи мысли потомкам. С момента установления письменности символическое значение языка выступает не только как начало, связующее современное ему общество в социальном и географическом пространствах, но и как ментально связующее поколения. Письменная стандартизация и пространственно-временное тиражирование смыслов (что есть, сути, форма образования), позволили выступить в роли исторической спайки поколений общества¹. Мифы, переданные письменностью, сохраняли в периоде истории причастные к ним народы от дикостного разбредания в пространстве-времени в поиске равновесия в биогеоценозе. Собственно, с этой же точки отчета ведут начало движения к цивилизации – старта от дикости. С этого же момента становится возможна и история².

В русле многих религиозных воззрений именно письменная фиксация высших откровений породила беспрецедентные межкультурные объединения людей, сообществ и народов под единое начало, которое веками сохраняет наиболее общее,

¹ См., например: Каньшин А.Н. Российская цивилизация и ее поколения: социально-философское исследование: монография. М., 2005. 432 с.

² По Г. де Мортилье, историю человечества можно разделять на два периода – доисторический (дописьменный или пре-исторический – «*Le Préhistorique*») и, собственно, исторический/протоисторический (письменный) (Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб, 2010. С. 133). Письменный период, очевидно, породил *осевое время*, в котором у общества возникла возможность пересмотра собственной истории.

мировоззренческое единство с непосредственной мессианской направленностью. Речь несет в себе в большей мере практику, в то время как письменности присущи созерцательность, отсроченность. Письменность обладает укорененностью в бытии, систему координат, хронотоп. Поэтому следует обратиться, прежде всего, к истории письменного отражения русского языка.

Речь пойдет о старославянском языке и возникновении на его основе *предпосылок* цивилизационных оснований современного нам русского языка.

В 862 (или 863 г.) в столицу Византийской империи – Константинополь – прибыло посольство из Моравии. Моравский князь Ростислав намерился испросить у императора Византии, Михаила III, проповедников на славянском языке. Данное стремление могло быть обусловлено желанием обособиться от влияния и патроната латино-немецкого духовенства¹. В результате Византия направила в Моравию миссию во главе двух братьев-греков, Константина и Мефодия, которые знали славянские языки². Для выполнения миссии Константином была использована азбука славянского языка, созданная им по его фонетическим особенностям.

Распространение славянской письменности в Моравии происходило в условиях латинянского давления. После смерти Константина (перед смертью в Риме принял схиму и имя Кирилл), а затем и Мефодия, их ученики были изгнаны, а частью проданы в рабство. Ушедшие же обратились к землям южных славян (болгарам, хорватам, сербам, а впоследствии – и на Русь³), где и продолжили свою миссию.

С изгнания учеников Кирилла и Мефодия, «а затем с разделения церквей в 1054 г. берет свое начало появление двух автономных культурных ареалов славянского этнического массива, двух территориально и культурно очерченных

¹ См.: Селищев А.М. Старославянский язык. М., 1951. 333 с.

² Лошиц Ю.М. Кирилл и Мефодий. М., 2013. С. 182.

³ Повесть временных лет / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. С. 71.

миров – восточного, *Pax Slavia Orthodoxa*, и западного, *Pax Slavia Latina*»¹ (курсив мой – Л.З.).

Таким образом, *мессианский замысел* лег в основу появления старославянской письменности, впервые отфиксировав тем самым язык славянской культуры того времени². Примечательно, что тот же год (862 г.) считается временем отсчета русской государственности, начиная с приглашения Рюрика княжить в Новгород³.

Первая славянская письменность существовала в двух азбучных формах – глаголицы и кириллицы. При этом «глаголяши как бы принадлежали одновременно и к миру *Slavia Latina*, и к миру *Slavia Orthodoxa*, и тем самым осуществляли живую связь между этими мирами»⁴ (курсив мой – Л.З.).

Переводы с греческого языка на кириллице, осуществленные в конце IX – начале X вв. в восточной Болгарии, впоследствии распространились в земли восточных славян и на Русь. Кириллическая письменность была, преимущественно, церковной, и в быту этот язык не был распространен.

После Крещения Руси в 988 г. вехой новой русской словесности выступило «Слово о законе и благодати»⁵ (ок. 1037-1050 гг.) первого русского киевского митрополита Илариона, ставшее первым мировоззренческим памятником русской традиции, ознаменовав собой раскрытие начала и *первого этапа* становления цивилизационных оснований русского языка. При этом «само "Слово" явля-

¹ Толстой Н.И. Избранные труды: в 3 томах. Т. II: Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. С. 34.

² Разумеется, диалекты и говоры русского языка сменяли друг друга на протяжении всей тысячелетней истории российского суперэтноса в соответствии с основными социокультурными изменениями. Например, русским языком в IX веке назывался язык варягов, пришедших княжить на Русь. Древнерусским языком считается язык Киевской Руси (полян). Церковнославянский язык является производной от древнеболгарского диалекта, современный же русский язык считается «московским» диалектом, который, впрочем, имеет в своем корне язык киевских полян.

³ «В лето 6370 (862). <...>И избрались три брата со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к словенам *первым, и срубили город Ладогу, и сел в Ладоге* старейший Рюрик, а другой – Синеус – на Бело-озере, а третий – Трувор – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля» (курсив автора – Л.З.) (там же. С. 67-68).

⁴ Толстой Н.И. Избранные труды: в 3 томах. Т. II: Славянская литературно-языковая ситуация. М., 1998. С. 34-35.

⁵ См.: Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2011. 176 с.

ется едва ли не единственным памятником XI в., в котором употреблено словосочетание "русский народ", а не обычное для того времени понятие "Русская земля"¹. В «Слове» уже видна твердая мировоззренческая позиция элиты русского мира XI века, которая отвергает богоизбранничество отдельных и выступает за равноправие перед Богом всех, даже совсем «молодых» народов. Этим отмечен поиск высших, универсальных ценностных установок для земной жизни, что было отнесено и к «богодухновенному трехъязычию» (еврейскому, греческому и латинскому языкам).

Впоследствии появлялись другие письменные памятники Древней Руси: например, изборники 1073 и 1076² годов («изборники Святослава»), затронувшие религиозно-философские вопросы. Летопись «Повесть временных лет»³ (ок. 1110-1118 гг.) на древнерусском языке излагает историю русской земли, начиная с библейского Всемирного потопа. Данный труд является первым историческим исследованием, что есть зрелая форма национального самосознания.

«Слово о полку Игореве» (ок. 1185-1187 гг.) дополнило ряд древнерусской словесности⁴. Произведение отличается от предыдущих жанром, оно лирично, политично, по-ораторски мастерское. В патриотических строках его проявляется определенная эстетика, обеспечивающая выход к восприятию искусства древнерусской словесности. Отсюда формируется и словесная культура языка.

Итак, принесение письменности на Русь и появление перечисленных основных письменных памятников можно полагать начальным периодом *первого* (средневекового) *этапа* становления цивилизационных оснований русского языка. Они обозначили собой формирование национального начала, помещенного внутрь разнообразия мира, связуемого божественными универсалиями. На них и строится первая этно-религиозная самобытность (этно-религиозная мировоззренческая программа, «код»), обладающая всеми чертами мессианского служения, что, в свою очередь, позволит впоследствии Александру Невскому в испытаниях

¹ Там же. С. 6.

² См.: Изборник 1076 года. 2-е изд., Том I / отв. ред. А.М. Молдован. М., 2009. 744 с.

³ Повесть временных лет / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2014. С. 7.

⁴ Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве и культура его времени: монография / 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 294.

монгольского нашествия на Русь в XIII веке принять судьбоносное решение и отвергнуть папизм и католичество¹.

Обозначенная тенденция развития этно-религиозной основы русского языка будет сохраняться впоследствии через период золотоордынской оккупации и раздробленности, отмеченный титаническими испытаниями², затем во время становления Московской Руси – вплоть до образования царства Иоанном IV Грозным, обретя религиозно-политическую идею, озвученную старцем псковского Елеазарова монастыря Филофеем в 1524 г.: «Москва – третий Рим». Освобождение Руси от иноземного ига в 1480 г. стало впоследствии точкой кристаллизации подобного выражения преемственности и обозначило расцвет первого этапа развития цивилизационных оснований русского языка.

Возникает книгопечатание, основанное в середине XVI века Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем³. Последующие события польско-литовской интервенции на Русское царство в начале XVII века и цивилизационного ответа народным ополчением Д. Пожарского и К. Минина заложили первые основы глубинных, суперэтнических оснований самостоятельного *цивилизационного выбора* России. Появление на политической арене династии Романовых подготовило переход к следующему этапу.

Начало *второго этапа* развития русского языка ознаменовано правлением Петра I Великого. Это время бурного развития, парадигмальных сдвигов и судь-

¹ Интересно, что ко второй половине XVI века, у иезуитов использовался термин «открыть лавочку», что означало проникновение католичества в страну с иной религиозной традицией, образование там собственных подразделений, конгрегаций (см. рассказ «Закрытие русской "лавочки"» (Пикуль В.С. Кровь, слезы и лавры. Исторические миниатюры. М., 2002. 592 с.)). Причем, такая торгашеская стратегия основывалась на догмате о папской непогрешимости (см., например: Беляев Н.Я. Идеология римского католицизма. М., 2014. 304 с.).

² «Монголо-татарское нашествие, перешедшее затем в страшное иноземное иго, когда, по словам летописца, "и хлеб во уста не идешеть от страха", принесло жесточайший урон русской культуре и изменило развитие литературы. С середины XIII века основными жанрами русской литературы стали воинские повести, жития мучеников за веру, проповеди, призывавшие к нравственному очищению как залого будущего освобождения» (Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1981. С. 5).

³ Справедливости ради отметим, что первая русскоязычная книга («Малая подорожная книжица») была издана еще в 1522 году в Вильнюсе Г. Скориной небольшим тиражом. Позднее московский книгопечатник Иван Федоров во Львове в 1564 году издает первую славянскую азбуку («Апостол»), что послужило толчком к развитию печатного дела и русской грамматики.

боносных изменений; они носили конструктивистский, синтетический характер, амир менялся волей и разумом. Результатом царствования Петра I в цивилизационном плане стало появление на политической карте мира Российской империи, которая еще со времен Ивана Калиты и Ивана Грозного неуклонно проводила политику собирательства земель с соответствующими этому задачами.

Такие процессы не могли пройти бесследно для русского языка. Стоит отметить, что XVIII век – век торжества универсалистских идей Просвещения. Просветительская мысль легла в основу многих культурных изменений в России.

Активную фазу данного этапа развития русского языка как одного из важнейших цивилизационных оснований России нельзя не связать с именем М.В. Ломоносова. Сей великий ученый муж стал главным выразителем просветительской, передовой, научной мысли в России того периода. Кроме грандиозных свершений в области наук, образования, искусств и много другого, М.В. Ломоносов считается первым государственным деятелем, реформатором в отношении русского языка, поскольку он «оторвал русский язык от исключительной национальности и поставил существенные, истинные отношения между ним и церковнославянским, ввел язык в высшую сферу и дал ему там самобытное место, право гражданства»¹, а также «кончил период национальных песен и начал новый период, ввел в новую сферу поэзии»² и заложил основы научного стиля русского языка.

М.В. Ломоносов сформировал основы риторики в русском языке, создал «Российскую грамматику» на основе московского наречия, разработал стилистическую теорию «Трех штилей», правила «российского стихотворства» и многое другое. До него на Руси и в России использовалась грамматическая модель XVI века, заложенная еще Максимом Греком и Мелетием Смотрицким и основанная на приемах, перенимаемых глоссированием при переводе и толковании византийских церковных книг. Тем самым М.В. Ломоносовым был осуществлен качественный переход к самобытной мировоззренческой эстетике.

¹ Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М., 2011. С. 66.

² Там же. С. 49.

Выведение языкового вопроса на государственный уровень впоследствии породило политическое обсуждение направлений развития русского языка. В данном аспекте выделились две оппонирующих друг другу позиции: «архаисты» («шишковисты») и «карамзинисты»¹. Первые были противниками искусственных стилистических форм (перифраз) и иностранных заимствований (галлицизмов²) в русском языке (А.С. Шишков, Г.Р. Державин, И.А. Крылов, А.С. Грибоедов, В.К. Кюхельбекер, отчасти А.С. Пушкин, и др.), вторые придерживались рациональной эстетики на основании европейских образцов (Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, ранний В.А. Жуковский и др.). Впрочем, принадлежность многих деятелей той эпохи к какому-либо из двух «лагерей» принимается, как правило, с некоторыми оговорками. Также следует упомянуть об обществе «Беседа любителей русского слова»³, в которое входили А.С. Шишков, Г.Р. Державин, С.А. Ширинский-Шихматов, А.А. Шаховский, Д.И. Хвостов и другие. Данное общество возникло как оппозиция засилью галлицизмов в России того времени и существовало в период 1811-1816 гг.

Впоследствии развития спор о видении русского языка вылился в образование двух, по сути, цивилизационных полюсов в России, актуальность которых сохраняется и поныне⁴: «славянофилов» и «западников»⁵. Тем самым русский язык оказался эпицентром проблемы цивилизационного выбора, что утверждает его в ряду наиболее весомых оснований нашей цивилизации.

¹ См.: Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. 424 с.

² Например, у Ю.М. Лотмана противостояние «архаистов» и «карамзинистов» упоминается как спор «галлорусов» и «славян» (Лотман Ю. М. Карамзин. СПб, 1997. С. 17). Существует также термин *галломания*, характеризующий тотальные подражательные стратегии в российском обществе того времени не только в отношении французского языка, но и всей французской культуры. Галлицизмы свойственны были России в 19 веке, а в 18 веке были более популярны германизмы и, соответственно, просветительская мысль, «исходящая» из Пруссии.

³ См.: Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. М., 2007. 444 с.

⁴ Слова А.С. Пушкина, взятые в отношении западников в России сегодняшнего дня, актуальны как никогда: «...и нежно чуждые народы возлюбил, и мудро свой возненавидел...» (Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. М.-Л., 1950. С. 398).

⁵ См.: Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М., 1969. 424 с.

Определенное разочарование в позициях обеих противопоставленных друг другу групп привело к появлению *романтизма*¹ в русской литературе (В.А. Жуковский, Е.А. Баратынский, ранняя поэзия А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтов и др.).

По праву «бриллиантом» и «центром тяжести» отечественной литературы считается Александр Сергеевич Пушкин². Гений А.С. Пушкина в своем языке реализма преодолел еще остававшийся в «наследство» от петровских времен внутренний «цивилизационный раскол»³, когда «верхи стали западниками, низы превратились в униженных и оскорбляемых автохтонов. Вместо единой национальной культуры появились две культуры, и нация оказалась расколотой. Отныне расколотые части удерживались вместе уже не кодексами и нормами культуры, а обручем государственности»⁴, и «только Пушкин вдохнул жизнь в эту умозрительную конструкцию, натурализировал ее на национальной почве, дал ей язык, разделяемый всей нацией»⁵.

Цивилизационный разрыв «верхов» и «низов»⁶ сопровождался обозначившимся цивилизационным разрывом во всей европейской цивилизации (в ней Пушкин определенно видел и Россию): набиравших ход расистских, нигилистических идеалов «полупросвещения» от универсальных идеалов «истинного Просвещения, которое изначально открыто всем и не ссылается на негодную наследственность безнадёжной периферии, не делит народы на избранников прогресса и изгоев истории»⁷. А.С. Пушкин не поддержал богоизбранничество и самозваную

¹ См.: там же.

² «Бесспорных гениев, с бесспорным "новым словом" во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частью Гоголь. Вся же плеяда эта (и автор "Анны Карениной" в том числе) вышла прямо из Пушкина...» (Достоевский Ф. М. Дневник писателя / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2010. С. 633).

³ Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. С. 48.

⁴ Там же. С. 48.

⁵ Там же. С. 9.

⁶ Примером может служить «Теория официальной народности», которая характеризовалась идеологическим триединством «истинно русских охранительных начал»: «Православие, самодержавие, народность» (См.: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М., 2005. С. 622-624). Разрыв заключался не в самих идеях этой теории, а в категоричности ее официоза, органически не исходящим от народных масс. Пониманием этого разрыва впоследствии отразилось в реакционных процессах XIX – начала XX веков.

⁷ Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. С. 16.

исключительность. Вывихнутости двойных стандартов¹ «полупросвещения» он предпочел универсум Логоса – метафизический язык. «Именно Пушкин, отметивший в своем искусстве сословный, классовый принцип, дал Ф.М. Достоевскому ориентиры в понимании, что есть русский человек в своем высшем развитии»². А.С. Пушкин обратился к обыденному языку, который содержит первородные элементы мироздания³.

С пушкинского откровения начался новый период социально-гуманитарной проблематики в русской литературе. Озабоченность судьбой человека в России как единого со своей цивилизацией выходит на передний план. М.Ю. Лермонтов в своих произведениях вместо мещанской срединности личности выступает за свободу, справедливость и суперэтническую принадлежность.

Великий русский писатель Н.В. Гоголь, из «Шинели» которого, по меткому выражению⁴, вышли русские писатели, символизирует своим творчеством особое соотношение проблем «маленького» человека и «большой» цивилизации.

Н.В. Гоголь, по мнению А.С. Панарина, в «Мертвых душах» и в типаже номада Чичикова раскрывает измышленные схемы монополизации мира западным монетаризмом путем применения виртуальной⁵ спекулятивной технологии умножения прибылей, конвертации в звонкую монету любых возможностей, ценностей, символов. И этот «герой» встречает на своем пути фактически готовых к

¹ Дискриминационные модели «двойных стандартов» в настоящее время обрели ясные очертания, например, проявляясь в навязывании билингвизма – обязательном использовании английского языка наряду с национальным. Национальный язык (как бы «варварский») предписывается для внутреннего пользования, английский (как бы «цивилизованный») – для взаимопонимания «периферийных» земель и «цивилизованного центра».

² Сараскина Л.И. Достоевский в созвучиях и притяжениях: (от Пушкина до Солженицына). М., 2006. С. 18.

³ «Слова слышатся не так, как их замышляют. Поэтому настоящий мастер не изобретает себе нового языка. Он не столько оттачивает и патентует свое слово, устраивая из него инструмент по надобности или привязывая его к месту в клетке значений, сколько отпускает его. Он дает слову звучать какое оно есть, захватанное и нищее. Когда он таким образом роняет его, оно на незаметный момент становится ничьим. Такое слово перестает принадлежать между прочим и расхожему значению и набирает размах для нового смысла. Ничье слово еще неизвестно что значит. Оно полно впускающей пустотой, которая собирает на себе растущее ожидание» (Бибихин В.В. Язык философии. СПб, 2007. С. 35).

⁴ См.: Вогуэз Э.М. де. Современные русские писатели: Толстой — Тургенев — Достоевский = *Le Roman russe*. М., 1887. С. 16.

⁵ Поскольку «души» в повести Гоголя существуют только на бумаге, поэтому купчие и ре-визские сказки на них – это фальшивка, фикция, приобретающая вес на почве доверия.

делке персонажей, символизирующих собой представителей вырожденной национальной элиты¹, потерявшей цивилизационные корни в своем подражательном существовании иноземному (имена сыновей Манилова – Алкид и Фемистоклюс), паранойе личного накопительства (Плюшкин) или просто обыкновенной глупости (Коробочка) и ленностной взбалмошности (Ноздрев).

Похожая ситуация открывается и в «Ревизоре». Плут оказывается способным по надуманным предлогом получать власть над ситуацией, извлекая выгоду благодаря подловатости власть имущих.

При этом Н.В. Гоголь показывает и другой полюс – цельную фигуру Тараса Бульбы. В стилистике героического эпоса автор открывает завесу истинного (по-скольку жертвенного) патриотизма², светящегося в самых трагичных условиях. Тарас Бульба, сгорая на костре, думает о спасении товарищей и судьбе народа³.

Дихотомией спекулянта и патриота Гоголь, по нашему мнению, обозначил два варианта цивилизационного выбора: быть чужим ресурсом или быть причастным к универсалиям. Жертвенность символизирует духовную жизнь⁴ и целостность.

В концептах «территориализации» и «детерриториализации» Ж. Делеза и Ф. Гваттари⁵ интерпретируем патриотический тип как приверженный к территориализации (оседлости, возделыванию), а спекулятивный – к детерриториализации (номадизму, захвату). Интересно, что Т.А. Миронова слово «война» в рус-

¹ М. Ледин, бывший консультант совета национальной безопасности США, однажды сказал следующее: «Многие годы я выступаю за демократическую революцию в Иране. Мне возражают, мол, это невозможно. Но кто при Рейгане думал, что мы сломаем СССР? А ведь прошли какие-то восемь лет. Что нам понадобилось? Мы всего лишь взяли на зарплату диссидентов, и все...» (Из д/ф «Империя добра» (реж. К. Семин), канал «Россия 24», 7 октября 2013 г.).

² «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» (Гоголь Н.В. Тарас Бульба. М., 1963. С. 73)

³ Там же. С. 94.

⁴ «Именно духовная жизнь есть то, *за что и ради чего* можно и должно любить свой народ, бороться за него и погибнуть за него. Через нее все получает свое истинное значение и подлинную ценность. В ней сущность родины, та сущность, которую стоит любить больше себя, которую стоит жить именно потому, что за нее стоит и умереть» (курсив автора – Л.З.) (Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 4. М., 1994. Т. 4. С. 248).

⁵ См. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009. 261 с.

ском языке связывает с «виной» (поиском виновного в войне), в то время как в английском оно близко к «торговле», в немецком – к «захвату»¹.

Следует отметить, что в противоположность онтологизму современная нейтрализация первичных божественных разделений добра и зла произошла путем ортогонального поворота ценностного фокуса на 90 градусов, когда все изначально понимается ни плохим, ни хорошим, «по ту сторону добра и зла». Обозначилась стратегия искоренения высших персоналий для человека. Отныне человек есть просто организм в некоторой всегда «естественной» среде, из которой следует извлекать пользу и создавать ценности на потребу дня.

Здесь отметим современный тип политической культуры Запада, известный как *постправда* и представляющий собой феномен одобряемой обществом заведомой лжи. Данный эффект общественного восприятия широко используется в западной пропаганде. В древнегреческой философии прообразом постправды можно полагать разработанный Р. Бартом концепт *доксы* (от др.-греч. «δόξα» – «взгляд», «мнение») – общепринятого даже вопреки истинным основаниям мнения, с убежденностью в нем лишь по принципу допустимого правдоподобия².

Венцом русской литературы можно считать Ф.М. Достоевского, художника общецивилизационного уровня и автора произведений мировой литературы. Взгляды Ф.М. Достоевского пересекаются с идеями Н.Я. Данилевского в русле славянофильства. Писатель верит в идею объединения всех славянских народов под началом России, в ее неизбежное величие и весомый вклад, который человечеству и цивилизации когда-нибудь внесет «неслыханным словом» великая Россия. Это слово будет благим и истинным и послужит объединению всего мира по примеру славянского союза, что позволит разъяснить и разрешить «многие горькие и самые роковые недоразумения» цивилизации Запада³.

¹ См.: Миронова Т.Л. Русская душа и нерусская власть. М., 2012. 448 с.

² См.: Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001. С. 80-82.

³ Достоевский Ф.М. Дневник писателя / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2010. С. 628.

Ф.М. Достоевский говорит о необходимости единения западноевропейской цивилизации с восточноевропейской – Россией¹. Причем, в интересах самого Запада. Но при этом получается иное: Запад в лице Европы все бескорыстные движения навстречу традиционно воспринимает как варварство «отставшей, зверской и непросвещенной нации», поскольку в подобном бескорыстии видит несомненный подвох или глупость. Автор отмечает систематическую «нелюбовь» Запада к России, который самой главной удачей своей считает неудачи России². Считая себя непогрешимой, Европа всегда выступает с критикой России с прагматической стороны: «Ей надо фактов теперь понятных, понятных на ее теперешний взгляд. Она спросит нас: "Где ваша цивилизация? Усматривается ли строй экономических сил ваших в том хаосе, который видим мы все у вас. Где ваша наука, ваше искусство, ваша литература?"»³. При этом XIX век стал временем возникновения идей *панславизма* и *единого славянского языка* (с инициативой, исходящей не от России), обусловленных военными успехами Российской империи по отражению агрессии Франции в 1812 году и последующем освобождении от осман славянских народов Европы.

Русский философ В.С. Соловьев выправляет некоторые «узкие» места славянофильства, критикует «существующую в человечестве рознь»⁴, предупреждая об опасностях язычества этноцентризма и национализма⁵, перенятые «от немцев»⁶, и тем самым утверждая универсальные, объединяющие ценности христианства. Эти поправки чрезвычайно уместны и в дне сегодняшнем, «...ибо *идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности*»⁷ (курсив автора – Л.З.).

¹ Ж. Делез и Ф. Гваттари называют Америку и Россию «противоположными полюсами западной цивилизации» (см.: Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009. С. 114).

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2010. С. 629-630.

³ Там же. С. 632.

⁴ Соловьев В.С. Собрание сочинений: в 20 томах. Т. 5. СПб, 1914. С. 84.

⁵ «Наш народ есть самый лучший из всех народов, и потому он предназначен так или иначе покорить себе все другие народы или, во всяком случае, занять первое, высшее место между ними» (цитата приводится в современной орфографии – Л.З.) (там же. С. 85).

⁶ Там же. С. 85.

⁷ Курочко М.М. Русская идея Владимира Соловьева // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 127 (статья воспроизведена в современной орфографии при сохранении орфографии и пунк-

Ф.М. Достоевский в «Преступлении и наказании» от лица Раскольникова излагает основания «исключительности»: люди «по закону природы» делятся на два разряда – высший («людей, имеющих дар или талант», «преступники» во имя «лучшего») и низший («материал», «послушные»)¹. Раскольников, будучи автором идеи об обыкновенных и необыкновенных людях, формулирует критерий «разрешение крови *по совести*»² (курсив автора – Л.З.). Именно совесть для Раскольникова (убийцы и бесноосца) является главным *наказанием* за преступление. П.А. Сорокин также считает преступление психическим явлением³.

Через 20 лет после Ф.М. Достоевского Ф. Ницше противопоставил «мораль господ» (*sentiment*) и «мораль рабов» (*ressentiment*). «Господа» стремятся удержаться на своем месте «раба». Современную ему демократию автор называл «изошренной мстью слабых», победой «рабов» над «господами», уравнением всех в рабстве при искоренении вседозволенности «господ».

В целом, поистине титаническая фигура Ф.М. Достоевского определила вершину второго цивилизационного этапа развития русского языка, начатого пассионарным порывом ополчения К. Минина и Д. Пожарского и развитого в послепетровские времена М.Ю. Ломоносовым. Таким образом, второй этап составил около 300 лет, завершаясь в творчестве Л.Н. Толстого.

Следующей массивной фигурой русской словесности, отразившей близившиеся переломные события в российской цивилизационной перспективе, следует показать Л.Н. Толстого. Как-то сказал о нем В.И. Ленин М. Горькому: «Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник...»⁴.

В личности Л.Н. Толстого важно не только то, что он великий писатель русской и мировой литературы, но и то, что он, оказавшись на стыке веков и писательским чутьем предвосхитив тектонические сдвиги в социальных ритмах отечественной истории, определил новое цивилизационное качество русской идеи:

туации автора по тексту: Соловьев В.С. Русская идея // Вопросы философии и психологии. М., 1909. С. 323-356).

¹ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М., 1970. С. 203.

² Там же. С. 205.

³ Там же. С. 73.

⁴ Горький М. На дне. Мать. В.И. Ленин. Горький, 1971. С. 413.

переход от вновь выведенной на первый план посконной, самобытной, национально-ориентированной модели к новому типу «стремления к всечеловеческому единению»¹.

Критика не обошла стороной Л.Н. Толстого. При этом личностная форма его религиозного «протестантизма» нашла отклик во всем мире – в том числе, и на Западе. *Толстовство* в своем синтезе вобрало мотивы многих религиозных традиций и основывалось на критике существующих церковных форм в России. Его мнение не было уникальным: «о церкви, ставшей в императорской России одним из органов государственного аппарата, о постигшем ее "параличе", о застое, в котором оказалось "официальное" богословие, писал Г.В. Флоровский. Он находил даже, что положение церкви после революции предпочтительнее, чем до нее, что перед ней открываются перспективы, неведомые ей прежде...»². Следует также отметить, что писатель участвовал в двух великих войнах своего времени (Кавказской и Крымской), заслужил боевые награды.

Л.Н. Толстой по своему разумению искал универсальные ценности, не присвоенные государством, церковными иерархами или аристократией, доходя до наивного мистицизма («зеленая палочка»). На общественном поприще он реализовывал свое видение системы общедоступного образования, основав в 1849 году в своем родовом имении Ясная Поляна школу для крестьянских детей³. Л.Н. Толстой, как и А.С. Пушкин, своим примером пытался свести «верхи» и «низы», опираясь на свое понимание достоинства человека как такового. Писатель реализовал на практике модель всеобщего образования, несмотря на сословные предрассудки. Л.Н. Толстому в силу своего положения в обществе удалось реализовать действующую новую модель общего школьного образования в России. Им был разработан адаптированный вариант азбуки («Новая азбука»), серия

¹ Горячев А.И. Духовная экспансия Запада и судьбы русского языка // Проблемы формирования гуманитарной культуры российского общества. М., 2010. С. 97.

² Сухов А.Д. Столетняя дискуссия: западничество и самобытность в русской философии. М., 1998. С. 180.

³ Гусев Н.Н. Лев. Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год / под ред. М.К. Добрынина. М., 1954. С. 261-263.

«Русских книг для чтения», одобренная Министерством народного просвещения, издана статья «О народном образовании»¹.

Л.Н. Толстой, наряду с Ф.М. Достоевским, по праву воспринимается литературной фигурой международного масштаба. О русском языке и *на* русском языке заговорили за границей (русская эмиграция начала XX века значительно усилила этот фактор). Русская цивилизация вступила в спор о ценностных универсалиях с другими цивилизационными полюсами – как вовне страны, так и внутри нее. За границами России возникают процессы, использующие идеи Л.Н. Толстого (например, М. Ганди в Индии). Л.Н. Толстой же в некотором смысле завершил к началу XX века идейную подготовку необходимых стране и цивилизации преобразований.

Множество великих русских писателей в XIX веке проявили себя, но ввиду лаконичности рассмотрены лишь некоторые, по нашему мнению, наиболее весомо отразившие становление цивилизационных оснований русского языка.

Отметим, что по численности населения к 1914 году среди так называемых цивилизационных стран Россия занимала первое место в мире с приростом населения более 4% в год, а общая доля владевших русским языком в населении Земли составляла 7,9% и опережала число владевших европейскими и восточными языками².

Этап третий целесообразно связать с эпохой, порожденной революционной сменой общественного и государственного укладов в 1917 году и последующим развитием письменности и языка уже в русле советского строя как одной из наиболее влиятельных форм российской цивилизации в ее истории.

Без сомнения, ключевыми цивилизационными деятелями в сфере русского языка следует считать В.И. Ленина и И.В. Сталина, поскольку именно они, в большей мере, определили политический и социальный облик новой формы российской цивилизации в свое время, а во многом, и до настоящих дней. В тот пе-

¹ Шкловский В.Б. Лев Толстой. М., 1963. С. 853.

² Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 32. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/russkij_yazyk.pdf (дата обращения 01.08.2017 г.).

риод, по многим критериям отмеченный как мобилизационный¹, для русского языка произошли существенные изменения², которые вывели его на позиции без преувеличения планетарного масштаба как языка межнационального общения республик СССР и международного общения во внешнем контуре Союза.

В.И. Ленин, как сторонник развития в России идей марксизма и диалектического материализма, формулирует свое видение языкового феномена, реализованное в рамках отечественного языкового строительства, плоды которого стихами В.В. Маяковского впоследствии красноречиво скажут сами за себя: «...я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

В.И. Ленин говорит о главенствующей роли языка в развитии рыночной экономики при образовании государств: «...необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения...»³. При этом В.И. Ленин поддерживает равноправие наций, выступает за демократизацию языковых отношений («полная свобода родных языков»⁴) во избежание «майоризирования»⁵ какой-либо национальности.

Стоит отметить, что перегибы в толерантности способны подавлять наиболее весомые, причем, вошедшие естественным образом в единство составляющие, обеспечивая формальной уравниловкой дискриминационные механизмы в отно-

¹ См., например: Н.М. Морозов. Мобилизационный тип развития российской цивилизации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 175-184. Сюда можно отнести время бурной индустриализации после гражданской и переориентации во время Великой Отечественной войны, период интенсивного восстановления и развития народного хозяйства, науки и образования в послевоенные годы.

² «...самая большая лингвистическая новация того времени – *стирание граней между разговорной речью и литературным языком*. Практически полная ликвидация неграмотности, обязательное школьное образование, огромные тиражи раскупаемых книг и получаемых газет, тотальная радиофикация (часто предшествовавшая электрификации) оставили дореволюционные народные говоры лишь в отдаленных местностях и, как правило, у людей старшего поколения. *Постреволюционная Россия заговорила на книжном языке... <...>*. В России практически закончился период двуязычия (разговорный и литературный язык), начавшийся с момента появления церковнославянской письменности» (курсив автора – Л.З.) (Лексин В.Н. Языковая репрезентация русской цивилизации // Мир России. 2014. № 2. С. 9).

³ Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 25. М., 1969. С. 258.

⁴ Там же. С. 72.

⁵ Там же. С. 72.

шении них. Это касается, прежде всего, русской национальности, нежели русского языка. Вероятно, это неизбежный процесс вызревания или модернизации цивилизационного тела, влекущий за собой жертвенный отказ от этнической самобытности в пользу «цветущей сложности»¹. При этом возникает объединяющая сила русского языка, воплотившая русскую идентичность.

Можно сказать, что в общих чертах в основах языкового строительства в идеях В.И. Ленина применена методология А.С. Пушкина, реализованная в первые десятилетия СССР в поднятии языковой культуры масс, устранении существенной дистанции между литературным, политическим и бытовым владением языком², что, в свою очередь, отразилось в политике ликвидации безграмотности и укреплении цивилизационного уровня русского языка в СССР и за его пределами.

И.В. Сталин продолжил и развил ленинские начинания. Он мыслил в русле практицизма и глобально, как того и требовал характер задач советского строительства. Сталинская прогностическая глобальная языковая модель такова: «...национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет превращено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества. Понятно, что в этих условиях не может быть и речи о подавлении и поражении одних и победе других языков. Здесь мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один терпит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немец-

¹ См.: Леонтьев К.Н. Поздняя осень России. М., 2000. 336 с.

² К слову, еще П. Лафарг отмечал влияние Великой французской революции на сращение народного языка с языком буржуазным, литературным (см.: Лафарг П. Язык и революция / под ред. В. Гоффеншефера. М.; Л., 1930. 74 с.).

ким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков»¹.

При этом он поясняет сам механизм подобного «слияния», которое вдруг оказывается отнюдь не равноправным (И.В. Сталин вместо «слияния» использует «скрещивание»): «Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает. Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития»².

Отметим несколько ключевых моментов языкового строительства в первые годы существования СССР. К 1926 г. Советский Союз насчитывал в своем составе около 190 этнических единиц и около 150 языков (без наречий и диалектов)³. Все это заключалось в государстве, имеющем, по мнению В.И. Ленина, единый национальный центр («великорусский»), при общем населении не из великороссов, доходящем до 57% состава всего населения СССР на то время⁴.

Выделим основные этапы становления новой исторической общности советских народов при переходе на общую русскую графическую базу⁵:

1. Введение латинизированной письменности народов⁶ СССР в 1925-1938 гг. (включая этап усовершенствования алфавитов народов СССР как подготовительный, а также создание письменности для бесписьменных народов).

¹ Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., 1953. С. 53-54.

² Там же. С. 29-30.

³ См.: Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979. С. 18.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ За основу взято исследование Исаева М.И. (там же).

⁶ Сюда входят народы следующих языковых групп и территориальных делений: тюркские языки (азербайджанский, алтайский, башкирский, казахский, каракалпакский, карачаевско-

2. Введение кириллической системы письма (русской графической основы) народов СССР в конце 30-х годах XX века.

3. Совершенствование алфавита, орфографии, терминологии, культуры родного языка – с 40-50 гг. XX века.

В целом, заменив программу «коренизации» (дерусификации) времен гражданской войны и первых лет существования СССР, направленную на ликвидацию уклона к «великорусскому» и «великодержавному шовинизму»¹, данная политика была продиктована необходимостью ликвидации безграмотности среди всего населения СССР и была достаточно успешной. Она имела схожие черты с масштабным распространением русского языка среди нерусских народов посредством системы образования в XIX веке. Иными словами, эта уникальная по своему масштабу и последствиям стратегия, по нашему мнению, явилась закономерным процессом развития цивилизационных оснований русского языка. Уже в первые годы революционного и постреволюционного периодов в языках национальных меньшинств СССР возникло такое явление как руссизмы².

По большому счету, именно в период существования СССР суперэтнос российской цивилизации как единство получил наиболее существенное выражение. В настоящее же время деятельность медиа все больше замещает основания пассивного единения цивилизации, что представляется серьезным источником вызовов.

балкарский, киргизский, крымско-татарский, кумыкский, новоуйгурский, ногайский, татарский, тувинский, туркменский, узбекский, хакасский, шорский, якутский), иранские языки (таджикский, осетинский, курдский (у других ираноязычных народов СССР процессы создания письменности были не выражены)), языки народов Кавказа (аварский, даргинский, лакцкий, лезгинский, табасаранский, абхазский, адыгейский, кабардинский, черкесский, ингушский, чеченский и др.), финно-угорские языки (в основном, коми-зырянский и коми-пермяцкий), монгольские (бурятский, калмыцкий), языки малых народов Севера, входящие в различные языковые группы (хантыйский, мансийский, саамский, чукотский, корякский, ительменский, керекский, алюторский, эскимосский, алеутский, нивхский, кетский, юкагирский, эвенкийский, нанайский, эвенский, ульчский, ороцкий, негидальский, орокский, удэгейский, долганский, тофаларский, шорский, чулымский, барабинский, камасинский и др.) (см. там же).

¹ См., например: Сталин И.В. Полное собрание сочинений в 16 томах. Т. 5. М., 1952. С. 181-194.

² Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917-1926). М., 2003. С. 219-224.

Говоря о языковых процессах в СССР, можно выделить «киты», обеспечившие беспрецедентное цивилизационное развитие русского языка:

- великое литературное наследие дореволюционной России;
- общедоступность образования;
- новое качество мировоззренческих горизонтов страны, отраженное в советской литературе (причем, на множестве языков);
- международный авторитет СССР (внешняя политика).

К моменту развала СССР советских граждан называли самой читающей нацией. Интерес к языку и литературе был абсолютно неподдельным. Великая русская и советская литература обусловила великий кинематограф, театр, науку.

С точки зрения развития русского языка как основы российской цивилизации, в настоящее время, по нашему мнению, российская цивилизация находится в точке бифуркации: либо органически завершится третий этап становления цивилизационных оснований русского языка, ознаменовав тем самым начало четвертого, либо наступит фаза четкого регресса, и третий этап грозит оказаться последним. Подобный вывод напрашивается ввиду очевидного отсутствия «точек роста» для современного русского языка в цивилизационном отношении.

На основе проведенного исторического обзора было сформировано понимание пути, который прошла российская цивилизация в измерении русского языка. В результате были выделены предпосылки и три основных этапа становления, каждому из которых присущи свои особенности по сравнению с другими.

Делая вывод, обозначим некоторые акценты в понимании языкового измерения в русле цивилизационной безопасности России, актуальные сегодня:

1. Первоначальная русская этно-религиозная идентичность в ходе истории развивалась в суперэтнос с поливариантностью конфессий и языков, которые в настоящее время свободно существуют под единым базисом государственного русского языка даже за пределами государственных границ России¹.

¹ «Премьер и министры Украины вынуждены общаться на русском» // E-News. URL: <http://www.e-news.su/info/37057-premer-i-ministry-ukrainy-vynuzhdeny-obschatsya-na-russkom.html> (дата обращения 27.08.17).

2. Такой единый базис органически возможен за счет причастия к универсальным морально-нравственным нормам и ценностям, что свидетельствует об исповедании определенного единого этико-аксиологического базиса во внутреннем межкультурном взаимодействии цивилизации.

3. Одним из источников сохранения цивилизационной целостности и самобытности в настоящее время является использование исторических достижений в обосновании принятия решений. Однако при этом на повестке дня отсутствует проективная модель цивилизационных устремлений, не формулируются мировоззренческие задачи, которые, казалось бы, естественным образом должны вытекать из огромного исторического пласта российской истории. Российская цивилизация пока следует по инерционному пути: страна по сей день живет днем вчерашним, «проедается» историческое наследие. Пассионарные начала мессианской направленности, способные «нести» цивилизацию, в настоящее время выражены слабо.

Из приведенных акцентов можно обозначить первичное понимание направлений в языковом измерении по обеспечению цивилизационной безопасности России в современных условиях:

1. Удержание и укрепление роли и места русского языка для российской цивилизации в настоящее время и ближайшем будущем.

2. Выработка перспективных мировоззренческих задач страны, в полной мере понимающей свое цивилизационное предназначение. В этом смысле все чаще говорят о необходимости создания государственной идеологии.

3. Модернизация этико-аксиологических оснований российской цивилизации под новые реалии глобального мира.

4. Принципиальное сохранение преемственности равноправия и противостояние политике исключительности на мировой арене.

Исходя из выводов, полученных в результате всестороннего исторического анализа феномена языка, подходов к языковой безопасности и этапов цивилизационного становления русского языка, сформулируем сущность языкового измерения: это особая реальность в гуманитарном срезе общественного сознания, во-

площающаяся в символической природе языка и изменчивых под его влиянием нормах мировосприятия и моделях поведения людей, открывающая тем самым направление существенного воздействия на безопасность российской цивилизации как социального организма по двум объективным сторонам языка – языка как средства (среды) и языка как цели.

Далее следует определение сущности цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях: она представляет собой готовность и способность российской цивилизации при активной деятельности ее субъектов к сохранению и развитию единой русскоязычной основы российской цивилизационной идентичности и государственности в условиях действительных и возможных, внутренних и внешних вызовов и угроз современности в языковом измерении.

Раздел 2. Вызовы и угрозы цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях

Поскольку цивилизационная безопасность России в языковом измерении в современных условиях обладает существенной значимостью, следует подробно раскрыть угрожающие факторы и их аспекты в заданном направлении. Затем необходимо разработать программу выявления вызовов и угроз в языковом измерении, на основании которой раскрыть их типологию и произвести соответствующую оценку. Следует учитывать выделенные ранее объективные стороны языка с точки зрения рассмотрения его как измерения безопасности: язык как средство (среда) и язык как цель воздействия.

В отношении *языка как средства* выделим несколько подходов, соотнеся их между собой по уровням общественного охвата, что позволит более полно раскрыть сущность и содержание воздействий на цивилизационную безопасность России через языковое измерение в современных условиях:

- 1) медиафилософский (концептуальный): общечеловеческий уровень;
- 2) политико-технологический (праксеологический): государственный уровень;
- 3) биосоциальный (социально-коммуникативный): уровень общества и групп;
- 4) психокогнитивный (поведенческий): личностный уровень.

Раскроем каждый из подходов более подробно.

1. Инструментальные свойства различных феноменов человеческого бытия, конструирующих медиареальность, раскрываются в разработках *медиафилософии*, в полной мере включающей и языковой аспект.

Основной идеей медиафилософа М. Маклюэна выступает концепт о расширении возможностей человека и его сознания с помощью различных медиа, в том числе, первичных – языка, речи, письма¹. Отсюда следует то, что в современном информационном пространстве представительства коллективных сознаний раз-

¹ См. подробно: Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., Жуковский, 2003. 464 с.

ных общностей, мировоззренчески выражаемые своими языками, находятся в теснейшем взаимодействии в едином «пространстве сознаний» (коммуникативном пространстве), в котором они, учитывая современные возможности вторичных медиа (информационных сетей и т.п.), пребывают в состоянии определенного рода состязательности или противоборства. К противостоянию коллективные сознания предопределены самоидентификацией «мы – они», обусловленной разностью языков и их мировоззренческих парадигм: «...бог осудил человечество на постоянное языковое противоборство»¹.

Поскольку человек осуществил «расширение наружу своей центральной нервной системы»², поэтому наряду с силовыми сферами соперничества культур за доминирование в «пространстве сознаний» сложилась и сфера опосредованного языком мировоззренческого противостояния. «Уместно заметить, что с первых дней существования электричества электрическая технология тоже сосредоточилась на мире речи и языка. Первое великое расширение нашей центральной нервной системы – а именно, такое средство массовой коммуникации, как устное слово, – быстро вступило в брачный союз со вторым великим расширением центральной нервной системы, электрической технологией»³. Тем самым средства коммуникации определили современную технологическую формулу «пространства сознаний», в которой «информационная революция перераспределяет власть, расширяя горизонты времени и пространства»⁴.

В современном технологическом конструкте «пространства сознаний» в образно-символическом противодействии пребывают различные мировоззренческие проекты, когда «в условиях острой борьбы происходит столкновение альтернативных медиапроектов, авторы которых пытаются убедить зрительскую аудиторию в том, что показанное на экране прошлое, настоящее и будущее, пол-

¹ Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4 (49). С. 59 (перевод с английского А. Смирнова).

² Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., Жуковский, 2003. С. 288.

³ Там же. С. 307.

⁴ Рыхтик М.И. Эволюция понятия «безопасность»: от «жестких угроз» до «мягких вызовов» // Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2002. С. 103.

ностью соответствует объективной истине»¹. Фактически в современном глобальном социальном пространстве происходит переоформление реальности в программную среду, в которой вооруженную борьбу ведут «аватары» коллективных сознаний. Современный язык в медиа реализуется в концепт-формах медиа-языка (медиалекта, медиатекста)², особенностью которого выступает программируемость в целях получения конкретного результата. Медиаязык оказывает влияние на язык общества, в том числе, на литературный.

Свойствами современной реальности, являющейся уже в полной мере реальностью медиа, можно отметить экранность, технологичность, смоделированность в отношении происходящего. Реальные события изначально могут быть сгенерированными в медиа «сенсациями». При этом «рефлексия не поспевает за изменениями, осознанность – за трансформациями телесности, бессознательной тягой к удобству, а личный опыт – за информацией»³.

Сущее, к которому прикасается человек, в мире медиа интерпретируется как сообщение, информация, символ, образ, аргумент, то есть современный человек живет в окружающем его как пленка текучем информационном образе. В результате и в вещном мире человека его окружают все больше суррогаты, обусловленные медиа. Мир перенасыщен по отношению к пропускной способности индивидуального сознания растиражированными продуктами медиа – корректирующими любую сущность образами настолько, что они способны заменять факты реальности: «Теперь же *место факта занял артефакт*: то, что сделано нами, есть истина, то, чего технологию мы знаем и можем воспроизвести. <...> Ныне человек устанавливает значения вещей своими проектами. Реальность есть то, что может быть сконструировано хотя бы математически»⁴ (курсив автора – Л.З.).

¹ Чельшева И.В. Медиареальность: среда обитания или протез сознания // Медиафилософия VI. Необратимость трансформации / под ред. В.В. Савчука и А.И. Иваненко. СПб, 2010. С. 5.

² См., например: Полонский А.В. Медиалект: язык в формате медиа // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 2. С. 230-240; Мельник Г.С. Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник. 2012. С. 27-29.

³ Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб, 2013. С. 3.

⁴ Кураев А., диак. О вере и знании. М., 1995. С. 3. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/pdf/kuraev_o_vere_i_znanii.pdf (датаобращения: 09.09.2018).

Вера в созданный образ формируется знанием его модели, заменяя обладание образом суррогатом – «...зачем нам познавать то, чем мы не можем обладать?»¹.

Об этом говорит и трансформация философии от сущего и бытия через лингвистический поворот («всеобщую текстуализацию», по М. Фуко) к философии медиа и коммуникации вкупе с иконическим поворотом. Бытие современного человека неотделимо от медиума, вне которого он все более неполноценен как общественная единица. Искусственная среда обитания человеческого общества – тот самый медиум для современного индивида.

Резюмируя основные аспекты медиафилософского подхода, предложим собственную классификацию уровней медиа применительно к человеку:

1) первичные медиа: область воздействий на материю окружающей действительности, позволяющих организовывать непосредственные материальные формы информационно-культурного обмена с помощью символов, сигналов, кодов, образов(речь, письмо, артефакты культуры и т.п.);

2) опосредованные медиа: искусственные средства коммуникации, ставшие неотъемлемой частью искусственной среды обитания человека (почта, телефон, телевидение и т.п.);

3) супермедиа: «пространство сознаний» (информационные сети, искусственный интеллект).

В качестве одного из акцентов в медиафилософии в настоящее время развивается идея «цифровизации» реальности и сознания человека, наряду с чем ставится вопрос и о мере отчужденности человека и его сознания от собственной сущности. В этом смысле и в свете вышеприведенной классификации проблематику искусственного интеллекта можно отнести к предельному состоянию уровня супермедиа, на котором человеку уготована возможность полного отчуждения².

¹ Там же. С. 4.

² «Аппарат будут принимать решения. Я знаю, что вы мне ответите, что решение все равно принимает человек – палец человеческий нажмет на кнопку. Но "палец" будет анализировать информацию, которую ему даст этот "монстр"» (См.: «Татьяна Черниговская: "Цивилизация праздности – вот что нас ждет". Ученый-нейролингвист выступила с открытыми лекциями в Архангельске» // ИА REGNUM. 2018. 22 ноября. URL: <https://regnum.ru/news/2524461.html> (дата обращения: 13.03.2019)).

Следует подсветить концепцию *трансгуманизма*¹, отмечающую «вживание» человека в медиа, в «пространство сознаний». Основные коллизии по поводу данной концепции возникают в науке и обществе в этико-религиозном плане.

2. Анализируя описанные трансформации в мире, растущие возможности манипуляции человеком и его сознанием, коллективные участники противоборства в «пространстве сознаний» разрабатывают и применяют соответствующее вооружение для целенаправленной и скрытой инспирации, замаскированной общим фоном медиа. Под «вооружением» на уровне «пространства сознаний» понимаются, прежде всего, медиатехнологии.

В рамках *политико-технологического подхода* «одним из угрожающих социолингвистических процессов является языковое манипулирование, когда язык выступает как инструмент воздействия на общество для достижения определенных политических целей»². Например, «на наших глазах при помощи соответствующих технологий "расшивается", "деконструируется" прошлое России»³. В языковом измерении средствами «мягкой силы» расчищается путь к самосознанию народа для изменения его политической предрасположенности.

Техника, технология выражается широчайшим спектром значений. Например, Л. Мамфорд в своей работе «Миф машины»⁴ говорит о социотехнической мегамашинерии, лежащей в структуре цивилизации, начиная с древних царств. При этом человек в социальной системе играет роль «винтика» системы.

Одним из наиболее представленных и разработанных на практике направлений языкового противоборства предстает *политическая лингвистика*. На противостоянии различных политических систем можно наблюдать противоборство с помощью языка в медиа. Г. Лассуэлл в своей концепции полагает язык инстру-

¹ См., например: Курочко М.М., Маслова М.В. Феномен трансгуманизма: сущность, истоки и социальные последствия // Военный академический журнал. 2018. № 2 (18). С. 119-125.

² Грицко М.И. Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. Т.1. № 3(9). С. 68.

³ Дердюк В.Б. Цивилизационная безопасность России в современных условиях // Власть. 2010. № 9. С. 45.

⁴ См.: Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М., 2001. 408 с.

ментом власти¹. В политической лингвистике рассматривается влияние политических процессов на язык, в результате чего язык начинает влиять на социальные процессы.

Основным вторичным медиа такого первичного медиа как язык в настоящее время являются средства массовой информации (СМИ). С точки зрения политической лингвистики, СМИ, затрагивающие политическую ситуацию, являются ангажированными одной из точек зрения в политическом дискурсе, что определяет формат воздействия (манипулирования) на общество через язык подобных информационных средств². В этом смысле схема «политическая ситуация – языковая ситуация» предстает как рекурсивная.

Н.Э. Гронская в политическом процессе и обществе характеризует язык тремя ипостасями³: язык как инструмент, как среда политики и как объект политики.

Видно, что в политическом процессе язык может выступать одновременно и как средство, и как цель политики. Автор показывает, что во всех трех случаях ему может быть присуща манипулятивная функция. Причем, манипулятивные свойства язык, по мысли автора, приобретает не столько в самом акте трансляции, сколько в результате процедуры кодирования смыслов. Анализ лингвистических средств кодирования обозначает круг *лингвостратегий* воздействия.

Н.Э. Гронская понятийной основой манипулирования называет миф, предназначенный подменять реальность⁴. В этом случае целью политической коммуникации следует полагать не столько передачу информации, сколько создание смыслов и образов определенной направленности, в том числе, в отношении положительной корректировки образа самого адресанта, то есть речь идет о метафорической задаче. У человеческого сознания попросту отсутствует защита от

¹ См.: Лассуэлл Г. Язык власти // Политическая лингвистика. 2006. № 20. С. 264-280 (перевод с английского М.В. Толмачева).

² См., например: Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2011. 232 с.

³ См.: Гронская Н.Э. Политический процесс и лингвистические технологии манипулирования: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2005. 47 с.

⁴ См.: там же.

языковых метафор, поскольку даже обыденный человеческий язык, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, не функционирует без них¹.

В условиях глобальной информационной среды для глобальных игроков лингвополитического поля одной из задач является унификация языковой картины мира и, как следствие, норм социального поведения. В этом разрезе Н.Э. Гронской подчеркивается распространенное в настоящее время явление «информационного империализма» «по-американски», возникновение *глобал-лингвизма*. Такой тотализируемый политический дискурс способен предопределяет и характер применяемых лингвотехнологий².

З.И. Комарова отмечает закон взаимодействия языка и политики: «Осознание основных и частных функций политического дискурса привело к осознанию *закона взаимодействия языка и политики*: тот, кто контролирует язык – контролирует и общество»³ (курсив автора – Л.З.).

В качестве примера проявления воздействия через СМИ на человека или общество можно привести вербальную агрессию⁴, посредством которой производится открытая манипулятивная атака на сознание.

В социально-политических манипуляциях одной из форм воздействия доктор философских наук В.В. Кафтан называет *терминологическое противоборство* – «конфликтное взаимодействие между различными социально-политическими акторами в лингвистической сфере, когда одна из сторон пытается навязать другой свое понимание тех или иных явлений, выраженное с помощью особых языковых конструкций, в целях принятия оппонентом своего видения реальной действи-

¹ «...мы обнаружили, что метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» (Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. М., 2004. С. 25).

² См.: Гронская Н.Э. Политический процесс и лингвистические технологии манипулирования: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2005. 47 с.

³ Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург, 2012. С. 559.

⁴ См., например: Петрова Н.Е. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учебное пособие / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. М., 2011. 160 с.

тельности и получения рационального преимущества над противником»¹. По отношению к терминологическому противоборству называется и ряд применяемых лингво-коммуникативных технологий воздействия: метафоризация, организация языковых игр, инициирование медиавирусов, расшатывание бинарных оппозиций, симулякризация, примитивизация языка, применение двойных стандартов, подмена означающих².

Примером расшатывания бинарных оппозиций в мировой практике, по нашему мнению, может служить официальная информационная повестка стран Запада, в составе НАТО принимавших участие в бомбардировках тогда еще Югославии. Н. Хомский в своей книге «Новый военный гуманизм»³ подробно раскрывает манипуляции общественным сознанием со стороны представителей стран-агрессоров, в заявлениях которых бомбардировки несли-де в себе гуманистические цели, хотя на самом деле реализовывалась агрессия.

С.Г. Кара-Мурза перечисляет некоторые «симптомы» манипуляции сознанием в сфере коммуникаций и СМИ: фальшивый авторитет малопонятных терминов, эмоции, сенсационность и срочность, повторение, дробление, изъятие из контекста, тоталитаризм источника сообщения, тоталитаризм решения, смешение информации и мнения, прикрытие авторитетом, активация стереотипов, некогерентность высказываний⁴. Примером манипуляции автор отмечает использование завуалированных по смыслу терминов: «ваучер», «гуманизм», «брокер» и «киллер», «эмбарго», «прогресс», «коммуникация».

С.Г. Кара-Мурза также вводит специальный термин – «слова-амебы», чтобы объяснить сущность новых номинаций, не обладающих связью с вещами, скрывающихся своей наукообразностью и, тем самым, мнимой непредвзятостью, которые способны как бы поглощать прежние имена, а впоследствии и предохраня-

¹ Кафтан В.В. Философия языка как основание терминологического противоборства // Столкновение цивилизаций в языковом пространстве: вызовы современности: материалы межвузовской научно-практической конференции / под общ. ред. М.М. Курочки, М.В. Масловой. М., 2017. С. 85.

² Там же.

³ См.: Хомский Н. Новый военный гуманизм: уроки Косова / пер. с англ. Л.Е. Переяславцева. М., 2002. 320 с.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005. С. 811-817.

тельные свойства языка. Это мутация слов, превращение их в товар, десакрализация, скрадывания заложенной в них опасности с навязыванием их использования для достижения требуемого результата, влияние на сознание аудитории такой обезличенной риторикой. Язык, по С.Г. Кара-Мурзе, становится «орудием господства»¹. В заключении книги автор резюмирует: «За всем этим стоит выбор жизнеустройства (типа цивилизации)»².

3. **Биосоциальный подход** при раскрытии стороны языка как средства представляет, например, разработка ученого-дарвиниста Р. Докинза. Он полагает репликацию аналогом естественного отбора³, а новой формой «первородного бульона» автор называет «бульон человеческой культуры»⁴. По аналогии с генами новым репликатором культуры, «единицей передачи культурного наследия», Р. Докинз считает *мем*. Сюда относятся «мелодии, идеи, модные словечки и выражения»⁵ и т.п. Автор сравнивает процесс распространения мемов с передачей генов между телами с помощью сперматозоидов и яйцеклеток, сам процесс называет имитацией, а набор мемов – мемфондом.

Процесс распространения мемов Р. Докинз описывает следующим образом: «Посадив в мой разум плодовитый мем, вы буквально поселили в нем паразита, превратив тем самым разум в носителя, где происходит размножение этого мема, точно так же, как размножается какой-нибудь вирус, ведущий паразитическое существование в генетическом аппарате клетки-хозяина»⁶.

Отмечается, что для мемов плодовитость гораздо важнее долговечности. Учитывая «бульонное» понимание культуры Р. Докинзом, мемы посредством репликации автономно ведут между собой борьбу за выживание в сознании людей. Кроме того, мемы способны группироваться в комплексы – мемплексы.

Также отметим, что мемам подвержены любые возрасты и уровни образованности людей. Данному подходу соответствует исследование групповой информа-

¹ Там же. С. 87.

² Там же. С. 809.

³ Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2013. С. 297.

⁴ Там же. С. 295.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 295-296.

ционной картины мира, содержание которой составляют различные аспекты моды в языковом измерении как *результат конкуренции на социальной «поверхности» языковых процессов.*

Первым описание подобных процессов в сознании произвел профессор В.М. Бехтерев, когда в своей работе «Внушение и его роль въ общественной жизни» отметил «психические микробы», приводящие к «психической заразе», действующие «везде и всюду» «чрез слова, жесты и движения окружающих лиц, чрез книги, газеты...»¹ (цитаты приводятся в современной орфографии – Л.З.).

4. **Психокогнитивный подход** отражает связь языка и сознания (мышления). Б. Уорф считает, что можно говорить о лингвистическом принципе относительности, в основе которого полагается корреляция сходных физических явлений и сходств описывающих их картин мира только при условии сходства или хотя бы соотносительности языков описания². Понятно, что речь идет о *языковой картине мира*. Этим может быть объяснено основание предвзятости оценок одних цивилизаций со стороны других при помощи инструментария одностороннего языкового мышления. Язык предстает полем, игра на котором в «гостевом режиме» представляет неоспоримое преимущество для «хозяев поля».

К. Ажеж формирует концепт человека диалогического, направление социо-оперативной лингвистики и развивает свою теорию коммуникации, по которой полагается, что субъект (субъекты) в дискурсивной области лингвистически представляет собой взаимосвязанное единство себя самого, приступающего к диалогу, и коммуницирующего с ним окружения в каждый момент времени, а диалектика свободы (со стороны себя) и ограничений (со стороны окружения) определяет характер коммуникации как сотворческий или состязательный, – прежде всего, в языковых средствах.

«Все эти данности взаимосвязаны. Субъект высказывания есть мера их взаимосвязности, как и степени проявления ограничений и инициатив. Очевидным образом, эти две области, выделенные нами для удобства изложения, на самом

¹ Бехтерев В.М. Внушение и его роль въ общественной жизни / 2-е изд., доп. СПб, 1903. С. 5.

² Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М., СПб, 2003. С. 210.

деле постоянно интерферируют в реальном дискурсном процессе. Никогда не бывает полной свободы или абсолютных ограничений, они всегда уравнивают друг друга»¹. В диалоге собеседник, так или иначе, навязывает свой язык и свое миропонимание, и делает это в любом случае небезуспешно, при этом подвержен влиянию и его собственный язык. В этом смысле язык в диалоге становится выразителем не просто «суммы» сознаний каждого из говорящих, но и некоего *нового* вследствие диалектики развития.

По мнению авторов учебного пособия «Введение в философию»², язык предстает *способом существования сознания*. Поэтому четко следует понимать опасности и последствия засорения языка и «похищения сознания», чему рационально противостоять объективно затруднительно.

О дорефлексивном характере языка пишет К. Леви-Строс: «Ибо язык не коренится ни в аналитическом разуме древних грамматистов, ни в диалектике, созданной структурной лингвистикой, ни в конституирующей диалектике индивидуального праксиса, выставленного против практико-бездеятельного, поскольку все три диалектики предполагают язык. Лингвистика подчеркивает присутствие диалектического и тотализирующего существа, но вне (либо ниже) сознания и воли. Нерелексивная тотализация – язык есть человеческий разум, имеющий свои основания, которых человек не знает»³.

Действительно, говоря о национальном менталитете, переходя в языковую сферу, так или иначе, целесообразно употреблять термин «языковой менталитет», что, в свою очередь, определяет и «языковое сознание»⁴. Взаимозависимое единство «язык-сознание» определяет таким образом возможности культурного воздействия через язык, вплоть до образования как устойчивых языковых креоль-

¹ Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М., 2003. С. 228.

² См.: Введение в философию: учеб. пособие для вузов / авт. колл.: Фролов И.Т. и др. М., 2003. 623 с.

³ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1994. С. 312.

⁴ См., например: Горошко Е.И. Языковое сознание: ассоциативная парадигма: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. М., 2001. 41 с.; Языковое сознание жителей Воронежа / И.А. Стернин и др. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2010. 250 с.; Барина И.А., Нестерова Н.М., Овчинникова И.Г. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2010. Вып. 4. С. 10-21.

ских форм, так и существенных изменений в менталитете на уровне общественного сознания. О влиянии языка на сознание человека и репрезентацию им реальности говорят В. Клемперер¹, С.Г. Тер-Минасова² и другие авторы.

Завершая рассмотрение подходов к языку как средству воздействия, отмечаем необходимость выявления применения технологий языкового «программирования» под нужды заказчика сегментов «пространства сознаний», кои конкретный язык опосредует³, а также разработки методов их обнаружения.

Технология – это «совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства»⁴. Экспорт английского языка, кинематографический экспорт ценностей и т.п. – это, несомненно, проявления индустрии, сферы производства.

Подобные технологии являются гуманитарными. Еще недавно они понимались, прежде всего, как система методов в образовательном процессе. Действительно, искусственное распространение или внедрение внешней по отношению к российской цивилизации языковой модели мира есть не иначе как процесс обучения и воспитания, как бы удивительно это ни звучало. Внедрение в цивилизационный код мышления на основе иностранного языка под надзором внешней гуманитарной технологии (ГТ) – есть процесс переобучения и перевоспитания, то есть признак функционирования *гуманитарного образовательного института, деятельность которого направлена на достижение конкретных результатов для инициатора.*

По П.В. Клячкову, «современные гуманитарные технологии способны принципиальным образом менять ход политического процесса и социокультурного

¹ Клемперер В. LTI. Язык третьего рейха: Записная книжка филолога. М., 1998. 175 с.

² Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М., 2000. 624 с.; Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М., 2008. 334 с.

³ «Нацизм въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно» (Клемперер В. LTI. Язык третьего рейха: Записная книжка филолога. М., 1998. С. 25). Так подтвердился афоризм Ф. Шиллера: «Но язык не только творит и мыслит за меня, он управляет также моими чувствами, он руководит всей моей душевной субстанцией, и тем сильнее, чем покорнее и бессознательнее я ему отдаюсь» (там же).

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006. С. 797.

развития в целом – как в позитивную, так и в негативную сторону. Тем самым они превращаются в один из основных факторов политической борьбы и экономической конкуренции. При этом сфера культуры становится одним из наиболее значимых полей противоборства сил, одни из которых заинтересованы в ослаблении, а другие – в укреплении целостности государства»¹.

Автор отмечает существование международного рынка ГТ, подчеркивая неэффективность только жесткого, прямого административного ответа на применение внешних ГТ, который может быть выгоден и спрогнозирован «конкурентами»². Являя собой «стратегическое ненасильственное сопротивление» за счет культурно-психологических манипуляций³, применение ГТ в языковом измерении, несомненно, можно отнести к сфере «мягкой силы» и «умной силы»⁴.

Данная проблематика располагается на стыке множества наук и отраслей научного знания, поэтому для эффективных ответных разработок требуется организованная институциональная основа.

Ввиду вышеназванного, в настоящее время на уровне «пространства сознаний» определенно существуют признаки «не болевого» соперничества, ментальной «игровой площадки».

Уточним, что воздействие на самосознание народа российской цивилизации может осуществляться в двух плоскостях:

- посредством русского языка на самосознание суперэтнуса российской цивилизации;
- посредством иноцивилизационной языковой культуры двойным опосредованием через самосознание народа другой цивилизации в мировоззренческом противоборстве на уровне «пространства сознаний».

Концепт игры в языковом противоборстве выступает одним из характерных отражений его сущности и раскрывается моделями игрового соперничества в

¹ Клачков П.В. Гуманитарные технологии как социально-культурные факторы обеспечения целостности современного государства: автореф. дис. ...канд. филос. наук. Красноярск, 2013. С. 3-4.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 10.

⁴ См., например: Пашаева Г.М. кызы. Языковое измерение SoftPower // Дискурс-Пи. 2014. Т. 11. Вып. 1. С.75-82.

языковом измерении, например, в формате конкуренции за «привлекательность» своих доводов, образов, ценностей и т.п., а также для навязывания своей воли или изматывания конкурента.

Одним из основных признаков языковой игры назовем управление правилами и терминами в языковой деятельности¹. Игра в «пространстве сознаний» представляет собой преднамеренный для стороны-инициатора обмен метафорическими формами, который направлен на выстраивание такой текущей композиции аргументов, которая при отсутствии заранее оговоренных правил позволяла бы формировать строгие, но невыгодные для соперника предписания, невыполнение которых будет выступать как еще более невыгодный исход. По большому счету, «игра» состоит в навязывании правил ведущейся и необъявленной «игры» на истощение.

Само втягивание в соперника в организованную инициатором «игру» – есть первое навязанное предписание. Дальнейшее фонтанирование предписаниями может производиться, например, в лингвостратегии «галоп Гиша»², когда на оппонента обрушивается интенсивный поток нелепых обвинений, мотивированно реагируя на каждое из которых он попросту может коллапсировать свой управленческий ресурс и при этом все равно получить репутационный ущерб.

Если применить тенденцию медиаизации реальности к современным способам войны, то в качестве примера можно привести расширяющуюся по масштабам и средствам применения практику ведения опосредованных войн или прокси-войн³. Языковая игра в «пространстве сознаний» также может иметь проявления «прокси». В информационном пространстве оформились деперсонализированные субъекты влияния: различного рода «инсайдерские» агентства, сайты, анонимные группы в социальных сетях и мессенджерах, медийные псевдообщественные организации и сообщества. Подобная альтернативная по отношению к официаль-

¹ См., например: Дедушкина Т.А. Языковая игра: современное состояние вопроса // *StudiaLinguistica*. 2012. Вып. 6. С. 88-92.

² См., например: Earp B.D. The unbearable asymmetry of bullshit // *HealthWatch Newsletter*, 2016. № 101. P. 5. URL: http://www.healthwatch-uk.org/images/Newsletters/Number_101_BE.pdf (дата обращения: 09.02.2019).

³ См., например: Mumford A. *Proxy Warfare*. Cambridge: PolityPress, 2013. 141 p.

ным СМИ информационная индустрия, зачастую, тесно связана с утечками в сфере кибербезопасности, не исключая и явные «фабрики фейков». И недалек, вероятно, и тот день, когда искусственный интеллект в «пространстве сознаний» научится инициировать ситуационные языковые игры, обнаруживать и «обходить» ответные меры противодействия.

В.И. Ковалев, разрабатывая концепт войны современного толка, определяет, что «война – это такой способ разрешения конфликта, при котором отсутствуют ограничения на масштабы, номенклатуру и типы средств направленного воздействия на участников конфликта»¹. По В.И. Ковалеву, война включает в себя три гиперкласса методов воздействия: «оружие» (классические методы непосредственного разрушения), «метаоружие» (методы воздействия на природу) и «квазиоружие» (методы воздействия на экономику). Полагаем, что в данный перечень в современных условиях первой строкой целесообразно учесть класс методов воздействия на сознание. Ведь война, по Сунь Цзы, есть «путь обмана».

Например, в современной России первенство английского не оспаривается, более того, оно постоянно укрепляется, причем, уже и за счет «проигравшей стороны». Возникла самая серьезная степень зависимости развития цивилизации от распространенности внешнецивилизационных языковых предписаний², которые по обратной связи приводят к подавлению суверенного развития. Борьба идет *непротив* экспансии английского языка, а *за* его все более широкое распространение. Впрочем, и строгие запретительные меры в сложившейся ситуации могут дать обратный эффект, так как мировая политика маркетинга и продвижения товара «английский язык» выработала стойкую потребность в нем.

¹Ковалев В.И. «Завтра война?» Дискурсивный анализ глобальных процессов в мир-системе // Военно-политическая ситуация в мире и безопасность России: сб. докл. / под ред. Г.Г. Тищенко, В.Е. Новикова. М., 2014. 128 с.

² «Английский язык станет обязательным для сдачи ЕГЭ в 2022 году, сказала министр. <...> Со следующего года даже в системе специального профессионального образования вводим требование к знанию английского языка, потому что представить себе высококвалифицированного рабочего, который не прочтет инструкцию к какому-то из станков – это тоже сегодня полный абсурд, – сказала министр» (см.: «Когда ЕГЭ по иностранному языку станет обязательным» // Российская газета. 2018. 7 июня. URL: <https://rg.ru/2018/06/07/kogda-ege-po-inostrannomu-iazyku-stanet-obiazatelnym.html> (дата обращения: 29.08.2018).

Подобные процессы можно понимать как *интерактивные*, в которых выверенная последовательность интеракций выступает источником социальных изменений и сдвигов. Используя современные информационные медиа и применяя ГТ, проектируемая социальная реальность воплощается в действительности. Заданная искусственная реальность может быть воспроизведена за счет внешней воли и посредством языка.

В направлении социального конструктивизма, разработанном П. Бергером и Т. Лукманом¹, отношение к языку разработано на основании феноменологической социологии, которая ставит во главу угла объективность самых глубинных актов человеческого сознания. Используя то, «как» человек мыслит и смыслополагает, становится возможным создавать такие социальные условия, которые определяют и «куда» мыслить человеку, то есть сконструировать реальность индивиду за него самого, изменив преобладающие у него стереотипы.

Такое кантианство, само собой, отразилось и на выработке авторского отношения к языку: «Мы видели, как язык объективирует мир, преобразая *panta rhei* опыта в связный порядок. Устанавливая этот порядок, язык *реализует* мир в двойном смысле слова: он его постигает и он его производит. Общение представляет собой актуализацию этой эффективности языка в ситуациях лицом-к-лицу индивидуального существования. В общении объективации языка становятся объектами индивидуального сознания. Так, фундаментальным фактом поддержания реальности является постоянное употребление одного и того же языка для объективации разворачивающегося биографического опыта. В самом широком смысле поддерживающими реальность другими будут все те, кто использует тот же самый язык»² (курсив автора – Л.З.).

Целенаправленные изменения в языке и через язык, по замыслу авторов, воспроизводят изменения в социальной реальности и, следовательно, могут детерминировать возникновение спроектированных социальных последствий.

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.

² Там же. С. 249.

Говоря о технологиях расширения влияния в ноосфере и учитывая вышеприведенные разработки, нельзя не упомянуть о разрабатываемых методиках замеров активности языкового воздействия на общественное сознание. Например, российская компания «Медиалогия» предоставляет на международном рынке услуги по разработке «автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа в режиме реального времени»¹, анализируя три основных составляющих: индекс цитируемости, позитивность и заметность сообщения.

Теперь рассмотрим вторую объективную сторону языка в разрезе языкового измерения цивилизационной безопасности современной России – **русский язык как объект воздействия**. Ф.С. Фролов² рассматривает язык как один из основных объектов культурно-лингвистической экспансии извне, понимая национальный язык также средством защиты от подобного воздействия.

В отношении к русскому языку как объекту целесообразно выделить составляющие, которыми он объективно выражается и, соответственно, на которые угрозы могут иметь воздействие:

- носители русского языка (в России и за рубежом).
- непосредственно русский язык, его коренной состав и грамматический строй, ценностно-смысловая ориентация, система отношений к русскому языку.

Носители русского языка. Реальное количество носителей любого языка в мире определяет потенциалы его распространенности. Число носителей русского языка и его распространенность необходимо оценивать как внутри цивилизации (России), так и за ее ближними и дальними окраинами, поскольку это позволит более полно отследить динамику изменения позиций русского языка в предыдущие годы³ и в настоящее время. Рассмотрим фактическую сторону демографии носителей русского языка в России на основе данных государственной статистики.

¹ См.: «Медиалогия». URL: <http://www.mlg.ru> (дата обращения: 01.09.2018).

² См.: Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия как угроза национальной безопасности России: автореф. ... дисс. канд. полит. наук. М., 2016. 35 с.

³ Отчет целесообразно вести от рубежа 1989-1991 годов как завершающего этапа существования СССР (а также третьего этапа цивилизационного развития русского языка) и одновременно периода резкого прерывания роста численности населения России в целом.

В статистике Росстата (раздел «Демографический прогноз до 2035 года», подраздел «Изменения численности населения по вариантам прогноза», файл по ссылке *progn1.xls* от 3 октября 2018 года)¹ наглядно представлены три варианта прогноза изменения численности населения Российской Федерации, два из которых являются строго негативными, а позитивный вариант – «высокий» – почти фантастическим. Даже «средний» вариант прогноза предполагает, что в период с 2019 по 2035 годы ожидается нарастающая убыль коренного населения России, составив к 2035 году общую убыль населения страны в количестве почти 260 тысяч человек с «естественной» убылью в количестве более 540 тысяч человек и с миграционным приростом чуть более 280 тысяч.

При этом же фактические данные естественного прироста населения говорят о том, что в стране уже прочно наметилась тенденция резкой убыли населения численностью в 2286 человек в 2016 году и сразу 135 тысяч человек (это около 0,09% всего населения страны) в 2017 году, поэтому реальное положение дел сводится даже к худшим ожиданиям, нежели официальный «средний» вариант прогноза, стремясь к прогнозу «низкому». Годами естественного увеличения численности (прироста) населения за последние 25 лет выступили только 2013 – 2015 годы и на достаточно скромные показатели (раздел «Естественное движение населения», подраздел «Рождаемость, смертность и естественный прирост», файл по ссылке *demo21.xls* от 18 июня 2018 года)².

За январь-октябрь 2018 года отмечено: снижение числа рождений более чем на 65 тысяч человек, небольшое увеличение смертей, снижение числа браков более чем на 84 тысячи человек и уменьшение числа разводов более чем на восемь тысяч. «Естественная» убыль населения за рассматриваемый период 2018 года составила более 181 тысячи человек (это данные за десятимесячный период, годовая убыль по «среднему» варианту прогноза определена почти в 84 тысячи, по «низкому» – более 154 тысячи человек) против почти 115 тысяч за аналогичный

¹ См.: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#(дата обращения 05.05.2019).

² Там же.

период 2017 года (раздел «Общие итоги естественного движения населения Российской Федерации», файл по ссылке *tab10_2018.xls* от 27 декабря 2018 года)¹.

Представленные данные отражают состояние постфактум, не прогноз. По предварительной оценке Росстата, численность населения России по состоянию на 1 января 2019 года оказалась на 43,3 тысячи человека меньше, чем среднее значение этого показателя за 2018 год (раздел «Новости», публикация от 23 января 2019 года, файл по ссылке *PrPopul2019.xls* от той же даты)².

Убыль числа носителей русского языка внутри страны прямо коррелирует с убылью коренного населения России, то есть и цивилизации. За последние чуть более чем четверть века «естественная» убыль населения без учета миграционного притока составила суммарно не менее 8,4 миллионов человек (раздел «Естественное движение населения», подраздел «Рождаемость, смертность и естественный прирост», файл по ссылке *demo21.xls* от 18 июня 2018 года)³, а по другим вполне объективным оценкам – более 12 миллионов. Сопутствующими характеристиками подобного процесса также следует отметить неуклонную урбанизацию населения (раздел «Численность и состав населения», подраздел «Численность населения», файл по ссылке *demo11.xls* от 2 апреля 2018 года)⁴, в результате которой происходит, по сути, депопуляция села.

Для объективности демографического анализа следует рассмотреть динамику изменения национальной самоидентификации населения России за последнее время, учитывая национальный характер миграционного прироста населения.

Число граждан, причисливших себя к русским по национальности с 1989 по 2010 годы, сократилось на 8,85 миллионов человек, к украинцам – на 2,43, к бе-

¹Там же. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2018/demo/edn10-18.htm (дата обращения: 05.05.2019).

²Там же. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/materials/news/ (дата обращения: 03.02.2019).

³Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 01.09.2018).

⁴Там же.

лорусам – на 0,69 миллиона¹. Суммарно это 11,97 миллионов человек, при общей убыли населения 4,16 миллионов человек за указанный период. Таким образом, абсолютная убыль населения осуществляется, преимущественно, за счет наиболее стремительного исчезновения славянских народов России, которые для русского языка являются его историческими носителями. При этом около пяти миллионов человек в 2010 году не назвали своей национальности (в 2002 году – около двух миллионов)², что может свидетельствовать о кризисе самоопределения народов, которые, возможно, и составляют основу миграционного прироста в стране. Определяется, что «изменения в национальном составе населения обусловлены действием трех факторов. Первый фактор связан с различием в естественном воспроизводстве групп населения. Второй фактор связан с процессами смены этнического самосознания под влиянием смешанных браков и других причин. Третий фактор – это внешняя миграция»³.

Выводы о вымирании подтверждаются данными⁴, в соответствии с которыми самые низкие показатели в 2010 году по числу женщин, родивших трех и более детей, принадлежат к русским (10,6 % к общей численности женщин, это самый низкий показатель в таблице, понизившись с 12,0 % от 2002 года), украинцам (16,2 %, понижение на 0,2 %) и белорусам (16,2 %, понижение на 0,7 %). Снижение данного показателя отмечено у многих народов России, однако у славянских народов они являются самыми низкими.

При этом «из общей численности населения, ответившего на вопрос о родном языке, 93,8% назвали родным язык, соответствующий в переписном листе ответу о национальной принадлежности, а 5,7% населения (кроме русских) указали родным русский язык. Например, родным указали русский язык 40% лиц, отнесших

¹ Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2012. С. 78. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/portret-russia.pdf (датаобращения 02.09.2018).

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 76.

себя к коми, 38% – к удмуртам, 35% – к мордве, 29% – к чувашам, 25% – к марийцам и 20% – к татарам»¹.

Кроме того, «в программе переписи населения 2002 г. отсутствовал вопрос о родном языке, а длительный период с переписи 1989 г. наглядно отражает изменения в самоопределении населением своего родного языка – у 14 народов (не считая русских) повысилась доля лиц, назвавших своим родным языком русский язык. Самые высокие темпы роста наблюдались у казахов, у которых доля лиц, назвавших родным русский язык, повысилась в 2,4 раза, у бурят – на 61%, татар – 44%, марийцев – 40%, башкир – 37% и украинцев – 33 процента. Русский язык считают родным помимо русских большинство белорусов (83%) и украинцев (76%), около одной трети населения – среди удмуртов, мордвы и армян, а также от 21% до 29% населения – среди чувашей, казахов, марийцев, бурят и татар»².

Данная тенденция может быть объяснена ростом уровня образованности населения, в том числе, за счет высшего образования, которое воспроизводится посредством русского языка как государственного: «период 2002-2010 гг. характеризуется ростом уровня образования как городского, так и сельского населения»³. Влияние оказывает и урбанизация. Образование в деле укрепления цивилизационной безопасности России в языковом измерении играет важнейшую роль, осуществляя на современном этапе в языковом измерении определенную компенсацию убыли исторически коренного населения России.

Для оценки важно также и то, что «период между переписями населения 2010 г. и 2002 г. характеризовался продолжающимся процессом демографического старения населения России»⁴. Эта тенденция сохраняется и поныне. Также большое влияние оказали кровопролитные войны, в которых СССР и Россия участвовали в XX веке и новейшее время, что сказалось на появлении серии демографических «ям». Кроме того, сказывается и все более обостряющаяся неоднородность плотности населения по территории страны.

¹ Там же. С. 79.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 22.

Оценка статистики национального состава миграционного прироста с 1997 года говорит о всегда положительном сальдо миграционного прироста в РФ. Лидирующие позиции занимают страны СНГ (рубрика «Официальная статистика/Население/Демография», раздел «Миграция», подраздел «Международная миграция», файл по ссылке *migr2.xls* от 19 мая 2017 года)¹.

Для оценки состояния изучаемого вопроса в ближнем зарубежье приведем общие статистические данные демографии в 13 бывших республиках СССР – современных Украине, Белоруссии, Молдове, Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, Грузии, Армении, Азербайджане, странах Прибалтики². При этом отметим языковые тенденции в некоторых из них.

Украина. В период с 1990 по 2017 год численность населения Украины сократилась с 51 до 42 миллионов человек (с 2015 года – с учетом самоопределения Крыма), начав непрекращающееся ежегодное падение после 1994 года с 52 миллионов (рубрика «Статистична інформація», раздел «Населення та міграція», подраздел «Населення» (1990-2017))³. Число русских в период с 1989 по 2011 год в стране сократилось на четыре миллиона человек, а русский язык родным стало считать на 4,9 миллиона меньше⁴. Государственный язык – украинский. Русский язык с 2003 года официально считается языком национального меньшинства и подвергается подавлению.

В стране 16 июля 2019 года вступил в силу закон «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного», предполагающий использование только украинского языка почти во всех сферах общественной жизни. Есть мнение, что «большинство украинцев против предоставления русскому язы-

¹ Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 01.09.2018).

² Данные государственной статистики Туркменистана по демографии в открытом доступе не обнаружены.

³ Государственная служба статистики Украины. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua> (дата обращения: 01.08.2017).

⁴ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 49. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/russkij_yazyk.pdf (дата обращения: 01.08.2017).

ку статуса официального»¹ и «почти 70 % граждан считают родным языком украинский»².

Подобная последовательная политика имеет свои основания в деятельности некоторых украинских исторических персонажей. Так, М.С. Грушевский (1866-1934 гг.), идеолог украинства, на основании спорных авторских допущений «обосновывал» принципиальное этническое и культурное расхождение Украины и России в их истории, сформировав в околону научной форме истоки современного национализма и украиноцентризма.

Республика Беларусь. По данным национального статистического комитета Республики Беларусь, численность населения страны в период с 1996 по 2017 годы сократилась с 10,1 до 9,5 миллионов человек³. Вероятно, это связано также с и уменьшением числа русского населения в республике: с 1989 по 2009 годы оно уменьшилось почти на 500 тысяч человек⁴. С 2014 года отмечается незначительный прирост населения, позволив вернуть общую численность к отметке 2010 года⁵. Государственные языки – белорусский и русский, который фактически наиболее распространен. На 2012 год отмечался резкий рост популярности к русскому языку в стране⁶.

Республика Молдова. В период с 1989 по 2017 год численность населения страны сократилась с 4,3 до 3,5 миллиона человек (с 1998 года не учитывается население (оценочно, около 650 тысяч человек на 1998 год, из которых около 30% русские) непризнанной Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) и

¹См.: «Большинство украинцев против предоставления русскому языку статуса официального» // Зеркало недели. 2017. 22 августа. URL: https://zn.ua/UKRAINE/bolshinstvo-ukraincev-protiv-predostavleniya-russkomu-yazyku-statusa-oficialnogo-257908_.html (дата обращения: 26.08.2017).

²См.: «Почти 70 % граждан считают родным языком украинский» // Зеркало недели. 2017. 12 апреля. URL: https://zn.ua/UKRAINE/pochti-70-grazhdan-schitayut-rodnyim-yazykom-ukrainskiy-245310_.html (дата обращения 26.08.2017).

³ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/demografiya_2/g/chislennost-i-estestvennyi-prirost-naseleniya/ (дата обращения: 01.08.2017).

⁴ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 41.

⁵ Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Там же.

⁶ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 42.

города Бендеры)¹. С 1989 по 2004 год число русских без учета ПМР в стране уменьшилось на 150 тысяч человек, с 9,7 до 5,8 % населения. Родным русский язык перестали считать около 620 тысяч человек, что примерно равно численности отпавшей ПМР, численность населения которой также неуклонно снижется. К 2012 году русским языком владело менее половины населения республики, обеспечивая воспроизводство элементарных навыков в основном за счет трудовой миграции в Россию². С начала 90-х годов русский язык активно замещается румынским, молдавский язык активно румынизируется.

Республика Казахстан. Население республики Казахстан в период с 1990 по 2002 годы убывало с 16,2 до 14,8 миллионов человек, затем в результате демографического роста достигло к 2015 году уровня 17,6 миллионов человек (рубрика «Официальная статистическая информация (по отраслям)», раздел «Население», файл по ссылке «Динамика демографических показателей»)³. С 2004 по 2011 годы отмечалось положительное сальдо миграционного прироста⁴. Количество этнических русских в стране в период с 1989 по 2009 годы сократилось более чем на 2,4 миллиона человек, при этом число владеющих русским языкомросло⁵. Государственный язык в стране казахский.

Согласно указу президента Казахстана от 29 июня 2011 года № 110 «О Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы» (рубрика «Документы», раздел «Государственный язык»)⁶, развитию казахского языка придается особое значение как «главному

¹ Национальное Бюро Статистики Республики Молдова. URL: http://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/en/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice/20%20Populatia%20si%20procesele%20demografice__POP010/POP010100.px/table/tableViewLayout1/?rxid=2345d98a-890b-4459-bb1f-9b565f99b3b9 (дата обращения: 01.08.2017).

² Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 63-64.

³ Комитет по статистике министерства национальной экономики Республики Казахстан. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afrLoop=3996456501476803#%40%3F_afrLoop%3D3996456501476803%26_adf.ctrl-state%3D12v2nw443i_50 (дата обращения: 01.08.2017).

⁴ Там же.

⁵ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 83-84.

⁶ Генеральная прокуратура Республики Казахстан. URL: <http://prokuror.gov.kz/rus/dokumenty/gosudarstvennyy-yazyk/o-gosudarstvennoy-programme-razvitiya-i-funkcionirovaniya-yazykov-v> (дата обращения: 01.08.2017).

фактору духовного и национального единства»¹. При этом в качестве целевых индикаторов задано сведение доли населения, владеющего казахским языком, до 95% к 2020 году. Показатели для русского языка заданы в доле 90% к 2020 году.

При этом президентом Казахстана поручено правительству страны до конца года подготовить перевод на латиницу казахского алфавита с завершением всего процесса к 2025 году. Заявлено, что «в соответствии с современными технологиями, средой и коммуникациями, стране вновь необходим латинский вит»². Для Казахстана данное решение является долгосрочным и стратегическим: «Процесс перехода на латиницу является исторически важным для нашего народа»³.

Узбекистан. Население Узбекистана в период с 1991 по 2019 годы возросло с 20,6⁴ до 33,2 миллионов человек (файл по ссылке «Распределение населения по возрасту – Всего»)⁵. В период с 1989 по 2009 годы число этнических русских в стране уменьшилось почти в три раза⁶.

Государственный язык – узбекский. Русский язык статуса не имеет, но широко распространен. В основном, за счет сохранения навыков у трудовых мигрантов.

Кыргызская Республика. В период с 1989 по 2019 годы численность населения страны возросла на 2,2 миллиона человек почти до 6,4 миллиона (вкладка «Статистика», раздел «Оперативная информация», файл по ссылке «Численность постоянного населения Кыргызской Республики по отдельным национальностям в

¹ Там же.

² «Филолог: латиница плохо подходит для казахского языка» // РИА Новости. 2017. 12 апреля. URL: <https://ria.ru/20170412/1492096698.html> (дата обращения: 23.12.2018).

³ «Встреча с министром информации и коммуникаций Дауреном Абаевым» // Официальный сайт президента Республики Казахстан. 2018. 26 февраля. URL: http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/meetings_and_receptions/vstrecha-s-ministrom-informacii-i-kommunikacii-daurenom-abaevym-7?q=процесс%20перехода%20на%20латиницу (дата обращения: 27.02.2018).

⁴ Максакова Л.П. Качество жизни: социально-демографический аспект // Иқтисодий ва инновацион технологиялар. 2011. № 1. С. 1 URL: http://iqtisodiyot.uz/sites/default/files/maqolalar/36_L.P.Maksakova..pdf (дата обращения: 01.08.2017).

⁵ Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. URL: <https://stat.uz/ru/otkrytye-dannye> (дата обращения: 03.10.2019).

⁶ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 121.

2009-2019 гг.»¹. По некоторым данным, численность этнических русских с 1989 по 2012 года сократилась в 2,4 раза или более чем на 500 тысяч человек². Русский язык к 2009 году перестало считать более 600 тысяч человек, а доля признающих родными киргизский и узбекский существенно возросла³. На 2019 год доля русских, украинцев и белорусов в стране оценивается около 5,6% (в 2012 году около 7,2%) (файл по ссылке, там же)⁴. Русский язык в стране имеет статус официального, не государственного.

Таджикистан. В период с 1989 по 2010 год численность русских уменьшилась почти в 10 раз⁵, что по своей динамике напоминает массовый исход.

Азербайджан. Численность русских в стране в период с 1989 по 2010 год сократилась более чем в три раза⁶. В 2009 году число владеющих русским языком оценивалось в доле 7,6% от населения страны⁷.

Армения. Доля русских в населении страны сократилась с 1,6% до 0,2% в период с 1989 по 2011 годы⁸. По другим данным, суммарное число русских и украинцев в стране на 2011 год определялось в доле 0,43 % от всего населения, при этом свободно владело русским языком более половины жителей⁹.

Грузия. За 20 лет численность этнических русских в стране сократилась почти в семь раз. Русский язык – иностранный¹⁰.

Страны Прибалтики. Отношение к русскоязычному населению в Прибалтике, особенно в Латвии и Эстонии, имеет много сходств с политикой апартеида¹¹,

¹ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 03.10.2019).

² Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 98.

³ Там же.

⁴ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 03.10.2019).

⁵ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 135.

⁶ Там же. С. 156.

⁷ The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: <https://www.stat.gov.az/source/demography/?lang=en> (дата обращения: 12.07.2018).

⁸ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 165.

⁹ Статистический комитет Республики Армения. URL: <https://www.armstat.am/file/doc/99484893.pdf> (дата обращения: 12.11.2018).

¹⁰ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012.

¹¹ См., например: Бекман Й. Геополитика в фальсификации истории Второй мировой войны // Обозреватель. 2010. № 4. С. 42-56.

характеризуется последовательным подавлением русского языка и поражением в политических правах русскоязычного населения в этих странах.

В *Литве* в период с 1989 по 2011 годы численность этнических русских уменьшилась вдвое, по состоянию на 2012 год русским языком владели около одной двадцатой населения, и это число снижается¹. Русский язык в стране – язык национального меньшинства при значительной доле русскоязычного населения в стране. Государственный язык – литовский.

В *Эстонии* в период с 1989 по 2012 годы численность русских снизилась более чем на 130 тысяч человек, при убыли численности населения страны более чем на 220 тысяч. Статус русского языка понижен до иностранного². В 2011 году в Эстонии вступил в силу «Закон о языке», установивший в качестве единственного государственного эстонский язык. При этом на 2019 год доля русских, украинцев и белорусов от населения страны составляет более 27%³.

В *Латвии* в период с 1989 по 2011 численность русских уменьшилась почти на 350 тысяч человек при общей убыли населения около 600 тысяч. На 2017 год доля русских от населения страны составила 60,8%⁴. Русский язык является иностранным и политически подвергается подавлению. Еще в 2000 году в Латвии вступил в силу ныне действующий «Закон о государственном языке», устанавливающий в качестве государственного единственный язык – латышский.

В целом, по мнению авторов публикации «Русский мир в цифрах на постсоветском пространстве», в результате распада СССР за вновь образовавшейся границей одномоментно оказалось около 25 миллионов русских. Впоследствии «за счет старения, ассимиляции и отъезда (преимущественно в Россию) численность русских в ближнем зарубежье сократилась ориентировочно до 16 млн., а в дальнем – выросла до 10 млн. (статистика по дальнему зарубежью довольно умозри-

¹ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 203-204.

² Там же. С. 214-215.

³ Statistics Estonia. URL: <https://www.stat.ee/34278> (дата обращения: 03.10.2019).

⁴ Central Statistical Bureau of Latvia. URL: <https://www.csb.gov.lv/en/statistics/statistics-by-theme/population/characteristics/key-indicator/indicators-characterising-languages-used> (дата обращения: 05.11.2018).

тельная)»¹. Снижается и так недостаточное количество русских школ и мест преподавания на русском языке в бывших республиках СССР².

Таким образом, открывается наглядная картина отмечающейся тенденции по неуклонной убыли и замещению славянского населения – как в России, так и почти на всем постсоветском пространстве, при этом русский язык также существенно теряет распространенность в бывших республиках СССР. Хотя «кавалерийская атака»³ против русского языка начала 90-х годов на постсоветском пространстве и захлебнулась, вектор негативной тенденции «противостояния алфавитов» просматривается налицо.

Переходя к вопросу распространенности русского языка в мире, следует отметить авторские критерии О.Б. Януш по «международности» языка на основании возможностей его социума-носителя⁴:

- «численная сила»;
- «экономическая сила»;
- политическая влияние;
- культурная влияние.

Возможности по этим критериям усиливают, по мнению автора, *виртуальные способности языка*, преодолевшие его этногеографические свойства.

Недостаточная языковая политика на пространстве СНГ, сопровождаемая постепенной утратой русским языком его международного значения, определяет, по мнению автора, внешнюю языковую политику России как *нескоординированную* и *недофинансируемую*, но при этом заинтересованную и активную. В глобальном же языковом порядке считается необходимым сохранить соразмерную роль рус-

¹ «Русский мир в цифрах на постсоветском пространстве» // Русский объединительный союз соотечественников в Кыргызстане. URL: http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5607:2015-12-27-01-54-45&catid=84:2012-12-02-23-13-33&Itemid=63 (дата обращения: 17.11.2018).

² Там же.

³ Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917 – 2000. Социоллингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 196.

⁴ См.: Януш О.Б. Языковой фактор межгосударственной интеграции: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань, 2006. 24 с.

ского языка наряду с английским, французским, немецким, арабским, китайским и испанским.

Мнения по распространенности и статусу русского языка в дальнем зарубежье, преимущественно, совпадают. Так, А.В. Воронцов пишет в 2011 году: «После распада СССР русский язык тотчас же потерял статус государственного для более чем 130 млн человек (бывших республик Союза) и охватывает (как государственный) всего лишь чуть более 140 млн человек – граждан России. Идет глобальное наступление на русский язык. <...> По имеющимся прогнозам, через 10 лет число не владеющих русским языком в странах ближнего зарубежья увеличится почти в 2 раза (т. е. примерно до 80 млн. человек) и превысит число в той или иной мере владеющих русским (60 млн чел.)¹». За рубежом русский язык в русскоговорящих семьях все чаще используется в формах полилингвизма².

Что касается общей картины распространенности русского языка в мире, включая дальнее зарубежье, то, например, у А.Л. Арефьева она несет в себе негативный прогноз: «Прогноз дальнейшей судьбы русского языка в мире неблагоприятен. <...> На протяжении последующих 75 лет число знающих русский язык (активно или пассивно им владеющих) увеличилось более чем в два раза – примерно до 312 миллионов человек, причем 265 миллионов из них проживали в стране, где русский был государственным языком и для большей части ее жителей являлся родным. Еще свыше 53 миллионов человек (преимущественно в союзных СССР восточно-европейских, балканских и ряде азиатских стран) в той или иной мере знали русский язык. Через 14 лет после распада СССР, в 2004 году число владеющих в различной степени русским языком сократилось до 278 миллионов человек, в том числе в самой Российской Федерации – до 138 миллионов человек. В настоящее время³ общее число владеющих русским языком в мире

¹ Воронцов А.В. Русский язык в современном мире: выступление перед участниками международного семинара для учителей ближнего зарубежья «Русский язык: языковая ситуация и речевая культура» 21 марта 2011 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-yazyk-v-sovremenno-mire> (дата обращения: 05.08.2017).

² См., например: Мадден Е. Наши трехязычные дети. СПб, 2008. 308 с.

³ По состоянию на 2012 год.

уменьшилось еще на 17,2 миллионов человек и составляет оценочно более 260 миллионов человек»¹.

Итоговая картина тревожна: «У русского языка есть большой внутренний потенциал для дальнейшего развития и богатое культурное наследие. Тем не менее русский является единственным из 10-12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 20 лет неуклонно утрачивал свои позиции во всех основных регионах мира, в том числе в странах дальнего зарубежья...»².

Русский язык. Примеров экспансионистского влияния одних культур на другие с отражением в языке в истории достаточно. В истории это нашло отражение в языках и диалектах межкультурного и межнационального (надрегионального) общения.

Здесь, прежде всего, следует отметить древнегреческий *койне*³ (аттический диалект), возникший в эпоху эллинизма империи Александра Македонского. Тем самым койне представлял собой *язык образовавшейся суперкультуры* под воздействием эллинской культуры-экспансионера. В этом смысле русский язык также можно полагать вариантом койне на постсоветском пространстве.

В средневековом Средиземноморье в результате массовых перемещений народов сформировался надрегиональный язык *лингва франка* (от итал. *Lingua franca* – «франкский язык») (другое название – сабир)⁴. Отличием лингва франка от койне можно считать разность их влияния на культуру: первый менее укоренен в культурах использующих его народов, нежели второй. Лингва франка считается, в больше мере, инструментом торговли, но именно этот этап знаменует начало языковой формы, которая может обрести и культурное выражение. Специалисты часто койне относят к родовой категории вариантов лингва франка.

К категории лингва франка относятся и *пиджины*. Пиджин (от англ. «*pidgin*», искаженное от «*business*», «дело») представляет собой вариант существенного упрощения, как правило, одного из неродных для всех употребляющих его сооб-

¹ Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М., 2012. С. 430.

² Там же. С. 431.

³ См.: Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 230.

⁴ Там же. С. 267.

ществ языков, ставшего в этом виде средством межэтнического общения. В этом смысле пиджин жаргонизирован и представляет собой средство сугубо практической коммуникации. В качестве примера пиджина можно привести в числе многих начальную стадию генезиса английского языка, сформировавшуюся при смешении саксонского, древнескандинавского, англо-нормандского, французского и других языков. Впоследствии из пиджина возник креольский язык, известный нам как английский.

*Креольские языки*¹ (от исп. «*criollo*», производная от «*criar*» – «выращивать») представляют собой ступень эволюции пиджина, на которой происходит объединение этнически смешанного населения с формированием самостоятельного языка на основе базисного языка-лексификатора, став для какого-либо поколения родным. Возможно и явление «декреолизации», под чем понимается полная адаптация креольского языка к модели языка-лексификатора.

Итак, под культурным влиянием какой-либо внешней языковой традиции на уровне лингва франка происходит закрепление примитивных пиджинов в самобытных культурах, которые при длительности их употребления могут становиться креольскими языками, которые, в свою очередь, способны декреолизировать к первоначальной идентичности языка-лексификатора.

Вариантом образованного под воздействием двух языков является смешанный язык при владении обоими языками-первоисточниками для контактирующих общностей. Например, таковым можно признать суржик на Украине.

В результате все более широкого распространения английского языка в России и мире, закрепления слэнгирования и двуязычия², прогнозирование появления комплементарных англо-ориентированных языков достаточно вероятно. При этом могут отмечаться интерференция, смешение и компарация кодов, диглоссия и другие лингвистические процессы.

¹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 245.

² Например, в Европе уже закрепилось такое языковое новообразование как *денглиши* (*denglisch*), образованное сочетанием из «*deutsch*», немецкий, и «*englisch*», английский. Похожие процессы можно отметить в современной России в молодежной среде или, например, в сфере рынка и финансов, информационных технологий и т.п.

Следует также отметить, что исторически возможны и ситуации эпохального языкового размежевания (расхождения), как в случае, в литературе обозначенном как изоглосса «*кентум-сатем*»¹, когда в результате фонетических эволюционных изменений в семье индоевропейских языков, теоретически, произошло разделение на языковые полюса «запад» («кентум») и восток («сатем»).

В синхроническом разрезе языка исследуемый нами вопрос в науке имеет прямое отношение к направлению языкознания, называемому *эколингвистикой*² (другие родственные, но не тождественные между собой названия – *экология языка*³, *лингвоэкология*⁴). В рамках ее полагается, что язык как порождающая природа нуждается в определенных ограничениях в воздействиях на него.

Нормы языка изучаются *ортологией*, которая на современном этапе, по мнению Е.С. Гриценко, критерии правильности должна определять, исходя из конкретных коммуникативных условий, подразумевая отход от отвлеченных от речи нормативных образцов⁵.

Деструктивные изменения по отношению к русскому языковому мировосприятию как матрице цивилизации можно полагать обусловленными несколькими факторами:

- 1) мировой культурно-лингвистической экспансией англо-ориентированной языковой традиции и транслируемых ей ценностей;
- 2) становлением глобального информационного пространства с формированием коммуникативной уникальности на основе английского языка;
- 3) капитализацией и индустриализацией культурных и духовных сфер человеческого бытия с переориентацией в товар и языка, вступившего в конкуренцию на «рынке языков»;
- 4) внутренним ослаблением самобытной языковой культуры и убылью числа ее носителей.

¹ См., например: Григорьева Ю. Б. Современные научные воззрения на происхождение некоторых индоевропейских языков // Вестник МГЛУ. 2014. № 25 (711). С. 30-42.

² См.: Грицко М.И. Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. № 3(9). Т. 1. С. 67.

³ См.: Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010. С. 463.

⁴ См.: там же. С. 182.

⁵ Гриценко Е.С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть. 2011. № 11. С. 11.

Первые три фактора можно объединить под общей тенденцией вестернизации и капитализации мирового культурного калейдоскопа, создающей условия для закрепления языкового неравенства в пользу английского языка.

Современная культура пребывает в условиях всепроникающего влияния моды через масс-медиа. Мода (от лат. *«modus»* – «мера», «способ», «правило») проявляется отношением индивида к определенным знаковым проявлениям культуры. Масс-медиа делают моду intersубъективной¹ с возможным переходом от эксклюзивного значения к паразитарной форме общественного сознания.

Когда-то А. Грамши предложил понятие – «культурная гегемония»², в настоящее же время к «гегемонии» становится более применимым «уникультурная», «обескультуренная». Культурная гегемония укоренена за счет «надзора» традиции. Гегемония уникультурная развивается за счет индустриализации духовных сфер человеческого бытия, поскольку капитал при стремлении к прибыли и расширению сферы влияния унифицирует культурные особенности рынка, а также за счет глобальной информатизации культурного пространства под единой платформой «пространства сознаний». Уникультурные технологии все более вытесняют естественные основания цивилизации.

Ответ глобальным изменениям в русском языке как бы подразумевается со стороны языковой элиты – «представителей элитарного типа речевой культуры»³ (политиков, писателей, ученых). Однако «исходя из потребностей дескриптивного описания можно определить массовую культуру русской речи как элементы дискурсивных практик, принимаемые большинством (вне зависимости от уровня образования) как норма»⁴. За счет глобального свойства коммуникаций происходит усреднение языковой культуры с равнением на «отстающих», воспринимае-

¹ Интерсубъективизация подразумевает и анонимизацию. Авторство всяких новых «достижений» языковой вирус-культуры зачастую утрачивается.

² Грамши А. Искусство и политика. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/16283/Gramshi_-_Iskusstvo_i_politika.html (датаобращения 19.08.2017).

³ Иссерс О.С. Массовая речевая культура как феномен современной коммуникации: в поисках речевого идеала // Экология языка и речи: материалы V Международной научной конференции (3-5 ноября 2016 года). Тамбов, 2016. С. 353.

⁴ Там же. С. 354.

мых «креативами», при этом наиболее подверженными влиянию иноязычья как точка доступа для проникновения вирус-культур в массы.

Сниженные слои лексики проникают в государственные институты, СМИ, формируя явление *коллоквиализации* (термин К. Гудтшмидта), поскольку «эти параметры (уровень образования, профессия, статус), как представляется, имеют меньший удельный вес, чем широкая употребительность ("массовость"). Более того, они в данном подходе, скорее всего, должны нивелироваться: популярность тех или иных речевых норм и коммуникативных стереотипов предполагает, что это нравится всем либо употребляется всеми – независимо от статуса и уровня образования»¹.

Представители элитарного типа речевой культуры, так или иначе, вовлечены в процесс коллоквиализации. Поэтому инициативные охранительные меры в языковых процессах со стороны элиты в системе «вызов-ответ» малоэффективны (с учетом интерсубъективного характера массовой культуры, когда трудно призвать кого-то лично назвать инициатором деструктивных изменений). В парадигме постнеклассической науки ответная реакция в языковом отношении должна осуществляться в режиме «энергетических уколов», вызывающих бифуркации с целью качественной перестройки «системы».

И в художественной литературе обнаруживаются гиперболизированные сюжеты негативных изменений в языке. В романе-антиутопии Т.Н. Толстой «Кысь» (2000 г.) человечество, как и природа, пережило ядерную войну, мутировало, утратив культуру и утратив ценностно-смысловую ориентацию языка. И только «прежние», родившиеся «до» и пережившие это, хранят прежнюю культуру и безуспешно стараются передать ее нынешним. С.В. Белоусова² считает, что в романе «Кысь» показано интеллектуальное вырождение людей.

Иной сюжет показан английским писателем Д. Оруэллом в романе-антиутопии «1984» (1949 г.). В этом произведении жизнь людей проникнута гос-

¹ Там же. С. 353.

² Белоусова С.В. Роль словообразовательных окказионализмов в объективации индивидуально-авторской картины мира (на примере романа Т. Толстой «Кысь») // Экология языка и речи: материалы V Международной научной конференции (3-5 ноября 2016 года). Тамбов, 2016. С. 321-325.

ударственной идеологией, все в стране находится под неусыпным наблюдением тоталитарной Системы, которой директивно внедрен синтетический язык – новояз, основанный на языковых упрощениях и новых уродливых словах. Оригинальна в романе также идея двоемыслия, сочетающая в себе взаимоисключающие понятия и смыслы.

В романе-антиутопии В.О. Пелевина «S.N.U.F.F.» (2011 г.), саркастически названным автором «романом-утопией», в отсталом государстве Уркаина (Уркаинском Уркаганате), населенном «орками», государственным языком является «верхне-среднесибирский». Над Уркаиной довлеет продвинутое государство («демократура») Бизантиум, в котором разговаривают на «церковноанглийском» языке.

Идею уродующих языковых искажений использовал и В.Н. Войнович в романе-антиутопии «Москва 2042» (1986 г.). В данном произведении новояз основан на откровенно глупых словообразованиях, что роднит его с «Историей одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина (1869-1870 гг.). Мотивы уродующих директивных преобразований в языке отмечаются в произведениях А. Рэнд.

Сюжеты в литературе возникают не на пустом месте. Е.В. Бодрова пишет: «В последние десятилетия политические и социальные процессы, происходящие в России, привели к экологическому кризису языка: оскудению словарного запаса, пренебрежению этикетом и культурой речи носителей языка, загрязнению языка средств массовой коммуникации. Между тем, язык – это зеркало народного сознания, отражение стиля жизни и мышления народа»¹.

Можно вспомнить гипотезу *лингвистического релятивизма* Сепира-Уорфа, предполагающей влияние структуры языка на мировосприятие и характер познавательных возможностей его носителей.

По большому счету, не существует «шкалы» измерения состояния русского языка, язык – стихия живая, изменчивая и развивающаяся. Поэтому дать однозначную оценку происходящих процессов бывает затруднительно, четко указав

¹ Бодрова Е.В. К вопросу об антропонимическом концепте в художественном произведении с точки зрения эколингвистики // Экология языка и речи: материалы V Международной научной конференции (3-5 ноября 2016 года). Тамбов, 2016. С. 269

на то, где происходящее должно быть оценено однозначно «хорошо» или «плохо». Однако, поскольку язык представляет собой одно из измерений состояния общественного сознания и бытия, поэтому в связи с оценкой процессов в других сферах общества становится возможным выносить оценочные суждения.

Экологические злоупотребления человеком в природе приводят к необратимым изменениям в ней. Если мы говорим об экологии языка, то впору говорить и о языковых «болезнях». В.Д. Ирзабеков использует словосочетание «лингвистический рак»¹. При этом он пишет: «В нашем языке удивительным образом запечатлена высокая миссия русской нации»².

Отчуждение исторических носителей русского языка от его ценностно-смысловой и грамматической структуры означает отчуждение их от собственной цивилизации, то есть выдает признак *социальной диссоциации*, что, оценочно, сейчас наблюдается в российской цивилизации. Если это имеет место в случае целенаправленного внешнего воздействия, то уместно говорить о *вооруженном захвате сфер культурного влияния («мягкой силе»*³, по Дж. Наю). Ф.С. Фролов вводит понятие – *культурно-лингвистическая экспансия (КЛЭ)*⁴.

Захват сферы влияния в дальнейшем подразумевает переориентацию политического курса, экономики и т.п. в интересах воздействующей стороны, иными словами, принося заказчику материально ощутимые результаты. Этим характеризуется *организационное оружие*, «одно из основных условий применения» которого – *«замена системы базовых ценностей государства-мишени ценностями государства-инициатора как самыми перспективными»*⁵ (курсив автора – Л.З.).

¹ Ирзабеков В.Д. Взломанный код. М., 2014. С. 14.

² Ирзабеков В.Д. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М., 2013. С. 25.

³ См.: Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 192 p.

⁴ См.: Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия как угроза национальной безопасности России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. 35 с.

⁵ Овчинский В.С., Сундиев И.Ю. Организационное оружие: функциональный генезис и система технологий XXI века (доклад Изборскому клубу). URL: <https://izborsk-club.ru/1466> (дата обращения 26.08.2017).

Профессор А.И. Горячев формулирует ряд тенденций культурной и языковой экспансии Запада: перенесение на нашу культуру западных образа жизни и потребительских ориентаций, насаждение западной культуры как универсальной и одностороннюю организацию потока информации от внешних индустрий развлечений и коммуникации к аудиториям стран-потребителей¹.

А.А. Мельникова делает акцент на преимуществе изучения языкового кодирования мира перед изменениями в правилах языка, говоря о формировании русского «единого суперэтнуса с соответствующими признаками общности»: «Причины этого коренятся, по всей видимости, в истории нашего государства, на территории которого не только проживали бок о бок разные национальности, но и происходил процесс ассимиляции, в результате которого племена и расы, влившись за тысячелетия в состав Руси, не только переживали общую с русскими историю, но и вырабатывали единые смыслы русского жизненного пространства. <...>...понимание специфики языкового кодирования мира (в особенности изучение его синтаксического строя) дает возможность гораздо глубже исследовать культурные установки, чем непосредственный анализ культурных проявлений...»².

Различные исследователи говорят о языковой картине мира³, определяющей конкретный этнос. Не столько национальность определяет язык, сколько язык выражает национальность и целый народ. Если критерий различия цивилизаций кроется в мировоззрении, то русский язык как одно из оснований цивилизации представляет собой мировоззренческий инструмент. Исходя из определения мировоззрения⁴ видно, что оно показывает связь этико-аксиологического базиса общества с его мировоззренческими установками.

¹ Горячев А.И. Русский язык как объект духовной экспансии Запада // Столкновение цивилизаций в языковом пространстве: вызовы современности: материалы межвузовской научно-практической конференции / под общ. ред. М.М. Курочки, М.В. Масловой. М., 2017. С. 47.

² Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб, 2003. С. 112-113.

³ См., например: Марусенко М.А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности / М.А. Марусенко. М., 2015. 575 с.

⁴ Новая философская энциклопедия: в 4 т. / научно-ред. совет: предс. В.С. Степин. Т. 2. М., 2010. С. 578.

К.-О. Апель выделяет принципиальную значимость этико-аксиологических ориентиров в языке в результате коммуникативной ситуации¹. Именно общественная природа языка как коммуникативного инструмента определяет его как нормативный индикатор, так и регулятор. Цивилизация как общественный тип в отношении языка утверждает в нем ценностные установки наиболее высокого – мировоззренческого – уровня. Вырождение языка приводит к разрознению цивилизации.

Проблематика культурно-лингвистической экспансии, которая, по сути, является политически активной формой достижения культурной гегемонии, впервые откровенно была освещена британским лингвистом Р. Филлипсоном в своем труде «Языковой империализм»². Впрочем, еще в 1901 году американский писатель Уильям Стивд (William Stead) опубликовал работу с красноречивым названием «Американизация мира» («The Americanization of the World»)³.

В современном постиндустриальном глобализованном обществе⁴ под влиянием западного «воинствующего монетаризма»⁵ товарные отношения оформились во всех сферах человеческого бытия. В сфере культуры в процессе «отоваривания» четко обозначились индустриальные сегменты человеческого творчества и мировосприятия: индустрия кино, литературы, моды, юмора, спорта, религии и т.п. Утвердились такие понятия как «человеческий капитал», «экономика знаний». «Образование-как-услуга» становится реальностью. Рыночное отношение к задачам современного образования не скрывается: «...главное – *взрастить по-*

¹ См. подробно: Апель К.-О. Трансформация философии. М., 2001. 344 с.

² См.: Phillipson R. Linguistic Imperialism. New York: Oxford University Press, 1992. 190 p.

³ См.: Stead W. The Americanization of the World. New York; London: Horace Markley, 1901. 492 p.

⁴ Даже менее развитые общества, так или иначе, пронизаны глобальными информационными и торговыми связями, что делает их отличными частями, но все же единой человеческой цивилизации, устойчиво идущей по общему постиндустриальному пути.

⁵ См.: Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России (Опыт метаисторического исследования). В 4 частях. Часть II. Русский космизм в контексте противоречий мирового развития, обусловленных господством западной цивилизации. М., 2001. 480 с.

требителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные *другими*»¹ (курсив мой – Л.З.).

Следует сказать, что рыночные принципы несут в себе риски, кризисы и целый букет тупиковых состояний, порождаемых верховенством принципа прибыльности². Рыночное положение образования и науки входит в противоречие с присущими им нормами и ценностями, деструктивно влияя на них.

В указанном смысле и *индустрия языка* приобрела отчетливые очертания. В настоящее время лидирующие позиции на мировом уровне занимает английский язык, что сопровождается и развитием рынка услуг по его распространению. Английский язык в результате маркетинговой политики международного масштаба спозиционирован как *статусный товар*, став одним из основных продуктов (услуг) для достижения успешности в обществе, неотъемлемой частью капитализации человека. Невладение английским как статусным продуктом, открывающим двери в глобальную коммуникацию, в современном обществе трактуется как признак образовательной некомпетентности³.

В целом, сведенные воедино в цивилизационном масштабе, индустриальные кластеры духовного бытия представляют собой стороны (или товары-комплименты) коммерческого продукта, известного как «образ жизни». Иными словами, *экспорт образа жизни, ценностей* интегрально характеризует цели и

¹ Мазурова Л.А. Потребитель нынче в дефиците? // Литературная газета. 2007. № 32 (6132). URL: http://lgz.ru/article/N32--6132---8-08-2007-/Potrebityely-nyynche-v-defitsite_1154/?sphrase_id=28615 (дата обращения: 02.02.2019).

² См.: Хагуров Т.А. Образование между служением и услугой // Образовательные технологии. 2011. № 2. С. 3-15.

³ «Английский язык стал безраздельно господствующим в сфере науки, особенно в точных и естественных науках. Организаторы международных научных конгрессов фактически отказались от услуг синхронных переводчиков. Интересная деталь: рабочим языком ежегодной московской школы физиков, проводимой Физическим институтом Академии Наук, является английский, хотя для большинства ее участников он не является родным языком. Аналогичный процесс происходит в международном бизнесе... <...> Английский в обязательном порядке используется в управлении воздушным движением, практически безальтернативно – в сфере путешествий и туризма, он доминирует в Интернете, дает подавляющую часть терминологии и сокращений, используемых в банковском бизнесе, в технике, в частности компьютерной, в сфере связи» (Палажченко П.Р. Диалог цивилизаций в языковом пространстве // Диалог цивилизаций. Повестка дня. М., 2005. С. 120-121).

средства, в том числе, и культурно-лингвистической экспансии¹ с утверждением языковой исключительности и устойчивой *языковой модой* на англицизмы, что получило название *вестернизации* культуры. Экспансия образа жизни приводит к переориентации ценностей других культур и цивилизаций, сопровождающейся переориентацией и практических интересов в сторону, выгодную для эмитента образа жизни. Истожаемая навязанными стереотипами чужого мировоззрения самобытная культура и порожденная ею цивилизация выступают в роли донора.

Такой вывод в полной мере соотносится с тематикой *консциентального* противоборства (термин Ю.В. Крупнова и Ю.В. Громыко, В.К. Потехин разработал концепцию²), которое на цивилизационном уровне имеет источником фундаментальную *мировоззренческую коллизию* (от лат. «*collisio*» – столкновение). Консциентальный компонент³, в той или иной степени, выступает неотъемлемой частью современного понимания концепции *гибридной войны*⁴.

Е.В. Осипова в коллективной монографии «Духовное измерение современной политики» считает, что «России нет надобности вступать в "американо-

¹ «Пока Америке противостояли на мировой арене национальные мыслители, политические лидеры и полководцы, мир казался иррациональным, ускользающим от калькуляции, полным сюрпризов. Но когда указанные персонажи вытесняются товаровладельцами, продающими свой интеллект, способность влиять на исход переговоров или исход сражений, тогда мир сразу принимает узнаваемый рыночный облик, становится предсказуемым и подвластным» (Петрий П.В., Латышева Н.А. Культурно-символическое пространство современной России: к проблеме сохранения // Вестник Екатеринбургского института. Педагогические науки. 2014. №4 (28). С. 17).

² «Под консциентальной войной автор понимает войну психологическую по форме, цивилизационную по содержанию и информационную по средствам, в которой объектом разрушения и преобразования являются ценностные установки народонаселения противника, в результате чего первичные цели заменяются вторичными, третичными и более низкими, приземного уровня, с несколько увеличивающейся вероятностью их достижения, причем эта вероятность, за счет экономических и других материальных рычагов воздействия варьируется таким образом, что достижение заменяющих целей воспринимается человеком как его благо» (Потехин В.К. Современные войны и национальная безопасность России // Кому будет принадлежать консциентальное оружие в XXI веке? М., 1997. С. 69-87. URL: http://svitk.ru/004_book_book/17b/3777_potehin-sovremennye_voyni.php (датаобращения: 21.10.2017)).

³ М.В. Маслова определяет консциентальную войну как один из видов родового понятия *гуманитарная война*, среди которых называются также преэмптивная война, «демонтаж народа», «культурная война» (Маслова М.В. Гуманитарная безопасность современного российского общества: содержание, риски и направления развития: автореф дис. ...канд. филос. наук. М., 2013. С. 13).

⁴ См., например: Бартош А.А. Стратегия и контрстратегия гибридной войны // Военная мысль. 2018. № 10. С. 5-20.

европейскую", "европейскую" или "азиатскую" цивилизации, становиться на позицию западников или почвенников, двигаться "назад" к социализму или "вперед" к капитализму. Нельзя продолжать разрушение своей тысячелетней государственности, своих социальных институтов, своей культуры, своих национальных ценностей»¹. Тем самым автор показывает разрушительное влияние навязываемого чуждого мировоззрения на российскую цивилизацию, учитывая то, что современный западный образ жизни находится в глубочайшем кризисе² (дилемма «иметь или быть» Э. Фромма³).

В.Н. Лексин мыслит в том же направлении: «...цивилизационное сообщество живет до тех пор, пока оно не выходит за пределы "круга" *своего* языка, и то, что оно перерождается, теряя *свой* язык», «цивилизационное сообщество существует до тех пор, пока его главные основания – язык, отношение людей к фундаментальным ценностям, ментальность, религиозное чувство – сохраняют свою особость и находятся в относительной гармонии. *И самое постоянное среди этих оснований – язык*»⁴ (курсив автора – Л.З.).

О.В. Ситникова так оценивает современное состояние ценностно-смысловой ориентации современного русского языка: «В языковом сознании современных носителей русского языка многие словесные единицы исследуемой группы представляются или семантически опустошенными, или семантически деформированными, что свидетельствует о процессах разрушения морально-нравственных представлений, свойственных русской духовной культуре»⁵. Автор основывается на том, что «трансформации в образе жизни русского народа, в смене жизненных стереотипов, приоритетов и морально-нравственных представлений находят свое отражение в языке»⁶.

¹ Духовное измерение современной политики / отв. ред. В.Н. Шевченко. М., 2003. С. 124-125.

² Там же.

³ См.: Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? / Эрих Фромм. М., 2009. 448 с.

⁴ Лексин В.Н. Языковая репрезентация русской цивилизации // Мир России. 2014. № 2. С. 8.

⁵ Ситникова О.В. Лексика морально-нравственного содержания в русском языке новейшего периода и ее отражение в языковом сознании современных носителей русского языка: автореф дис. ...канд. филолог. наук. Воронеж, 2009. С. 7.

⁶ Там же. С. 5.

Язык изменчив и текуч, в чем заключается его естественное развитие, его бытие. Но *темпы и направленность изменений* в русском языке для специалистов свидетельствуют об их негативной характеристике: «...ненормально высокие темпы понижения литературного канона в современной русской речи свидетельствуют о том, что мы теряем наши духовные наследственные факторы, хранящиеся в языке. Из него уходят традиционно присущие русскому сознанию нравственные идеалы; исконные предпочтения русского менталитета оказываются вытесненными другими духовными приоритетами...»¹.

Существуют и более нейтральные оценки. Например, О.Б. Сиротинина так определяет наиболее вероятные внутренние тенденции развития русского языка²:

- пополнение лексикона русского языка путем словообразования, развития новых значений и коннотаций;
- усиление процессов метафоризации и метонимизации, десемантизации и наращения смыслов;
- изменения в системе языка с переходом из реального пространства в концептуальное, контактное и ассоциативное;
- овладение принципами кодифицируемости и некодифицируемости;
- продолжение отхода от прежних различительных возможностей русского языка.

Также среди прочих автор приводит и возможные направления изменений в русском языке³: рост заимствований из английского языка, определение границ общенной лексики в перспективе и развитие новояза.

И.А. Стернин выделил основные процессы, являющиеся последствиями смены коммуникативной парадигмы в российском обществе: орализация, диалогизация, плюрализация, персонификация общения⁴. При этом автор заключает, что «указанные процессы оказывают определяющее воздействие на процессы разви-

¹ Сенько Е.В. Иноязычные слова как механизм изменения национальной ментальности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 10 (52). Часть 3. С. 90.

² Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О.Б. Сиротинина. Саратов, 2013. С. 105-106.

³ Там же. С. 107-108.

⁴ Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж, 2004. С. 87.

тия русского языка и приводят к многочисленным частным следствиям и изменениям. Характеризуя с этой точки зрения систему русского языка в целом, можно констатировать, что она претерпевает в ряде аспектов существенные количественные, качественные и функциональные изменения, однако не испытывает каких-либо революционных изменений (тем более ведущих к ее разрушению или распаду), сохраняя системную и структурную целостность, устойчивый характер функционирования и внутреннюю идентичность»¹.

Рассматривая отношение к русскому языку в настоящее время, видно невооруженным глазом, что коренные языковые традиции российской цивилизации в реальности слабо защищены от вседозволенности. Ведь «...понятие языковой безопасности связано с тенденцией к ослаблению пуристического, запретительного начала нормативных установлений и оценок»².

Е.А. Маковецкий обосновывает подражательный характер культуры, считая его одним из основных принципов социокультурной идентификации, «антропологическим принципом культуры», поскольку подражание оправдывает поступок, снимая с человека ответственность за совершенный «по образцу» выбор и достигая тем самым «терапии человеческой свободы». Особенно интересно, что автором подражание характеризуется в качестве базовой стратегии в деятельности по сохранению культурного наследия³.

Крайние тенденции в культурной подражательности общества можно определить следующим образом:

- 1) *подстраивающая для себя*, наиболее активная форма которой раскрывается в экспансионизме вовне собственной культуры;
- 2) *перестраивающая себя (перестраиваемая извне)*, представляющая собой угасание, деградацию, постепенное поглощение чужеродной культурой.

¹ Там же.

² Гриценко Е.С. Язык и безопасность в контексте глобализации // Власть. 2011. №11. С. 11.

³ См. подробно: Маковецкий Е.А. Феномен подражания в культуре: концептуальные и исторические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Санкт-Петербург, 2012. 46 с.

Приведенные положения согласуются с позицией В.М. Алпатова, который выделяет две естественные, но противоположные потребности в языковой политике: *потребность идентичности* и *потребность взаимопонимания*¹.

Масштабное закрепление экспансивной языковой традиции происходит в условиях отмечаемой «деградации массового исторического сознания россиян»² при озвучивании зачастую ложных (псевдонаучных, «экспертных» в медиа) и сфальсифицированных исторических трактовок, поскольку за счет медиа «коммуникативная память»³ вытесняет культурную. Наряду с социальной диссоциацией, исследователи отмечают и *социокультурную деградацию*⁴. Н.Я. Данилевский писал еще в XIX веке: «За потерей первого⁵ и является необходимо это механическое и мертвое заместительное органического и живого. Такое и было найдено в договоре, то есть в воплощении взаимного недоверия»⁶.

Доверие к чуждым ценностям возникает на фоне недоверия к собственной традиции, так как культура не может существовать без подражания. Недоверие обнаруживают различные очевидные признаки и социального отчуждения: бюрократизм, тотальный контроль, избыточная фиксация обязательств, тотальное недоверие в обществе. В условиях тотального недоверия возникает необходимость в арбитраже, третейском судействе, независимых (сторонних) гарантиях: «Это начало гарантий, вытекающее из договора, и составляет новый, так сказать, протестантский политический идеал, известный под именем конституционализма»⁷.

¹ Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17). Филология. С. 8.

² Бесков А.А. Деградация массового исторического сознания россиян как угроза национальной безопасности: причины, тенденции, пути преодоления // Политика и общество. 2016. №. 4(136). С. 466-479.

³ Там же. С. 474.

⁴ См., например: Хоружая С.В. Социокультурная деградация (социологический анализ): автореф. дис. ...канд. социол. наук. Краснодар, 2003. 26 с.

⁵ То есть «живого и органического», по Н.Я. Данилевскому (Данилевский Н.Я. Россия и Европа / отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 644).

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 645.

Определенно, недоверие отчетливо проявляется как между людьми, социальными группами, в отношении социальных институтов¹.

В условиях закрепившегося климата взаимного недоверия и вульгаризации традиционных отношений подражательная стратегия переключается от собственных ценностей к чуждым, обретающим в результате иллюзию независимости и превосходства: «Доверившись же чужому уму и ходу чужой жизни, они должны были признать последние результаты деятельности этого ума за самое верное решение задачи из всех доселе предложенных как жизнью, так и мыслью»². В подстраивающейся подражательности иностранный язык в формах сленга и новояза выступает «третьей судьей» в языковом измерении.

Изменение в отношении к русскому языку в настоящее время раскрывается различными проявлениями, среди которых можно назвать:

1) *слэнгирование* как насмешливое, осознанно неряшливое отношение к языку, яркий пример социальной диссоциации и обедненной, но широко употребляемой формы языка (например, т.н. «олбанский» или «падонческий» язык);

2) *неологизация* (развитие производных слов), *демократизация языка* (закрепление бытового языка в публичной сфере), *экономия языковых средств* («оборонка», «деза», «профи» и т.п.), *рост интолерантности в речевом общении* (культура неприятия собеседника)³;

3) неоправданные *иностранные заимствования* из-за неуверенности в убедительности имеющегося языкового ресурса, надуманной стыдливости;

4) *забвение исконно русских слов* и смысловых конструкций с апелляцией к иностранному «прогрессивному» началу, которому противопоставляется «архаика» русской языковой традиции;

5) *использование слов-паразитов* вследствие ограниченности словарного запаса и низкой образованности, а также модных привычек в словоупотреблении;

¹ См., например: Барановский М.В. Феномен доверия в современных социологических исследованиях // Власть. 2013. № 6. С. 134-137.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2008. С. 659.

³ См.: Дорошева Н.В. Языковая глобализация и русский язык // Столкновение цивилизаций в языковом пространстве: вызовы современности: материалы межвузовской научно-практической конференции / под общ. ред. М.М. Курочки, М.В. Масловой. М., 2017. С. 33-44.

- б) неосмысленное принятие иноязычных ценностных установок;
- 7) устойчивые языковые смешения, передаваемые между поколениями;
- 8) воздействие на образовательные традиции со стороны некомпетентных субъектов влияния (самих учащихся, мнения их родителей, этнических диаспор, самозванных «экспертов» и т.д.);
- 9) практически не встречающая сопротивления ирония над русскими традициями как форма смеховой субкультуры;
- 10) небрежение отечественной культурой публично и в быту.

Перечисленные проявления примитивизации и демонстративного «искалечения» русского языка в общественной среде часто педалируются «креативными» кругами; данное лобби, несмотря на свою публичность, деперсонализировано, являя собой яркий пример коллоквиализации и социальной диссоциации. Отмеченная тенденция приводит к уродующей ценностный базис русского языка узуализации, снижению его многомерности, упрощению и как следствие – к внешней управляемости. При этом замечается переориентация языка от передачи ценностей и смысла к передаче информации, ощущений, настроения, от духовности к телесности, принимаемых за демократизацию языка.

Далее сформируем теоретическую базу выявления негативно воздействующих на цивилизационную безопасность России в языковом измерении различных явлений, в общем роде определяемых как *опасности*, обладающих, соответственно, существенным негативным воздействием на *безопасность*.

Категориально разделим направления источников порождения опасностей в языковом измерении: *внешние (иноцивилизационные, экспансивные)* и *внутренние (внутрицивилизационные, деградационные)*. Кроме того, классифицируем преднамеренность возникновения опасностей в языковом измерении: *искусственные* (целенаправленные со стороны какой-либо цивилизации как субъекта) и *естественные*. По причинности возникновения опасности можно также подразделить на *первичные* и *вторичные*.

Дальнейшая теоретическая классификация опасностей по уровню осуществляемого или потенциального воздействия на безопасность защищаемого объекта

с учетом вышеприведенной классификации позволит полно сформировать программу оценки опасностей цивилизационной безопасности современной России в языковом измерении.

Идентификация опасности предполагает, во-первых, непосредственное выявление негативных тенденций и прогнозирование их последствий и, во-вторых, выработку, подготовку и реализацию ответных (упредительных) реакций.

Механизм реагирования на опасности для цивилизаций обозначил А. Тойнби в своем труде «Постижение истории»¹. В нем автор использует схему реагирования «вызов – ответ». Однако общая теоретическая классификация опасностей для социальных систем в настоящее время требует более детальной дифференциации.

Распределяясь «в соответствии с мерой их жизненной и губительной значимости, определяется следующая иерархия предсостояний и состояний социума»²: *вызовы, риски, опасности, угрозы, кризисы, катастрофы, крах*³. Данный набор исчерпывающе разработан генерал-майором А.И. Владимировым, вице-президентом Коллегии военных экспертов. А.И. Владимиров дает нижеследующие характеристики опасностей социальных систем.

Вызовы представляют собой вероятность, они первоначально абстрактны. Вызовы осознаются и на них должны формироваться *ответы*.

Риски – это потенциальные опасности, тенденции, они умозрительны. Риски парируются, и ими пользуются как методами управления.

Опасности – это формирующиеся угрозы, они конкретны. Опасности предотвращаются, нейтрализуются.

Угрозы – это реализующиеся опасности, они всегда непосредственны. Угрозы отражаются.

Кризисы объективны и конкретны. Они чреваты формированием альтернативного существующему пути развития нации и ее катастрофой. Кризисы преодолеваются.

¹ См.: Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 2010. 640 с.

² Владимиров А.И. Современное развитие мира в парадигме вызовов, опасностей и угроз: доклад на заседании круглого стола в Общественной палате РФ 4 апреля 2017 года. С. 5. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Vyzovy_i_ugrozy_Part1.pdf (дата обращения: 01.08.2017).

³ Там же.

Катастрофы возникают через неуправляемое течение кризиса или путем целенаправленного управления приведением к кризису. Катастрофы предполагают ликвидацию их последствий.

Крах является следствием национального кризиса и итогом катастрофы нации. Крах всегда требует восстановления старого или формирования нового социума.

Вышеприведенная классификация опасностей приводится по разработкам А.И. Владимирова близко к авторскому тексту¹ и здесь сопрягается с российской цивилизацией в языковом измерении. Видно, что данная классификация социоцентрична, при этом в ней заложена и базовая методика реагирования на приведенные виды опасностей, в том числе, в языковом измерении.

Многие авторы также рассматривают вопрос классификации и определений видов опасностей. Например, М.Ю. Зеленков, исследуя определение «опасности» во множестве различных источников (работах А.Г. Поршева, А.П. Дмитриева, Е.А. Олейникова, В.Х. Цуканова, С.В. Федораева, И.О. Степанова, А.Г. Ветошкина и К.Р. Таранцевой, А.Г. Смирновой)², упоминает, в частности, следующие уровни: опасности, угрозы, вызовы, риски, ущерб.

В книге «XXI век – вызовы и угрозы» коллектив авторов также рассматривает опасности современности, преимущественно природного, техногенного и социального характера³. У А.И. Владимирова методика выглядит предпочтительнее из-за ее полноты, конкретности и социально-политической ориентированности. В дальнейшей оценке вызовы и риски, а также опасности и угрозы умозрительно объединим. Следует также отметить, что в качестве характеристик объекта, подверженного разного вида опасностям, могут учитываться стабильность, устойчивость, живучесть, гибкость и другие свойства.

¹См. подробно: Владимир А.И. «Вызовы», «Риски», «Опасности», «Угрозы», «Кризисы», «Катастрофы» и «Крах» как важные категории политологии и теории войны. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Ocenka_riskov.htm (дата обращения 01.08.2017).

² См.: Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография / М. Ю. Зеленков. М., 2013. 196 с.

³ См.: XXI век – вызовы и угрозы / под общ. ред. В.А. Владимирова. М., 2005. 304 с.

С учетом всего вышерассмотренного, применим разработанную программу классификации опасностей к современной языковой ситуации России в цивилизационном масштабе. Отметим особенность: категорией опасности при языке как средстве будет оцениваться, в большей мере, влияние процесса конкретного направления негативного воздействия, тогда как в случае языка как объекта – негативные фактические и прогнозируемые данные численности населения или оценки достигнутых и прогнозируемых состояний языка.

1. В значении языка как средства воздействия на самосознание народа российской цивилизации примем во внимание ранее выделенные два канала воздействия – а) через русский язык и б) влияние через не русскоязычную среду на русский мировоззренческий сегмент в «пространстве сознаний».

Внешнее воздействие через русский язык осуществляется, в основном, посредством внешне организованных политических медиатехнологий в поддержку сил, имеющих определенную общность с российской цивилизацией, но выступающих в той или иной степени в открытой оппозиции к ней с открыто деконструктивной риторикой. В принятой нами методологии опасностей в отношении названного критерия соотносится категория *угроза*, поскольку данные воздействия конкретны, непосредственны, реализуются явно, перманентно и в них прямо прослеживаются деструктивные цели. Кроме того, по данному направлению угрозы определяются как *целенаправленные* и *первичные*, поэтому они требуют незамедлительного *отражения*.

Внутреннее воздействие через русский язык также обеспечивается средствами медиа, но из внутрицивилизационных источников со стороны полемики социально-политических запросов общества, его институтов и представительств. В данном случае сделаем акцент на диалектическом равновесии свобод и самоограничений, что позволяет соотнести рассматриваемый критерий с *вызовом*, так как речь идет о тенденциях, последствия которых экстраполируемы на перспективу, что делает их потенциальными и умоглядными. *Ответ* на вызов должен обеспечиваться адаптивными демократическими процессами развития в цивилизации с учетом ее исторического опыта и межкультурного культурного об-

мена. Данные вызовы целесообразно охарактеризовать как *естественные*, при этом *первичные* и *вторичные* одновременно, вследствие диалектики их взаимопорождения.

Внешнее воздействие с помощью иностранного языка осуществляется опосредованно через самосознание общества его материнской культуры (преимущественно, англо-ориентированной), а также через прямое влияние на аудиторию симпатизантов этой культуре внутри цивилизации-мишени.

В общем смысле речь идет о пропагандистских политических технологиях «исторической дисквалификации» и демонизации других народов, нарочито неряшливого отношения к чужим культурам, ценностям и образу жизни, чем осуществляется «доказывание» «правоты» своей агрессии во всех сферах. Проявления данных технологий видны невооруженным глазом в форме волнообразных информационно-психологических атак на Россию через СМИ и заявления и призывы иностранных политических и общественных организаций.

В результате общее «пространство сознаний» накачивается конфликтной повесткой дня, формируя *угрозу*, означающую уже подготавливаемые на практике в качестве «неизбежных» меры внешнего «возмездия». Такие угрозы определяются как *целенаправленные* и *первичные*.

Угрозы требуют *отражения*, в качестве которого в данном контексте не должна применяться оправдательно-покаянная риторика. Наоборот, остро необходимо возвращение роли и действенности внешних инструментов взаимодействия, максимально активная и зрелая позиция в «пространстве сознаний». Заранее следует разрабатывать вторичную упредительную реакцию для различных форм попыток «лишения слова» на международном уровне «всеми признанного дисквалификанта» и «развенчанного исторического субъекта».

Внутреннее воздействие с помощью иностранного языка осуществляется вследствие внутренней активности по пропаганде «превосходства» иностранного слова перед родным посредством повсеместного его употребления без необходимости. В названную активность оказались вовлечены разочаровавшиеся в мировоззренческих преимуществах собственной языковой традиции определенные

личности и группы их сторонников. Этому, очевидно, послужила череда экономических, политических, идейных кризисов в нашей истории за крайнюю четверть века, а также, несомненно, долговременная и активная экспансия внешних ценностей при упадке собственных. Иными словами, внешние целенаправленные воздействия способны переходить во внутренние и естественные путем постепенной системной перестройки объекта воздействия.

Отмеченные обстоятельства целесообразно соотнести с категорией *вызов*, характеризующийся как *естественный* и *вторичный* по своим следствиям.

Ответом может служить эффективное укрепление авторитетности собственной цивилизации в глазах ее народа. Сюда включается большое число критериев: экономика, политика, здравоохранение, культура, справедливость и т.д. Маркерами авторитетности цивилизации служат, например, инвестиционная, культурная, социальная привлекательность.

2. В понимании русского языка как цели воздействия рассмотрим ранее раскрытые две составляющие данного вопроса: а) носители русского языка (в России и за рубежом) и б) непосредственно русский язык. Для оценки опасностей будем применять используемые в пункте 1 критерии оценки.

Поскольку при данном критерии оцениваются строгие фактические данные, свидетельствующие о численности носителей русского языка, тенденции изменения которой и в России, и за рубежом коллинеарны, следовательно, категорию опасности текущего состояния при оценке внешних и внутренних источников возникновения воздействия соотнесем как общую, но подразумевающую все же различные факторы.

В целом, в настоящее время *количество носителей русского языка* определяется, безусловно, крайне негативной тенденцией в отношении Российской цивилизации с учетом ее ближнего и дальнего зарубежья. Ни с чем иным, как с *угрозой*, предваряющей кризисную стадию, текущее и прогнозируемое состояние в этом вопросе соотнести возможным не представляется.

Внешне охарактеризовать эту ситуацию можно как сложносочетанную: одновременно и как *естественную* (вследствие сжатия сферы влияния распавшегося

СССР и, соответственно, активной заменой ее влиянием национальных и глобальных интересантов, массового переселения русскоязычных людей под давлением процессов коренизации и национализации из ближнего зарубежья в Россию, а из России в качестве завлеченных специалистов в дальнее зарубежье; кроме того, следует отметить влияние общих тенденций развитых стран по падению рождаемости), и как *целенаправленную* (поскольку причины распада СССР содержат в себе и внешние замыслы, а переселения русскоязычных людей обусловлены стремлением к лучшей жизни, образ которой внедряет западная культурно-лингвистическая экспансия). Становится очевидным, что *внешнее воздействие с необходимостью вытекает из отсутствия или недостаточности внутреннего ответа*.

Поэтому по внешним обстоятельствам данная угроза предстает все же *вторичной* по отношению к проблемным процессам внутри. Отсюда отражение данной угрозы заключается в разрешении первичных – внутренних – проблем.

Внутреннее воздействие на количество носителей русского языка, а точнее – его базовые причины, по праву следует считать основополагающим элементом во всей схеме возникновения опасностей в языковом измерении, поскольку именно *адекватность внутреннего ответа на возникающие внешние вызовы* в избранной нами методологии и *составляет механизм реагирования* (в том числе, в языковом измерении), в противном случае – цивилизация пожинает кризисные процессы, ведущие в конечном итоге к ее краху и катастрофе. Поэтому наиболее уместное здесь слово – «недостаточность», чем в целом и характеризуется весь набор причин в данном направлении. Несомненна также *первичность* внутренних причин назревающего кризиса. Учитывая то, что целенаправленные внутренние источники данной угрозы не фиксируемы, поэтому в качестве единственной стороны принимается ее *естественность*.

Если говорить о «недостаточности» чуть более подробно, то сюда можно отнести множество факторов, которые в единой связке означают нечто общее: влияние самобытных мировоззренческих (включающих, несомненно, и язык) оснований, под которыми можно подразумевать и экономику, и политику, и

культуру, и многое другое, то есть совокупность элементов для реагирования на вызовы цивилизации, в том числе, в языковом измерении.

Категорирование состояния *непосредственно русского языка* по спектру произведем также обобщенно для внешних и внутренних источников воздействия ввиду того, что оценке подлежит, прежде всего, его текущее состояние в России как источнике и для внешних пределов. Оцениванию же подлежат изменения разговорного русского языка по отношению к литературному, а также отношение российского общества к языку.

На основании изложенного в настоящем разделе анализа, с состоянием русского языка в настоящее время целесообразно соотнести категорию *вызов*, поскольку нельзя сказать о том, что русскому языку сейчас ничто конкретно не представляет потенциальной или реальной опасности, но при этом затруднительно определить и реально разворачивающиеся конкретные угрозы или какие-либо другие категории опасностей. Данный вывод вытекает из того, что язык – это все-таки не фиксированная система счисления, и строгий канцелярский подход к этой самодостаточной реальности неприменим, а также из того, что оценку изменениям возможно давать только по прошествии длительного времени, желательно – после смены текущей языковой эпохи.

Поясним: современное российское общество не говорит и не думает на языке полян, церковнославянском языке, языке времен Ивана Грозного, А.С. Пушкина или первых лет СССР. Хотя все вышеназванное – есть определенные участки «генома» современного русского языка. Причем, каждый этап парадигмальных изменений в истории языка наверняка воспринимался многими современниками подобных процессов трагически, принимая его за окончательный распад бывшей ранее великой языковой традиции.

Внешняя составляющая воздействия на русский язык определяется, прежде всего, целенаправленной вестернизацией образа жизни в отношении российской цивилизации, включающей в себя культурно-лингвистическую экспансию, западный «воинствующий монетаризм» и берущиеся под контроль Западом глобализационные изменения. Несомненно, в данном направлении воздействие харак-

теризуется как *целенаправленное* и *первичное* (первичное – поскольку заявляется об «исключительности» навязываемых извне ценностей, то есть оно обусловлено, в большей мере, внешним замыслом).

Внутренняя составляющая воздействия на русский язык снова определяется формулой «недостаточности». Речь идет о неэффективности ответных действий, в сумме же – о фактической безрезультативности. Таким образом, *естественный* и, пожалуй, *вторичный* характер внутреннего негативного воздействия налицо.

Подытоживая произведенную оценку опасностей в языковом измерении для современной России и учитывая тенденции, отмечаемые в других сферах общественного бытия, можно предполагать, что вектор направленности негативных процессов указывает на постепенное «сползание» российской цивилизации в многофакторный кризис, спровоцированный за редкими исключениями безответными вызовами в течение крайних 25-30 лет ее истории.

Действительно, за это время были периоды подъема. Например, в экономике, отчасти в демографии. Но односторонние достижения вытягивают за собой нарастание комплекса других не отвеченных опасностей. Стратегически и на долгосрочную перспективу это не пока принесло прорывного результата, не стало краеугольным камнем мощного рывка. Численность населения медианно продолжала снижаться, система внешнего воздействия через русский язык и на русский язык совершенствоваться, а сам «общественный» русский язык все более дрейфовал в сторону набора жаргонов от «эталонного» литературного.

Оценочно, российская цивилизация в настоящее время в языковом измерении пребывает в точке неопределенности третьего этапа развития цивилизационных оснований русского языка, предпосылок необратимости негативных явлений пока не обнаруживается (если понимать убыль населения как общий тренд постиндустриального общества), поэтому уместно говорить о некоторых признаках состояния бифуркации – ни выраженной катастрофы, ни рывка вперед.

Таким образом, в результате проведенного анализа выделим общие группы факторов опасностей в языковой безопасности России в современных условиях:

1. *Внутренние и естественные*, обусловленные социальной диссоциацией, взаимным недоверием и социокультурной деградацией в последние десятилетия в результате сложных политических событий в российской цивилизации.

2. *Внешние и искусственные*, протекающие за счет культурно-лингвистической экспансии западной языковой традиции, в результате чего английский язык в настоящее время получает значительные конкурентные преимуществами с закреплением языкового неравенства.

Складывающаяся картина «расстановки сил» в языковом измерении не может не вызывать опасений, имея для российской цивилизации важнейшее значение¹. В обоих выделенных классах определяющее значение имеют внутренние проблемные процессы. И А. Тойнби, и Л.Н. Гумилев связывают упадок цивилизации со снижением сопротивляемости внешним опасностям в результате *внутренних* деградационных явлений. Активность и внешних воздействий в языковом измерении также зависит от внутрицивилизационного состояния, причём, вне прямой корреляции от направления развития – восходящего или нисходящего: при нисходящем причиной внешней экспансии можно считать жажду наживы за счет ослабевшего противника, при восходящем – страх² в форме превентивной экспансии.

Кроме того, следует самым серьезным образом относиться к влиянию медийно-информационной составляющей современного общественного бытия.

¹ У В.Н. Лексина крепка «...убежденность в *первостепенном значении языка цивилизации для ее становления и существования*. Связующее значение языка для консолидации любых, а тем более цивилизационных сообществ не требует доказательств, но его действительная роль в этом процессе не ограничивается одними коммуникативными функциями: он не только связывает людей, но и фиксирует *сущностно близкие константы их мировидения* – важнейшее условие цивилизационного сосуществования» (курсив автора. – Л.З.) (Лексин В.Н. Языковая репрезентация русской цивилизации // Мир России. 2014. №2. С. 7).

² «Изумленная Европа, в начале правления Ивана едва знавшая о существовании Московии, стиснутой между татарами и литовцами, была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи...» (Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М., 2013. С. 395).

**Раздел 3. Основные направления укрепления
цивилизационной безопасности России
в языковом измерении в контексте глобального противоборства**

На основании разработанной категориальной системы вызовов и угроз определим основные направления выработки ответа по укреплению цивилизационной безопасности России в языковом измерении, а также сформируем перечень конкретных мер. Организация ответа должна учитывать объективные стороны языка – как средства и как цели воздействия. С учетом выводов, полученных ранее, приоритетными направлениями ответа определяются внутрицивилизационное и межкультурное, обуславливающие направления ответных действий в языковом измерении – внутреннее и внешнее.

Основной формой деятельности в языковом измерении можно полагать *языковую политику* и, в частности, *языковое строительство*¹, направленные на определенную *языковую ситуацию* в интересующем регионе или во всем мире. В рамках настоящей работы целесообразно повысить статус организационных мер в данном направлении до *политики в языковом измерении*, учитывая их цивилизационную значимость, двунаправленность и двусторонность языка.

Главным субъектом политики в языковом измерении на внешнем и внутреннем направлениях, несомненно, понимается российское государство. Действительно, языковое строительство является одной из основных его политических, социальных и культурных функций: «в большинстве случаев государство выступает в качестве силы, поддерживающей потребность взаимопонимания, и стимулирует роль государственного или фактически господствующего языка»². Однако общество российской цивилизации как источник государственной власти и самобытности цивилизации играет роль движущей силы. Каждый общественный ин-

¹ См., например: Калинина Е.Н. Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2007. 26 с.

² Алпатов В.М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция (Москва, 16–19 сентября 2014): Доклады и сообщения / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко. М., 2014. С. 12.

дивид как самопознающий субъект и как объект также выступает соучастником политики в языковом измерении.

Таким образом, *ответ на вызовы и угрозы в языковом измерении организуется посредством активной и целенаправленной политики в языковом измерении одновременно во внешнем и внутреннем направлениях с целью защиты и реализации цивилизационных интересов России и с учетом современного состояния, тенденций и прогнозов всей полноты языковой ситуации в мире.*

Назовем субъекты политики России по их масштабу в языковом измерении:

- государство (Российская Федерация);
- общество (суперэтнос) российской цивилизации, включая сообщества за рубежом;
- каждый индивид, соучаствующий в данном процессе.

Сформируем категориальную структуру реализации языковой политики:

- 1) рассматриваемые стороны языка: язык как средство и язык как цель;
- 2) направления выработки ответа: внешнее и внутреннее;
- 3) общественные уровни организации ответа:
 - государственный (политический, административный): внешний (межцивилизационный, международный, союзный, и т.п.) и внутренний (национальный, региональный, федеральный, муниципальный и т.п.);
 - общественный (дискуссионный): общественно-политический, творческий, культурный и т.п.;
 - групповой (социально-коммуникативный): семейный, профессиональный, отраслевой, социально-доменный и т.п.;
 - индивидуальный (лично-инициативный).
- 4) среды реализации ответа: сфера образования, медиа (СМИ, информационное «пространство сознаний»), сфера культуры, международных отношений и другие организованные общественные площадки.

Наибольшие возможности в отношении реализации ответов принадлежат *государственному* и *общественному* уровням соразмерно обладанию административным ресурсом, однако *групповой* и *индивидуальный* уровни представляют со-

бой пассионарные истоки зарождения идей, а также участвуют непосредственно в реализации ответов на вызовы и угрозы цивилизации.

Итак, направления выработки ответных мер необходимо рассматривать, преимущественно, со стороны двух внутренних источников:

- 1) страны (государства и общества);
- 2) пассионарных сил общества (групп и индивидуумов) при поддержке государства.

Принимаемые меры могут иметь как стратегическую значимость, так и узконаправленную, вплоть до частных гражданских инициатив. Поэтому здесь пассионарный кумулятивный «запал» творческой составляющей общества, представленной интеллигенцией, учеными, художниками, военными, священничеством и другими группами и доменами, принимающими наиболее активное участие в смыслопорождающей деятельности цивилизации, имеет, в принципе, определяющее значение. И эта энергия должна находить соразмерный грандиозности задач отклик государства. С одной стороны, частные инициативные меры не могут обеспечить целостности стратегии, но, с другой, они служат для формирования точек роста.

Рассмотрим подробнее возможности формирования ответов *на уровне российского государства (цивилизации)*.

Для дальнейшего исследования немаловажным аспектом выступает разработка концепта сущностных границ российской цивилизации, необходимого для выделения области и направлений приложения усилий в языковом измерении.

В поисках «границ» сначала определим «центр» цивилизации. В.О. Ключевский писал: «В России центр на периферии»¹. В цивилизационном масштабе этот афоризм можно интерпретировать следующим образом: «центр» в виде столицы стержневой страны цивилизации является аккумулятором управленческих и иных ресурсов, он часто более «цивилизован». Однако именно «периферия» определяет «центру» его управленческие цели и задачи; именно непо-

¹ Ключевский В.О. Материалы разных лет // Соч. в 9-ти т. Т. 9. М., 1990. С. 385.

средственные рецепторные возможности «периферии», которая отлична от «центра», способны обозначить ключевые проблемы и наметить спектр решений.

По концепции британского географа начала XX века, Х. Маккиндера, Россия выступает наиболее весомой составляющей *Хартленда*¹ (буквально, «сердцевинной земли»), пограничье которого является зоной наиболее существенных для нашей цивилизации процессов противоборства. Впоследствии политолог Н. Спикмэн в 40-х годах XX века осуществил попытку концептуально расширить Хартленд до размеров практически всей Евразии, назвав свой новый конструкт *Римлендом*² («дуговая земля»), который лег в основу актуальной до настоящего времени идеологии стремления США к мировому господству.

Пограничный концепт России полноценно развивают В.В. Ильин и А.С. Ахиезер³. И.В. Зеленева также отмечает пограничный характер российской цивилизации⁴.

Учитывая мировоззренческий характер границ цивилизации, они могут быть представлены как умозрительная, проективная линия – проект, абрис. Границы государства в пространстве выражают государственный суверенитет, они строго определены и статичны, границы же цивилизации обнаруживают собой цивилизационную инаковость, по ним осуществляется межкультурное взаимодействие, что подразумевает динамику, отсутствие строгой демаркации, а также их преобладающую ментальность.

С вдавливанием цивилизационных границ России с конца 80-х годов XX века линия взаимодействия в Восточной Европе к настоящему времени сместилась на территорию современной Украины, выплеснувшись там в форме гражданской войны. Еще раньше итогом сжатия цивилизационной границы выступил кризис

¹ См.: Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 162-169.

² См.: Спикмэн Н. Политическая карта Евразии. Часть I // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 1. С. 41-50 (перевод с английского М.Н. Грачева).

³ См. подробно: Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. 304 с.

⁴ Зеленева И.В. Специфические черты российской цивилизации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2013. № 3 (29), Т. 6. С. 121.

Приднестровья, затем кавказские события в России. Сюда же можно отнести проблему отторгнутого у Сербии Косова. На северо-западном направлении цивилизационная граница России практически совпала с границей государственной. «Центр» российской цивилизации в разные периоды истории находился и в Киеве, и в Москве, и в Петербурге.

Границы, например, западной цивилизации с середины прошлого тысячелетия раздвинулись до территорий Нового Света, а с XX века до настоящего времени через Атлантику переместился и «центр». Границы восточной цивилизации также динамичны, равно как и «центр», оформляющийся теперь в Китае.

Иными словами, цивилизационная граница имеет способность «дышать», проявляя тем самым инерционную тенденциозность цивилизации и подтверждая собственную проективную сущность. Тенденциозность связана с проективностью, при этом изменение цивилизационных границ рано или поздно «тащит» за собой изменение границ и государственных. Тем самым проект в своей реализации закрепляется в реальности. Границы цивилизации связаны с мировоззренческими горизонтами, с проектом; они, скорее, идеальные, нежели географические.

Предложим два противоположных проекта цивилизации:

1. *Путь наибольшего сопротивления (развития на заре цивилизации)*. Подразумевает под собой идеалы аскезы (разумного нестяжательства), культа труда, подвига, жертвенности, пассионарности, синергии суперэтнуса.

2. *Путь наименьшего сопротивления (сжатия, схлопывания, упадка цивилизации)*. Характеризуется стремлением к увеселению, потреблению, «капитализации» духовных ценностей, передающимся между поколениями цинизма и скептицизма, социальной диссоциацией, нуклеаризацией общества.

Первое характерно для сосредоточения общества на высших, более активных и духовно направленных доминантах, второе – на низших, физиологичных.

В случае второй модели проекта границы цивилизации сжимаются, несмотря на постоянство границ государства или даже их инерционное расширение. Границы цивилизации при таком сжатии еще и «разрыхляются», приобретают характер пассивной, мягкой «субстанции», поскольку ослабляются в духовном смысле.

При этом они все более утрачивают свою определяющую цивилизационную роль, то есть общество цивилизации, отвернувшись от границ, ждет от «центра» готовых решений по развитию цивилизации.

Это модель стагнации и упадка. И в этом смысле цивилизация, особенно, если учитывать ее внеправовое оформление, способна в результате негативных тенденций постепенно утрачивать свою аутентичность вплоть до полного растворения в других цивилизационных орбитах с последующими деструктивными процессами для входящих в ее ареал государств и территорий.

В случае проекта первой модели границы цивилизации упруги, хлыстки, находятся с «центром» в едином порыве и согласованности действий «на генном» уровне. Пассионарная часть общества стремится из «центра» к границам, которыми она конструирует мир и конституирует мировоззрение, определяя задачи «центру». «Периферия» выполняет пассионарную (поисковую) функцию, «центр» – законодательно-исполнительную. Это модель развития.

Предложенная классификация носит идеализированный характер, признавая одновременность обоих проектов, один из которых превалирует в обществе в данный момент времени.

Живучесть и устойчивость российской цивилизации определяются *динамикой ее развития*, возможного, очевидно, при приоритетности модели пути наибольшего сопротивления. Отсутствие устойчивого развития и укрепления его динамики может означать спад цивилизационной проективной активности, повышает вероятность пропуска рисков, вызовов и угроз в различных измерениях, в том числе и языковом.

В современных условиях более важна именно сама способность давать адекватный ответ вызовам и угрозам на мировоззренческом уровне. Поэтому при организации ответа во внешнем контуре при понимании языка как средства наиболее важным представляется адаптивное поддержание самой способности вести ответные действия в гуманитарной сфере. И ее источником выступает ценностный базис цивилизации с его проективными потенциалами.

При формулировании ответа в языковом измерении на уровне государства при *понимании языка как средства воздействия* главной организованной формой ответного противодействия рассматриваются гуманитарные технологии (ГТ) воздействия на общество (массовое сознание) с целью формирования положительной способности к саморазвитию и самоадаптации. Внешние вызовы и угрозы при использовании языка как средства воздействия, зачастую, осуществляются в технологической форме.

Применение ГТ в сфере языка можно отнести к области воздействия на сознание (индивидуальное и общественное). В своей книге¹ С.Г. Кара-Мурза излагает идеи ведущейся и нарастающей манипулятивной атаки на русское самосознание, в первую очередь, в русском языке и против него. Автор предлагает и набор защитных действий от манипуляции сознанием², но при этом главным считает – «думать». Это в очередной раз подтверждает необходимость междисциплинарных научных изысканий в сфере гуманитарной (языковой) безопасности, в разработке ответных гуманитарных технологий, основные задачи которых: 1) выявление экспансивного воздействия, 2) профессиональное реагирование на него.

В случае иноязычного влияния требуется создание методики выявления воздействия (атаки) на массовое сознание в иноязычной среде. Например, О.А. Солопова предлагает³ будущее понимать как имплицитную категорию политического дискурса, поскольку, по мнению автора, «политика — это не только искусство, которое соизмеряется с возможным и реализует возможное, но и искусство, которое "овозможливает" реальность»⁴.

Закономерности прогностики будущего России автор обнаруживает на примере современных политических текстов: в аналитических статьях британо-американских политических изданий, журналов и периодической печати. В подобных изданиях в тематике, касающейся России, в той или иной степени затрагивается вопрос видения ее будущего, а с учетом конструктивистских возможно-

¹ См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2005. 832 с.

² Там же. С. 817-827.

³ См. подробно: Солопова О.А. Исследование моделей будущего России в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 3 (37). С. 51-57.

⁴ Там же. С. 52.

стей политики и ее медийного сопровождения в отношении социальной реальности – могут быть выявлены манипулятивные техники формирования этого будущего. Автором предлагается поэтапная методика исследования создаваемых моделей будущего России в иностранных политических текстах.

В разрезе приведенной методологии исторически обусловленное настоящее понимается не как неизменная данность, а как точка бифуркации, «окно возможностей», которым можно проективно управлять.

По направлению организации ответа с точки зрения языка как средства и среды воздействия существование внешних деструктивных замыслов и необходимость организации внутреннего ответа на государственном уровне признается.

Например, это закреплено в Указе Президента РФ № 683 от 21 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹. В частности, отмечается противодействие развитию России со стороны США в форме информационного давления, когда «конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы», «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран *использовать информационные и коммуникационные технологии* для достижения своих геополитических целей, в том числе *путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории*»² (курсив мой – Л.З.). При этом «при реализации настоящей Стратегии особое внимание уделяется обеспечению информационной безопасности с учетом стратегических национальных приоритетов»³.

Угрозами национальной безопасности в области культуры, по Стратегии, определяются: размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, ослабление единства многонационального народа России путем

¹См.: Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 декабря.

² Там же.

³ Там же.

внешней культурной и информационной экспансии, снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории¹. Особое значение в области культуры отводится политике по укреплению роли русского языка.

В целом, для реализации политики по обеспечению национальной безопасности названы способствующие ей меры, среды которых выделим соотносящиеся с цивилизационной безопасностью России в языковом измерении:

- признание первостепенной роли культуры для традиционных российских ценностей, укрепление единства многонационального народа России;
- обеспечение культурного суверенитета России посредством защиты общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере;
- создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, расширение культурно-просветительской деятельности;
- формирование государственного заказа на создание кинематографической и печатной продукции, телерадиопрограмм и интернет-ресурсов;
- совершенствование системы подготовки специалистов в области истории и культуры, а также их социального обеспечения;
- развитие общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах;
- использование культурного потенциала России в интересах многостороннего международного сотрудничества².

Видно, что указанные меры подразумевают обе объективные стороны языка: как инструмент (среда) и как цель воздействия.

¹ Там же.

² См.: там же.

Таким образом, приоритеты и основные пути обеспечения безопасности языковым измерении на государственном уровне осознаны и сформулированы. Прибегнем к оценке некоторых ответных мер в отношении языковой ситуации.

Например, рассмотрим современное состояние развития общей информационно-телекоммуникационной среды на пространстве СНГ. Еще в 1996 году была утверждена Концепция формирования информационного пространства СНГ¹, в которой признавалось нарастание глобализационных процессов и международной конкуренции ближайшего на тот момент будущего. Реализация Концепции подразумевала под собой три этапа до 2000 года. Приходится констатировать, что данная Концепция для интересов в языковом измерении России не реализована.

В качестве проблем при формировании единого информационного пространства (ЕИП) СНГ Т.А. Поддубская отмечает: информационный «вакуум» в СМИ стран СНГ, нескоординированность и противодействие со стороны некоторых стран СНГ, межгосударственные конфликты, ужесточение национальных законодательств в отношении русского языка и русскоязычных СМИ, падение распространенности русского языка на пространстве СНГ и снижение его реального статуса как языка межнационального общения, идеологизированность концепции единого информационного пространства².

Что касается «принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия», а также «осуществления контроля в информационной сфере», их формы представляются достаточно дискуссионными, так как скрупулезно должны быть выверены пропорции общественных ограничений и свобод во избежание обратного эффекта. Также не вполне ясно, чем выражается защита «общества от внешней идейно-ценностной экспансии». Поэтому критерии

¹ Концепция формирования информационного пространства Содружества Независимых Государств // Официальный сайт Исполнительного комитета СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by/page.php?id=7548> (дата обращения: 29.11.2018).

² См.: Поддубская Т. А. Проблемы формирования единого информационного пространства в странах СНГ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50). Часть 3. С. 168-173.

отделения «внешней идейно-ценностной экспансии» от естественного межкультурного обмена остаются пока еще размытыми.

Оценочно, одной из причин результативности внешней культурно-лингвистической экспансии выступает недостаточная решимость и скоординированность внутреннего ментального развития цивилизации. Поэтому основной вектор усилий следует направить не только на деятельность по отражению внешних воздействий с неконкретными критериями, а, в первую очередь, на суверенное внутреннее развитие – развитие общества и устремленных общественных отношений. Такой подход мог бы обеспечить снижение степени внутренней уязвимости в отношении «коррупции» и «конверсии».

Полагаем, что для конкретизации ответных мер следует разработать концепт-модель современной и грядущей реальности, характеризующейся глобализационными изменениями, виртуализацией, медиаизацией и, следовательно, тесным соприкосновением культур в «пространстве сознаний». В такой среде в интересах цивилизационной безопасности становится жизненно необходимым действовать не по результатам негативных изменений, не постфактум, а упредительно и рационально моделировать грядущую реальность.

М.Н. Эпштейн формулирует определение феномена производства и реализации моделей социокультурного будущего: «Культуроника – гуманитарная технология, изобретательская и конструкторская деятельность в области культуры; активное преобразование культуры как следствие или предпосылка ее теоретических исследований», «политика как преобразование общества», «практическая надстройка над науками о культуре»; деятельность, порождающая на основе определенных теорий определенные культурные практики¹. Прежде всего, под приведенное определение подпадает система образования, а также сфера политических технологий и PR (*Public Relations*, «связи с общественностью»). Также видно, что подобная стратегия выступает слагаемым концепции «мягкая сила».

¹См.: Эпштейн М. Н. Культуроника // Проективный философский словарь. СПб, 2002. URL: https://projective_philosophy.academic.ru/46/Культуроника (дата обращения: 30.11.2018).

По словам А.А. Сазоновой, гуманитарный технолог Е.В. Островский называет гуманитарные технологии (ГТ) «доброй бомбой»¹.

Действительно, ведь «в несколько ином – средстввильном – разрезе гуманитарные технологии могут трактоваться как технологии производства, упаковки и внедрения смыслов»². То есть совокупность средств и методов мягкого, «тактичного» влияния на мнение человека. Не помимо воли индивида, а «до» воли – формированием перспективных образов «привлекательности» взамен устоявшихся. Социальные технологии, представляющие собой «сумму» гуманитарных, оказывают влияние на волю общества.

Отличие «честной» ГТ от манипулятивной – заявленность о ее применении и поставленных целях, а откликом может служить соразмерный патернализм. Например, так, как это осуществляется в сфере образования. Поэтому «честная» ГТ направлена на *развитие человеческой личности и общества*. Появление индустрии ГТ стало возможным за счет технологизации и медиаизации современности, и для формирования и реализации ГТ необходимо формирование соответствующей институциональной базы.

В нашей стране сфера производства ГТ пока пребывает в «серой», полуправовой зоне. По этому поводу доктор политических наук М.А. Казаков пишет: «Уместно напомнить и одно из свойств собственно гуманитарных технологий: их состояние и использование определяется всей совокупностью пройденного пути. В России вертикаль власти и государственный патернализм были и являются основными причинами, препятствующими становлению рынка социальных услуг и гуманитарных технологий. Существенной характеристикой «человекоориентированных» типов деятельности в современной политике является выбор качественной модели власти. Гибкая власть в этой связи обладает рядом преимуществ по сравнению с жесткой вертикалью власти, т. к. ресурсы гибкой власти

¹ Сазонова А.А. Гуманитарные технологии как теоретический концепт // Издательство Грамота. 2017. № 3 (77). Часть 1. С. 127.

² Осипов В. PR и гуманитарные технологии – иллюзия противостояния? // Сообщение. 2002. URL: <http://www.soob.ru/n/2002/2/s/32> (дата обращения: 30.11.2018).

сами по себе являются плодом и целью цивилизованного развития общества. Главная проблема – в доступе граждан к ним»¹.

М.А. Казаков считает жизненно необходимым использование ГТ для развития человеческого капитала в стране, развития способностей человека в интересах будущего. Автор резюмирует: «Это и есть рубежный смысл, а, по существу, предельное содержание и источник *критериев* гуманитарной практики и ее технологий»² (курсив автора – Л.З.). Несомненно, что на языковое измерение цивилизации – как человеко- и социоразмерную среду – может и должно быть направлено действия «честных» ГТ, формирующих положительные проекты.

Возвращаясь к языку, вспомним Е.В. Островского, формирующего представление о новой реальности человека как о «знакоткани» – «оперативном пространстве новой эпохи» или «ультраструктуре»³. По автору, «инфраструктура — это системно-соорганизованная совокупность материальных объектов, позволяющих объединять людей вокруг той или иной деятельности, то ультраструктура — совокупность объектов, существующих в сознании людей и играющих ту же роль, что и "материальные" инфра-структуры: соорганизуящих различные деятельности людей»⁴.

Материальные инфраструктуры «амототканн», идеальные ультраструктуры – «знакотканн», но при этом реальны. Между этими слоями бытия расположены «антропоструктуры», которые «состоят» из людей и их деятельности. Понимание структурного основания у знакотканной реальности приводит к тому, что такая структура может быть как «построена», так и «разрушена». Она обладает связанностью, пропускной способностью. В результате «в пространстве знакоткани, например, одни знаковые структуры являются конструктивными материалами, а

¹ Казаков М.А. Гуманитарные технологии в современном политическом процессе России // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). Т. 1. С. 90.

² Там же. С. 89.

³ См.: Островский Е.В. Радость – победа над ужасом // Сообщение. 2002. URL: <http://www.soob.ru/n/2002/11/c/28> (дата обращения: 30.11.2018)

⁴ Там же.

другие – инструментами воздействия на общественное со-знание и связность общественной коммуникации (со-общения)»¹.

Для выхода из цивилизационного кризиса автор считает, что нужно «бросить вызов безрадостному состоянию общества, которое и определяет его (общества) объемлющий кризис», поскольку «ужас парализует» и «разрушает образ будущего», «гасит желание деятельности», «порождает депрессию» общества и государства. Альтернатива – радость, которая «задает связность общества»².

Ясно, что «радость» – это метафора качества связанности людей в социуме, положительная коммуникация, проектирующая «радость». «Понятно, что прежде чем начинать строить, необходимо создать инструмент коммуникации... <...> Это не столько вопрос инфраструктуры, сколько вопрос языка. А язык рождается только в совместном действии, только в сообщении»³.

П.Г. Щедровицкий в 2000 году писал о мировом значении русского языка, о значимости его для мировой роли русской цивилизации: «Вместе с тем, в течение XX века под воздействием тектонических исторических сдвигов, мировых войн и революций на планете сложился *Русский мир* – сетевая структура больших и малых со-обществ, думающих и говорящих на русском языке. Не секрет, что на территории, очерченной административными границами РФ, проживает едва ли не половина населения Русского мира»⁴ (курсив автора – Л.З.).

«Признание существования Русского мира позволяет нам говорить о *русском капитале*, совокупности культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выражаемых в *языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах* русского языка. Энергия воли различных этнокультурных групп, думающих и говорящих на русском языке, позволяет актуализировать эти потенциалы и превратить их в ряд *образов будущего*, задающих рамки и

¹ Там же.

² Там же.

³ Островский Е.В. Лекция V. Субъект или сумма влияний? // Сообщение. 2011. URL: <http://www.soob.ru/n/2011/0/0/4> (дата обращения: 30.11.2018).

⁴ Щедровицкий П.Г. Русский мир и Транснациональное русское // Русский журнал. 2000. URL: http://old.russ.ru/politics/meta/20000302_schedr.html#14 (дата обращения: 30.11.2018).

границы поля хозяйственных, политических и образовательных *онтопрактик*»¹ (курсив автора – Л.З.).

П.Г. Щедровицкий утверждал, что внутренняя устойчивость России напрямую зависит от количества людей и сообществ в мире, которые в ней нуждаются. Поэтому поставленность мировых проблем именно на русском языке обеспечит востребованность ментальных возможностей Русского мира. В этом смысле понимается и роль мировой державы – нуждаемость в ней со стороны других обществ. Возрастание нуждаемости в России будет означать повышение и ее внутренней устойчивости. Поэтому задача развития «мировых сетей» Русского мира понимается как задача развития, укрепления устойчивости и, в конечном итоге, безопасности российской цивилизации². Это вопрос решимости.

Поэтому межкультурный обмен со стремительным развитием возможностей медиа приобрел статус не только среды, но и важного ресурса, доступность к которому жизненно необходима для всех культур и цивилизаций. Соперничество за данный ресурс определяет межкультурную конкуренцию в дискурсивной форме, в том числе, невербальной. При этом следует отметить, что в мировом «пространстве сознаний» любая языковая ситуация по своей природе предопределена к противоборству. Так, по В.М. Алпатову, в языковой деятельности ее многоязычным участникам присущи две противоположные потребности: самоидентификация (сохранение себя в многообразии) и взаимопонимание (стандартизация)³.

Глобализм подразумевает неизбежность языковой стандартизации (из истории известны волапюк, эсперанто, в наше время замечен проект словаря *европейского языка* «ЕвроLSJ»⁴). С другой стороны, языки как самобытные культурные

¹ Там же.

² См.: там же.

³ См.: Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. Выпуск № 5 (17). Филология. С. 8-28.

⁴ Штеллер Э. Стандартизация межъязыковых сходств: проект ЕвроLSJ и словарь европейского языка // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: международная конференция (Москва, 16-19 сентября 2014 г.): доклады и сообщения / отв. ред. А.Н. Биткеева, В.Ю. Михальченко. М., 2014. С. 598.

миры своим существованием вызывают к справедливости¹. Обсуждение подобной проблематики, отмечаемых «перегибов» в едином «пространстве сознаний» активно ведется². Стали употребительны такие термины как «информационная бедность», «цифровое неравенство».

В качестве новых концепций для решения проблемы обеспечения многоязычия в информационном обществе, например, рассматриваются технологии автоматического машинного перевода. Обозначились и проблемы в данном решении — не в технологиях, а в семантике. Решение ищется в методике фразеологического машинного перевода, не побуквенного или пословного³.

Положительные проективные задачи российской цивилизации в языковом измерении могут и должны решаться в русле профессионального социального и гуманитарного конструктивизма государственного уровня. Социолингвальные проекты — их органически неотъемлемая часть.

Деструктивный же социальный конструктивизм извне прослеживается вполне определенно и раскрывается в деятельности некоторых некоммерческих организаций (НКО) в формате медиа политических проектов. Например, существует НКО с говорящим названием — «Свободная Россия: без поганого совка и сырьевой корпорации Лубянка»⁴. Данный проект собирает под своим крылом различных отечественных и иностранных политических и общественных деятелей, писателей, журналистов, художников, диссидентов. Цель конкретная — непримиримая критика действующей власти с перспективой инициации международного судилища и ее свержения. Данная организация реализует свою деятельность в форме публикаций, форумов⁵ и т.п.

¹ См.: Борисова Н.В. Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межнациональных отношениях. М., 2017. 189 с.

² См., например: Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве // Сборник материалов II Международной конференции (Якутск, 12–14 июля 2011 г.) / Сост. Кузьмин Е.И., Паршакова А.В. М., 2013. 384 с.

³ См.: Колин К.К. Информационное пространство культуры // Вестник КемГУКИ. 2011. № 15. С. 8-17.

⁴ См.: «Свободная Россия». URL: <http://freedomrussia.org> (дата обращения: 09.12.2018).

⁵ См., например: «Форум свободной России». URL: <https://www.forumfreerussia.org/archives/forum-vi/programma-6-foruma-svobodnoj-rossii/> (дата обращения: 09.12.2018).

Несомненно, кроме политического, данный проект несет в себе и культурный характер, поскольку открыто стремится к созданию «сообщества активистов, предпринимателей, ученых, деятелей культуры, видящих Россию в будущем частью цивилизованного мирового сообщества»¹. «Частью», копией с ликвидацией самобытного цивилизационного проекта России. Основная аргументация подобных деструктивных организаций произрастает из сравнительного анализа совокупного уровня жизни человека – на Западе и в России. Действительно, трудно не признать, что от качества жизни, реализуемости и равенстве возможностей каждой личности, качества человеческого капитала, положительной активности культуры, развитости экономики – от этого зависят эффективность возможностей ответных действий.

Аналитический центр в Великобритании, известный также под наименованием *Chatham House*, в 2015 году выпустил аналитический доклад под названием «Российский вызов»², в котором открытым текстом на русском языке заявлено с последующими выводами: «Среди западных политиков будут сохраняться разногласия в оценке серьезности проблемы России и того, как лучше реагировать на нее. Однако уже складывается консенсус относительно того, что *Россию невозможно интегрировать в европейский международный порядок* на основании правил, признанных всеми европейскими государствами, до тех пор *пока не произойдет кардинального изменения кремлевского курса. И такое изменение должно произойти изнутри*»³ (орфография и пунктуация автора сохранены, курсив мой – Л.З.).

В 2018 году центр выпустил доклад, в котором главной задачей определена цель: «...изучить возможности и пути разрыва отношений Украины с Россией

¹ См.: там же.

² Chatham House Report. The Russian Challenge // The Royal Institute of International Affairs Chatham House, 2015. 58 p. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/field/field_document/20150605RussianChallengeGilesHansonLyneNixeySherrWoodUpdate.pdf (дата обращения: 09.02.2019).

³ Там же. Р. xi.

во всех сферах от энергетики, торговли и военно-технического сотрудничества до русского языка и Церкви»¹ (курсив автора – Л.З.).

В том же докладе: «... черным по белому написано, что в государственном строительстве примером для белорусского государства может служить украинское»². При этом одним из препятствий называется «широчайшее использование русского языка»³ в Беларуси, которое необходимо методично *преодолевать*, в том числе, путем постепенных изменений извне в системе образования в этой стране.

Подобная политика вполне вписывается в современное – *гибридное* – понимание войны, когда «комплекс гибридных угроз используется нашими политическими противниками для ослабления и дестабилизации России, ее союзников и партнеров в рамках острой конкурентной борьбы во все большей степени охватывающей ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы»⁴.

Анализируя аспекты состояния и тенденций развития современных методов ведения войны, в целом укладывающихся в перспективную концепцию гибридных войн, профессор А.И. Горячев предлагает создать в составе сил специальных операций ВС РФ новую структуру – Бюро контргибридной войны с территориальной сетью пунктов по стране, а также разработать контргибридную военную стратегию, скорректировать в соответствии с новыми реалиями законодательство, внутреннюю и внешнюю политику страны и многое другое⁵.

¹ Цуканова А. Chatham House: Украина – лаборатория Запада. Опыты над жителями Украины продолжаются, на очереди – Беларусь и Молдова // Фонд стратегической культуры. 2018. 18 декабря. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/12/18/chatham-house-ukraina-laboratoria-zapada-47314.html> (дата обращения: 09.02.2019).

²Цуканова А. Chatham House: для Беларуси наступил переломный момент. Что Лондон придумал для белорусского государства // Фонд стратегической культуры. 2018. 24 декабря. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2018/12/24/chatham-house-dlja-belarusi-nastupil-perelomnyj-moment-47345.html> (дата обращения: 09.02.2019).

³ Там же.

⁴ Бартош А.А. Россия в эпоху гибридных войн: трансформация военных конфликтов требует изменений в государстве // Независимое военное обозрение. 2017. URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-10-20/1_970_hybrid.html (дата обращения: 07.03.2019).

⁵ См.: Горячев А.И. Феномен «гибридной войны» в сирийском контексте // Военный академический журнал. 2018. № 2. С. 28-36.

Говоря о *языке как цели воздействия*, отметим, что и в этом направлении главный субъект языковой политики – государство. И работа также ведется.

Например, Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом, утвержденная Президентом РФ 3 ноября 2015 г., раскрывает особую важность политики в языковом измерении. В частности, отмечается, что:

- в настоящее время востребованность и распространенность языка за границами цивилизации выступают индикаторами авторитета страны и ее влияния в мире;
- русский язык рассматривается одним из базовых средств продвижения и реализации стратегических внешней политики страны;
- уровень распространенности языка свидетельствует о положительном образе страны в мире, о расширении влиятельности;
- продвижение русского языка за рубежом – важная часть внешней политики России¹.

Концепция определяет русский язык основой истории и культуры России, а также инструментом российского влияния в мире. При этом отмечаются тенденции к снижению его распространенности. Первоочередная цель Концепции – «усиление роли, значения и конкурентоспособности русского языка в современном мире». В разделе IV Концепции, посвященном приоритетным направлением ее реализации, отмечается, что «для эффективного осуществления деятельности по поддержке и продвижению русского языка за рубежом требуется проведение мониторинга положения русского языка в мире»², что подчеркивает государственную важность и актуальность настоящего исследования.

В целом, Концепция определяет:

- цели и задачи деятельности по поддержке и продвижению русского языка за рубежом;
- приоритетные направления деятельности по поддержке и продвижению русского языка за рубежом;

¹ Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50644> (дата обращения: 09.12.2018).

² Там же.

- аспекты информационного сопровождения деятельности по поддержке и продвижению русского языка за рубежом;
- механизмы реализации Концепции.

Основными субъектами реализации Концепции определены: МИД России, Минобрнауки России¹, Минкультуры России, Россотрудничество, другие органы исполнительной власти федерального и регионального уровней.

Постановлением Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481 «О федеральной целевой программе "Русский язык" на 2016 – 2020 годы» утверждена федеральная целевая двухэтапная программа по защите, поддержке и укреплению позиций русского языка, в которой отражены важнейшие целевые показатели (индикаторы) развития русского языка и ожидаемые показатели ее социально-экономической эффективности. На реализацию целей и задач Программы объем финансирования составил 7604,5 млн. рублей. Согласно Постановлению, «укрепление позиций русского языка является стратегическим национальным приоритетом российской федерации»².

Задача такого плана решается и на общественном уровне. Например, неправительственная *Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы* (МАПРЯЛ)³, образованная в 1967 году, выполняет функции в сфере распространения русского языка в мире посредством развития преподавательской деятельности на русском языке. МАПРЯЛ организует ассамблеи, конференции, фестивали, семинары и другие формы сотрудничества в сфере преподавания.

Внутрироссийским «собратом» МАПРЯЛ выступает *Российское общество преподавателей русского языка и литературы* (РОПРЯЛ). Сфера деятельности РОПРЯЛ – «организация общероссийских и региональных мероприятий, связан-

¹ С 2018 года – Министерство науки и высшего образования РФ (см.: Постановление Правительства РФ от 15 июня 2018 г. № 682 «Об утверждении Положения о Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации» (URL: <http://government.ru/docs/32888/> (дата обращения: 20.07.2018))).

² См.: Постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 г. № 481 «О федеральной целевой программе "Русский язык" на 2016 - 2020 годы». М., 2015. С. 9. URL: <http://www.apkpro.ru/doc/ФЗП%20Русский%20язык%20на%202016%20-%202020%20годы.pdf> (дата обращения: 09.12.2018).

³ МАПРЯЛ. URL: <https://ru.mapryal.org/mapryal/about> (дата обращения: 09.12.2018).

ных с лингвистическими, методическими, законодательными аспектами функционирования русского языка как государственного языка российской федерации»¹. Организация осуществляет деятельность по изучению динамики языковых процессов в современной России посредством форумов, семинаров, публикаций, исследований, конгрессов², фестивалей, сессий.

Также следует отметить существенные шаги на государственном уровне по распространению преподавания на русском языке за рубежом. Так, в 2011 году в Министерстве иностранных дел РФ по распоряжению Президента и Правительства РФ разработана программа «Русская школа за рубежом». По данной программе предусмотрено открытие за границей четырех типов школ:

- 1) общеобразовательные школы с обучением по российским программам;
- 2) школы с преподаванием на русском языке по смешанным программам образования на основе межгосударственных договоров;
- 3) школы или отдельные классы школ с преподаванием на русском языке по программам иностранного образования;
- 4) воскресные школы с преподаванием на русском языке по стандартам образования России и по законам страны пребывания³.

Кроме того, Постановлением Правительства РФ от 5 ноября 2013 г. № 992 образован Совет по русскому языку при Правительстве РФ, представляющий собой совещательный орган, «целями которого являются рассмотрение ключевых вопросов в области государственной поддержки и развития русского языка и выработка предложений по совершенствованию государственной политики в указанной сфере»⁴. Экспертным и научным центром Совета определен Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. Основное направление деятельности Совета – создание за рубежом центров русского языка и культуры («Институтов Пушкина»).

¹ РОПРЯЛ. URL: <http://ropryal.ru/от-первого-лица/> (дата обращения: 09.12.2018).

² См., например: Динамика языковых и культурных процессов в современной России // Вып. 6: материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 г.). СПб, 2018. 1780 с.

³ См.: «Кто мешает «Русской школе за рубежом?» // Информационный портал фонда «Русский мир». 2014. 24 января. URL: <https://russkiymir.ru/publications/86273/> (дата обращения: 09.12.2018).

⁴ Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/7975/> (дата обращения: 09.12.2018).

Во исполнение Указа Президента РФ от 21 июня 2007 г. № 796 образован фонд «Русский мир», целями которого являются «популяризация русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом»¹. Отмечается, что «*русский мир* – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это еще и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует ее будущее»² (курсив автора – Л.З.). Фонд проводит ежегодные ассамблеи, форумы, фестивали русской культуры, производит тематический медиаконтент.

В глобальной информационной сети существует электронный ресурс «Образование на русском», задача которого: «обучение русскому языку как иностранному, популяризация и продвижение русского языка и образования на русском языке в мире»³.

В результате проводимой политики в языковом измерении в последние годы отметилась положительная динамика в развитии образования на русском языке за рубежом. Так, в 2015 году уже более 180 тысяч иностранных студентов обучались в России, из которых 55 тысяч – граждане стран СНГ⁴.

В отношении поддержки носителей русского языка, проживающих за рубежом, также существует программа переселения соотечественников: «Государственная программа по содействию добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников проживающих за рубежом (далее — программа переселения) — это государственная программа, нацеленная на "возвращение домой" соотечественников, которые проживают за пределами РФ, но чувствуют

¹ Фонд «Русский мир». URL: <https://russkiymir.ru/fund/> (дата обращения: 09.12.2018).

² Там же.

³ Портал «Образование на русском». URL: <https://pushkininstitute.ru/about> (дата обращения: 09.12.2018).

⁴ «Васильева сообщила о результатах продвижения русского языка за рубежом» // REGNUM. 2016. 25 ноября. URL: <https://regnum.ru/news/society/2209828.html> (дата обращения: 09.12.2018).

непреодолимую связь с Россией, воспитаны в традициях российской культуры и владеют русским языком»¹.

Президентом РФ 31 октября 2018 года подписан Указ «О Концепции государственной миграционной политике Российской Федерации на 2019-2025 годы», заменившей аналогичный документ от 2012 года. Одной из целей данной концепции является демографическое развитие страны, защита и сохранение русской культуры, «русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода»².

В интересах консолидации русскоязычных людей за рубежом отмечаются и общественные инициативы. Например, Координационный совет организаций российских соотечественников Соединенных Штатов Америки (КСОРС), «способствует консолидации русской общины в США и общественных организации русскоязычных граждан Соединенных Штатов Америки»³. Цели КСОРС: «организационное и духовное единение организаций российских соотечественников США, совместные действия по защите законных прав и интересов соотечественников, сохранение и популяризация русского языка и культуры, укрепление связей соотечественников с Россией»⁴.

Со стороны органов государственной власти Российской Федерации принимаются меры по защите непосредственно русского языка, что свидетельствует об осознании вызовов и угроз в отношении него. Так, Государственной Думой РФ принят Федеральный закон от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Данный акт определяет статус русского языка как государственного, а также призван обеспечить защиту и поддержку русского языка, как в стране, так и за рубежом.

¹ Гражданство РФ по программе переселения соотечественников. URL: http://programma-pereseleniya.com/?utm_source=yandex&utm_medium=cpc&utm_campaign=38470267&utm_content=6558163365&utm_term=программа%20переселения%20соотечественников&yclid=6822790386661726448 (дата обращения: 17.11.2018).

² Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 03.02.2019).

³ КСОРС. URL: https://ksors.org/?page_id=4480 (дата обращения: 09.12.2018).

⁴ Там же.

Гораздо ранее принят закон РФ от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации». Данный акт гарантирует равноправие и защиту всех языков Российской Федерации, регулирует их использование в международном общении и многое другое.

Однако следует отметить и проблемный аспект. О.Б. Сиротинина пишет: «Принято считать, что недостатки нашего законодательства компенсируются их невыполнением. На самом деле несоблюдение законов во многом следствие их лингвистического несовершенства. Самые большие социальные риски создают законы, позволяющие их разное толкование»¹.

Влиятельность государства в языковой политике неоспорима, и это касается, прежде всего, регулирования государственного языка: «Наибольшей силой отличается языковая политика в отношении государственного языка, который является монополией официальной сферы коммуникации, всячески поддерживается и стимулируется государством»². Бирюкова Ю.Н. раскрывает основные направления государственных мероприятий в данной сфере:

- ликвидация неграмотности;
- выбор и установление государственного (официального) стандартного языка;
- определенное положение других языков по отношению к государственному;
- определение сфер и типов языковых состояний и ситуаций каждого из языков;
- кодификация и совершенствование содержания государственного языка³.

Заметим, что нормативность не может в полной мере обеспечить инициативную почву развития, что относится, преимущественно, к прерогативе внутреннего, естественного ответа пассионарной составляющей общественного и группового уровней. Тем более, когда необходим беспрецедентный, качественный прорыв, который должен стать генеральной стратегией.

¹ Сиротинина О.Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О.Б. Сиротинина. Саратов, 2013. С. 96.

² Бирюкова Ю.Н. Лингвистическая безопасность и языковая политика в современном российском контексте // Правовая культура. 2011. № 2 (11). С. 69.

³ Приводится по статье Ю.Н. Бирюковой: там же.

Данный посыл нужно понимать как мессианскую идею возрождения цивилизационного стержня, национального самосознания, искренне желанных мировоззренческих ориентиров. Только тогда цивилизация подтверждает свои цивилизационные отличия от других и продолжает суверенное существование и развитие. Для этого российская цивилизация обладает всеми ресурсами (человеческими, интеллектуальными, духовными). Но, несмотря на это она снова находится во все более сжимающем ее враждебном «обруче», а иммунная система ее пока не выработала прорывного ответа. Поэтому главной адекватной мерой должно стать принципиальное развитие за счет *внутреннего* ответа¹.

Что касается поддержки роста числа носителей русского языка внутри страны, то здесь государственные меры общеизвестны. Это и программа материнского (семейного) капитала, как на федеральном уровне, так и на уровне федеральных субъектов; это и различные выплаты на детей с учетом различных факторов; так же жилищные программы (в том числе, ипотечного кредитования); медицинские программы; досугово-оздоровительные, и другие.

Но при этом проблемы с рождаемостью для России остаются в полной мере животрепещущими, за исключением некоторых регионов. Объяснение этому кроется в большей степени не в материально-экономической области, а в мировоззренческой, ценностной. Некоторые публицисты говорят о кризисе развитой цивилизации, иные – о демографической модернизации, новом типе воспроизводства населения в мире, в том числе, и в России. При этом совокупное население Земли растет. «Модернизация демографии» заставляет констатировать таяние процентной составляющей населения России по отношению к населению мира, что постепенно изменяет и языковую карту человечества.

¹ А.И. Владимиров видит основную прямую угрозу безопасности России как исходящую не извне, а «из сфер внутреннего устройства ее собственного национального бытия»¹. Данный автор отмечает отсутствие проекта и целей развития, идеологии, стратегии, денационализацию культуры, кадровой политики и СМИ, разрыв поколений, безответственность руководителей за качество принимаемых решений, отсутствие в армии механизмов обеспечения патриотизма и преданности Отечеству и многое другое (Владимиров А.И. Современное развитие мира в парадигме вызовов, опасностей и угроз: доклад на заседании круглого стола в Общественной палате РФ 4 апреля 2017 года. С. 3. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Vyzovy_i_ugrozy_Part1.pdf (дата обращения: 01.08.2017)).

Проблема падения рождаемости, в целом, лежит вне плоскости социально-философской проблематики, за исключением той ценностной составляющей мировоззрения человека современного общества, в результате изменения которой происходит или уже произошла переоценка семейных ценностей. Поэтому здесь уместно рассматривать именно аксиологический подход к проблеме рождаемости. Также нельзя исключать воздействие на демографические процессы со стороны внешней культурной и лингвистической экспансии, которые моделями навязываемой «дурной» проективности подменяют самобытный цивилизационный проект.

Авторский взгляд на данный вопрос заключается в том, что вскрытие и выработка решений именно в общем плане, но при этом для наиболее болезненных в настоящее время проблем, будет способствовать оздоровлению и восстановлению российской цивилизационной живучести, что, следовательно, создаст почву для адекватных ответов на современные опасности и в языковом измерении. Языковое измерение цивилизации является ее отражением, рефлексией. Однако и решения более частного уровня также необходимы в силу их наглядности и конкретности. Их реализация необходима и потому, что они могут служить и средством «замера» текущей ситуации. Далее будут предложены наиболее масштабные задачи, затем несколько частных.

Итак, границы российской цивилизации пролегают по тем мировоззренческим линиям, в которых идут процессы ее самоидентификации; они непрерывны и динамичны. Цивилизация отражает проективную, творческую способность и потребность человека как такового¹. При этом самобытный цивилизационный проект, зачастую, может подменяться ложной дилеммой выбора между некоторыми заданными извне системами координат. Например, в форме внутри цивилизационного противостояния «Европы» и «Азии».

Проективность состоит в выборе творческой направленности – в том, что мы собираемся творить, а не послушно следовать: «Классическая модель российско-

¹ См.: Курочко М.М. Онтологии проективности социального бытия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2009. № 3. С. 27-31.

го кризиса идентичности – ситуация "между двумя варварствами" ("русской азиатчиной позади" и "псевдоевропеизмом впереди") не предполагает в качестве своего неизбежного следствия ни "варварской борьбы против варварства", ни тем более какой-либо обреченности на мифологическое "снятие" этого противоречия в виде эсхатологической утопии (типа "русского социализма"). <...> Подобная перспектива может найти опору в русской традиции "конструктивного компромисса", представленной мыслителями либерально-консервативного направления, сумевшими перевести самоварваризирующую логику русского спора "или западничество, или самобытность" в более плодотворную логику "русская цивилизация против русского варварства"»¹.

Проективную природу российской цивилизации подтверждает неизвестный автор или группа авторов трилогии «Проект Россия»². В одной из книг делается упор на людей с грандиозным масштабом мышления и выносятся вопрос о переоценке системы приоритетов в общественной иерархии страны, так как в современных структурах управления катастрофически не хватает пассионарной направленности: «Люди с несоответствующим проблеме мышлением заполонили коридоры власти. Они борются за власть, ищут тщеславия, личных выгод, обогащения. Великие цели им неведомы. Любая великая страна умирает без великих целей. Сведение России с уровня мировой державы на уровень мирового склада автоматически уничтожает ее величие и мощь. Голос единиц, верно оценивающих происходящее, тонет среди детского гула»³.

Подобные явления сопровождали великие цивилизации в периоды их заката. Видно, что в данном случае рассматривается, в том числе, *индивидуально-групповой уровень* ответа за счет активизации проективной цивилизационностро-

¹ Кара-Мурза А.А. Между «градом Китежем» и «городом Глуповым» // Коллаж. М., 1997. С. 54-55.

² См.: Проект Россия. URL: <http://projectrussia.orthodoxy.ru/PR/pr1.php> (дата обращения: 07.10.2017); Проект Россия: вторая книга. Выбор пути. URL: <http://projectrussia.orthodoxy.ru/PR/pr2.php> (дата обращения: 07.10.2017); Проект Россия: третья книга. Третье тысячелетие. URL: <http://projectrussia.orthodoxy.ru/PR/pr3.php#PART3CH1-1> (дата обращения: 07.10.2017).

³ Проект Россия. URL: <http://projectrussia.orthodoxy.ru/PR/pr1.php> (дата обращения: 07.10.2017).

ительной энергии элиты – творческого, созидательного меньшинства, пассионарной части общества, в методологии Тойнби-Гумилева.

Ситуация, когда структура общества формируется по принципу связей и сулящих выгоду знакомств, в результате чего нефункциональная «жировая ткань» замещает важнейшие и жизненно необходимые функциональные «ткани» и целые «органы», имеет место быть в настоящее время. Формопорождающая система заменяет систему смыслопорождающую, антропоструктура – ультраструктуру. Как тут не вспомнить слова А.И. Владимирова: «Национальная кадровая политика характерна негативным кадровым отбором и выдвигает к жизни кадры исключительно лояльные и управляемые, работающие по заказу, сиюминутной корыстной конъюнктуре, и в логике вчерашнего дня»¹.

Такого рода тенденции приводят к отрицательному социальному отбору, заметно снижают сопротивляемость и существенно рассогласовывают потенциалы развития цивилизации: «Все известное о современном состоянии русской цивилизации позволяет определить ее как все еще реальную общность и культуру (в том числе политическую и хозяйственную) людей с сокращающейся численностью и постепенной утратой цивилизационных ценностей, с пока еще сохраняющимся специфическим менталитетом, со своим языком, с латентно православной традицией, с принципиальными изменениями в культуре, с почти исчерпанным потенциалом пространственной экспансии, с гигантскими возможностями саморазвития и с крайне слабой устремленностью к использованию этих возможностей»².

Таким образом, выявляется *первая задача*, от решения которой зависит цивилизационное будущее России, в том числе, и в языковом измерении: *переоценка кадровых приоритетов и принципов* в государстве и обществе с упором на цивилизационную значимость и культ (устойчивую культуру) служения Отечеству, сродни воинскому. Необходимы реально срабатывающие механизмы «социаль-

¹ Владимирова А.И. Современное развитие мира в парадигме вызовов, опасностей и угроз: доклад на заседании круглого стола в Общественной палате РФ 4 апреля 2017 года. С. 1. URL: http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Vyzovy_i_ugrozy_Part1.pdf (дата обращения: 01.08.2017).

² Лексин В.Н. Русская цивилизация и русский народ // Журнал института наследия. 2018. № 2 (13). URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/197.html> (дата обращения: 16.12.2018).

ных лифтов» и развития человеческого капитала. Кадры на каждом уровне должны видеть проблемы, иметь представление об их решении, исходя из мировоззренческих масштабов в непротиворечивом единстве общенационального и профессионально-особенного¹. То есть должна быть восстановлена положительно направленная пассионарная доминанта суперэтнуса России. В противном случае неучитывание корневых причин проблем преобразует их решение в разряд запаздывающих или принципиально гипотетических. Решение данной задачи достойно отдельного научного исследования.

При изучении способов решения данной задачи проявляется связанная с первой вторая проблема: разобщенность, социальная диссоциация и т.п. Действительно, «первостепенной проблемой российского общества является высокий уровень дезорганизации, недостаточная способность ей противостоять, и тем самым обеспечивать свою выживаемость»². Цивилизационный суперэтнос, который формирует цивилизацию за счет своей синергии, двигателем которой выступает пассионарная доминанта, теряет свою цивилизационно-строительную функцию из-за отсутствия *соработничества* (терминология С.С. Хоружего).

Таким образом, *второй (но наравне с первой) задачей можно считать целенаправленную работу всех уровней субъектности в российской цивилизации по модернизации и актуализации единых ценностно-мировоззренческих ориентиров* российской цивилизации, что должно выстроить иерархию жизнеспособных ценностей и, как следствие, сознательную цивилизационную ответственность в российском обществе. Этому вопросу во многом должно послужить обновление принципов кадровой политики, а, следовательно, и возрастание ценности бескорыстного участия в развитии российской цивилизации.

Это задача аксиологического характера, в общественно-политическом смысле – идеологического. Однако следует понимать, что «идеология должна быть предельно абстрактной, общей. <...> Хуже конъюнктурной, сиюминутной идео-

¹ См.: Петрий П.В. Духовные ценности российского общества и армия (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2002. 50 с.

² Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000. С. 178.

логии нет ничего. Это такая фальшь, которая уже в момент своего появления становится очевидной абсолютно всем»¹. Ведь «под прикрытием патриотизма можно годами и десятилетиями беззастенчиво почивать на лаврах на хорошей административной должности и спокойно обворовывать свой народ»². Под личиной напускного патриотизма может скрываться конформизм. Вместо этого необходима живая пассионарная доминанта в структуре общества.

Член-корреспондент РАН В.Н. Кузнецов так определяет идеологию для России: «...это формирующаяся относительно устойчивая артикулированная совокупность понятий и принятых людьми личных, общественных, государственных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов, которые содействуют каждому человеку: в формировании и конструктивном функционировании исторической памяти, российской мечты и смысла жизни на основе уважительного диалога, культуры мира и культуры патриотизма; в достижении им достойного качества и уровня благополучия, надежной безопасности; в интерпретации прошлого, осмыслении настоящего и в понимании будущего»³ (курсив автора – Л.З.). Без единого языка и общепринятых универсальных ценностей идеология по определению невозможна⁴.

В.Н. Кузнецов выделяет поэтапность идеологического вызревания индивида, генезиса его самосознания как части социума, глубокой социализации человека, выражаемую следующей формулой: «культурогема-мифологема-идеологема»⁵. В составе первой части, «культурогема», автор выделяет еще три «микропроцесса»: «паттерн» (семантизация сознания ребенка языком), «аттитюд» (восприятие другого) и «интериоризация» (причастность к обычаям, традициям, ценностям)⁶. По данной теории, в основе воспроизводства общества в лице его нового члена

¹ «Нужна ли России государственная идеология?» (тема с генеральным директором ВЦИОМ Валерием Федоровым) // Российская газета – Федеральный выпуск №6749. 2015. 13 августа. URL: <https://rg.ru/2015/08/13/fedorov.html> (дата обращения: 15.10.2017).

² Горячев А.И. Патриотизм как феномен современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 35.

³ Кузнецов В.Н. Социология идеологии: учебное пособие. М., 2007. С. 13.

⁴ См. также: Кузнецов В.Н. Идеология развития России. М., 2010. 500 с.

⁵ Кузнецов В.Н. Теория компромисса. М., 2010. С. 96.

⁶ Там же.

лежит культура, которая еще в процессе формирования самосознания каждой общественной единицы строится от языкового восприятия мира до ценностного. Решение данной задачи возможно на уровне общественной коммуникации посредством «честных» гуманитарных технологий.

С началом восстановления единых мировоззренческих ориентиров российской цивилизации возникнет *третья задача по соотнесению их с ценностными ориентирами других цивилизаций*, поскольку именно в мировоззренческой сфере цивилизации и различаются, взаимодействуют, развиваются и самообновляются¹. Обновленные ориентиры при этом в сравнении с иноцивилизационными некорректно оценивать как «лучшие» или «худшие»; их значимость может определяться вектором развития российской цивилизации (с учетом всего собственного исторического опыта исповедания ценностей в России), признаваясь при этом в своем существовании другими цивилизациями.

Такой наиболее широкий нормативный принцип поможет уйти от внешних экспансивных цивилизационных мировоззренческих предустановок, а также корыстных внутренних. Соотнесение же с ними необходимо по причине мировоззренческого характера ценностных ориентиров цивилизации: их характер, так или иначе, обозначает наличие мессианской задачи, выход в пространство общечеловеческой цивилизации, которая также нуждается в обновлении жизнеутверждающих ориентиров. Адекватное соотнесение необходимо также по причине вхождения человечества в общечеловеческий кризис².

¹ «В этом контексте обеспечение лингвистической безопасности русского языка как языка межнационального общения во многом обусловлено тем, что в геополитическом плане Россия как великая евразийская держава призвана наряду с другими функциями решать задачу поддержания диалога цивилизаций Запада и Востока» (Бартош А.А. Лингвистическая безопасность страны: модель управляемого хаоса в культурно-мировоззренческой сфере // Независимое военное обозрение. 2014. № 5 (793). URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-02-14/1_model.html (дата обращения: 06.11.2017)).

² См., например: Марков Ю.Е. Кризис человечества как отражение глобальных проблем человечества // Вестник Чувашского университета. 2007. № 3. С. 104-108.

По В. Виндельбанду, человеческое общество развивается в поисках априорного этико-аксиологического идеала, по сути, «священной тайны»¹ околорелигиозного толка². И цивилизация своим масштабом полно отвечает этой мессианской задаче. Российская цивилизация не исключение³.

Таким образом, обозначенные общие задачи могут выступать как базовые руководящие принципы (обобщенные модели прорыва) в обновлении цивилизационной ситуации в России как неотъемлемой части мира. Их можно обобщить как *ценностно-проективный вектор ответа*.

Поскольку рассмотренное направление по укреплению цивилизационной безопасности России современности заключаются, преимущественно, в духовной сфере, то в данном случае стоит говорить о *духовной безопасности* – личности, общества, народа, цивилизации. Духовная безопасность соотносится с безопасностью ценностно-исторического, самобытного общественного сознания, подчеркивая, в свою очередь, прочную связь консциентальной и цивилизационной категорий безопасности.

Принимая во внимание духовно-ценностное противоборство, «ценностную войну»⁴, на первый план в отношении перечисленных родственных категорий безопасности – духовной, консциентальной, цивилизационной – выходит *ценностное основание мировоззренческого критерия цивилизационной безопасности*. Таким образом, в жизнеспособности и устойчивости системы ценностей цивилизационного суперэтнуса находятся, как потенциальные «трещины» уязвимостей,

¹ См., например: Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2 т. Т. 1. От Возрождения до Просвещения / под ред. А. Введенского. М., 2007. 640 с.

² С.В. Чиркова считает, что «цивилизация есть теизация» (Чиркова С.В. Ценности цивилизации // Мир современной науки. 2011. № 3. С. 53).

³ «...по своему характеру мировоззрение русского народа ориентировано на поиск объективных универсальных смыслов и ценностей, духовно-нравственных по своему характеру» (Курочко М.М. Онтологии служения русского воинства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2003. С. 7).

⁴ См.: Кафтан В.В. Духовно-ценностное противоборство в современной России // Традиционные духовные ценности и современная образовательная практика: материалы II всероссийской научно-методической очно-заочной конференции / отв. ред. С.В. Бойко. Череповец, 2013. С. 16-22.

так и, наоборот, точки роста, модернизации, эффективных ответов на существующие и прогнозируемые вызовы и угрозы.

Существуют трактовки ценностного основания мировоззренческой парадигмы цивилизации в призме безопасности. Например, член-корреспондент Академии военных наук А.А. Бартош использует термин «геополитический код», который включает в себя «национальные интересы и ценности, принятую шкалу идентификации опасностей, рисков, вызовов и угроз и возможные способы их нейтрализации»¹ (курсив мой – Л.З.).

«Правда», «спасение», «соборность», «всеединство»² как ключевые маркеры духовно-ценностной системы российского общества не вызывают сомнения в своей значимости, так как принадлежат мировоззренческому горизонту и содержат мессианские устремления, образуя цивилизационный уровень.

В настоящее время проблема, по нашему мнению, может заключаться еще глубже, в измерении «ценности ценностей» (по Н.О. Лосскому, «чувства ценности»³), которое *онтопрактично*, поэтому подразумевает состояние и ценностного «бесчувствия». Ведь ценности могут не приниматься не ввиду их содержания, а как таковые. Ближе к ценностям примыкает категория истины, к которой они обращены. В этом смысле в русской культуре соотношение должного к сущему понимается как соотношение правды и истины⁴.

Итак, первоочередным в обеспечении цивилизационной безопасности в духовной сфере, обеспечиваемой в полной мере языковым измерением, обнаруживается *ценностно-проективный вектор*, который может быть раскрыт в решении наиболее общих задач с учетом специфики российской цивилизации. Решение

¹ Бартош А.А. Лингвистическая безопасность страны: модель управляемого хаоса в культурно-мировоззренческой сфере // Независимое военное обозрение. 2014. № 5 (793). URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-02-14/1_model.html (дата обращения: 06.11.2017).

² См.: Кафтан В.В. Духовно-ценностное противоборство в современной России // Традиционные духовные ценности и современная образовательная практика: материалы II всероссийской научно-методической очно-заочной конференции / отв. ред. С. В. Бойко. Череповец, 2013. С. 16-17.

³ См.: Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей // Электронная библиотека Одинцовского благочиния. URL: http://www.odinblago.ru/cennots_i_bitie/ (дата обращения: 06.11.2017).

⁴ См.: Черников М.В., Перевозчикова Л.С. Категории «правда» и «истина» в русской культуре // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 141-157.

этих задач преследует целью повышение живучести и устойчивости цивилизации, позволяющих укрепить ее безопасность и в языковом измерении.

Для развития и безопасности России как цивилизации требуется организованное решение спектра и более конкретных задач, направленных на развитие различных возможностей цивилизации. Такие задачи должны в полной мере отвечать принципам сформулированного ранее ценностно-проективного вектора. Их можно объединить в *концептуально-политический вектор*. В данном аспекте сформируем некоторые предложения:

- усиление политики государства, направленной на развитие человеческого капитала¹ (здоровья, образования, духовного развития, укрепления семейных ценностей, справедливости в системе социальных отношений), то есть основы для конкурентоспособности современной цивилизации, ее ценностей, языка;
- создание современной системы эффективного культурного, исторического, ценностного, патриотического воспитания молодого поколения;
- реформатирование системы национальных приоритетов в направлении создания моделей реального развития современной инновационной экономики;
- поддержка развития культуры инновационного сознания в науке и образовании как проективной созидательной силы цивилизации и исключения деинтеллектуализации будущих поколений² (жизненно важно вернуть ценностный

¹ «Как только российское государство обозначит своей главной задачей не рост ВВП, а увеличение человеческого капитала, макроэкономические искажения начнут выравниваться, а макроэкономические риски снижаться» (Жуковская И.Ф. Человеческий капитал и конкурентоспособность российской экономики // Современная конкуренция, 2011. № 6 (30). С. 138); см. также: Корицкий А.В. Введение в теорию человеческого капитала. Новосибирск, 2000. 112 с.; Устинова К.А. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография / К.А. Устинова, Е.С. Губанова, Г.В. Леонидова. Вологда, 2015. 195 с.

² «Деинтеллектуализация как инструмент ведения консциентальной войны направлена на разрушение научной и технологической составляющих духовной сферы общественной жизни, что в конечном счете за 2-3 поколения может привести к потере интеллектуальной основы страны и отбросит ее на десятилетия назад» (см.: Климов С.Н. Деинтеллектуализация как угроза национальной безопасности России // Гуманитарный вестник ВА РВСН (материалы IV Всероссийской научно-практической конференции «Профессиональное образование в сфере национальной безопасности» 27-28 октября 2016 г.). 2016. № 4. С. 62-64).

подход «образование-как-служение» вместо «образования-как-услуга»¹, а также возродить самодостаточную науку для будущего России²);

– модернизация системы военно-политической работы в армии как мировоззренческом авангарде цивилизации при противостоянии внешней духовной экспансии, организация в органах военного управления специальных служб для осуществления стратегической контргибридной деятельности;

– совершенствование нормативно-правовой базы в языковой сфере (А.А. Бартош говорит о необходимости принять концепцию лингвистической безопасности Российской Федерации³; Ю.Н. Бирюкова предлагает «выделить лингвистическую безопасность как одну из составных частей национальной безопасности, которая может быть включена в состав видов безопасности, зафиксированных в ст. 13 Закона РФ "О безопасности"»⁴, так как русский язык «представляет собой объект правового регулирования в государственной языковой политике Российской Федерации»⁵);

– интенсификация участия в строительстве мирового информационного пространства для сохранения и преумножения российского мировоззренческого вклада в мировую культуру.

Перечисленные отдельные задачи в общем смысле отражают замысел и характер концептуально-политического проектирования. Государством в данном направлении уже ведется масштабная работа. Речь идет о стратегических национальных проектах федерального уровня, сформированных в 2018 году⁶.

¹ См.: Хагуров Т.А. Образование между служением и услугой // Образовательные технологии. 2011. № 2. С. 3-15

² См., например: Петрий П.В. Жить своим умом и идти своим путем (некоторые мысли о формировании научного мировоззрения XXI века) // Безопасность Евразии. 2008. № 1 (31). С. 411-419.

³ См.: Бартош А.А. Лингвистическая безопасность страны: модель управляемого хаоса в культурно-мировоззренческой сфере // Независимое военное обозрение. 2014. № 5 (793). URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2014-02-14/1_model.html (дата обращения: 06.11.2017).

⁴ Бирюкова Ю.Н. Лингвистическая безопасность и языковая политика в современном российском контексте // Правовая культура. 2011. № 2 (11). С. 72.

⁵ Там же.

⁶ См.: указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 01.06.2018).

Наконец, выделим *социально-практический вектор* ответа в языковом измерении. Сюда можно отнести различные конкретные меры, например:

- популяризацию в обществе русской литературы и грамотности в русском языке, культивацию сознательного интереса к культуре российского суперэтноса;
- разработку информационных технологий по обнаружению и отражению информационных атак;
- создание институтов по разработке и применению «честных» гуманитарных технологий в области языка, истории, культуры, искусства, кино, спорта;
- общественную поддержку деятельности фондов и других пророссийских организаций за рубежом;
- развитие в обществе культуры информационной воздержанности, избирательности и грамотности.

Эти и другие меры определяют конкретные цели общественной важности.

Завершая разработку направлений и векторов ответа в языковом измерении цивилизационной безопасности России в современных условиях, отметим, что запас прочности, сформированный еще во времена СССР, в настоящее время подошел к концу. Это касается инфраструктурных, социальных, институциональных и других ресурсов. На данный кризис во многом накладывается течение общецивилизационного кризиса. Если использовать терминологию Л.Н. Гумилева, «фаза обскурации» затронула все человечество.

Необходимо восстановление мировоззренческих идеалов цивилизационного проекта не только России, но и как такового – возрождения человека как носителя инобытия невещной природы. В языке и через язык великие русские писатели открывали вселенную человека. И эта проблема встает в новых условиях информационной пресыщенности и поднимающегося на горизонте трансгуманизма. В этом смысле путь наибольшего сопротивления лежит не через стремление к росту потребления информации, объем которой содержит все меньше сущностного ядра, а через меры *самоограничения*, воспитания потребности в нем. Необходимы «цифровое» воспитание и самовоспитание.

Информационное цунами набирает свою мощь, в таком медийном гуле человеческое в человеке может быть стерто: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, – это изобретение недавнее. <...> ...если какое-нибудь событие, возможность которого мы можем лишь предчувствовать, не зная пока ни его облика, ни того, что оно в себе таит, разрушит их, как разрушена была на исходе XVIII века почва классического мышления, тогда — можно поручиться — человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»¹. «Человек» теряется в смысловых симулякрах, исчезает в инсценированном им же мироощущении, утрачивая потребность в гуманитарной самоидентификации.

Игнорирование текущего положения дел в сложных человекообразных системах, обладающих синергетическим эффектом, образует риск попадания дальнейшего развития в предопределяющую «воронку» аттрактора, несмотря на любые принимаемые впоследствии меры. Для цивилизации потеря единства, исход ее из эмерджентного состояния и превращение в «сумму слагаемых» могут привести к невозвратному состоянию.

Общесовременный кризис отражается и в языке процессами диссеминации бессубъектности в нем. В настоящее время он все шире изъязвляется обсценной лексикой, использующей корни слов и их ассоциации, произведенные из низменной субкультуры для усиления эффекта воздействия.

М. Хайдеггер в свое время сказал о современном ему значении слов и их конструкциях: «Как раз там, где еще живо первоначальное отношение к языку, ощущается мертвечина этих грамматических форм как простых механизмов. Язык и его рассмотрение сплелись в застывших формах, как в стальной решетке. Эти формальные понятия и грамматические термины уже в бездуховном и безжизненном школьном языкознании становятся для нас пустыми, совершенно непонятными и непонятными скорлупками»². Ю.М. Осипов считает, что «наступило время как бы опустошенных слов»³. А.С. Нилогов разрабатывает методологию

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб, 1994. С. 404.

² Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб, 1997. С. 134.

³ Осипов Ю.М. Время философии хозяйства. В трех книгах с приложением. М., 2003. С. 461.

антиязыка – «вездесущностного» языка, которым может быть поименовано все сущее и в основании которого лежит небытие¹.

Тема «деонтологизации», самой проблемы «корней языка» не нова. В XVIII веке Дж. Свифт в романе про Гулливера показал некоторые карикатуры «развешествления» языка. Так, путешествуя по городу Лагадо на острове Лапута и осматривая Большую Академию, главный герой произведения, Гулливер, посещает «школу языкознания». Там один из профессоров предлагает упразднить человеческий язык, используя в коммуникации непосредственно сами вещи, демонстрация которых должна вызывать понимание доносимого до собеседника. Преимуществом такой коммуникации называется универсальность подобного «бессловесного языка», которую с успехом можно было бы использовать в международных отношениях, поскольку вещи-де везде одинаковы.

Этот пример подчеркивает и неприменимость административных предписаний к языку, для которого характерна определенная *автономия*. Р. Докинз пишет: «Язык, по-видимому, "эволюционирует" негенетическими способами и со скоростью на несколько порядков выше, чем эволюция генетическая»².

А.Н. Паршин использует аналогии из богословия, математики и физики³. Он приводит слова П.А. Флоренского о том, что слово языка имеет двойственную природу – внешнюю форму (фонему и морфему) и внутреннюю смысловую (семему). «Материя» слова (фонема и морфема) излучают умпостигаемый «свет» слова (семему). Чувственное и умпостигаемое, материальное и идеальное, протяженное и мыслимое: в этом затруднено выделение в языке порождаемой и порожденной форм среди вышеприведенных категорий, поскольку чувственное в языке облекается в чувство именно в акте именования: «Тем самым акт именования является первичным и наиболее фундаментальным действием (языка) человека»⁴. Слово обладает невысказываемостью, неисчерпываемостью, образуя *дре-*

¹ См.: Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб, 2013. 216 с.

² Докинз Р. Эгоистичный ген. М., С. 291.

³ См.: Паршин А.Н. Путь. Математика и другие миры. М., 2002. 240 с.

⁴ Там же. С. 205.

во языка с бесконечностью деления (актом классификации) ветвей по видам от материнских веток-родов, у которых должен быть *единый корень* (Бог, Логос).

Такой богословский анализ онтологической структуры языка выявляет важнейшее его свойство: автономию бытия и развития, сверхчувственное и надрациональное начало языка, носителем которых выступает и человек.

Итак, теперь выделим, на наш взгляд, проблемные «пятна» современности:

1. Глобализация и медиаизация в коммуникации, иконический поворот в культуре и ее постмодернистская деэстетизация, интерпретация мироздания визуальностью через медиа – постепенно определили такое отношение человека и общества к действительности, которое еще в XIX веке предсказал Л. Фейербах: «Но разумеется, в наше время, предпочитающее образ самой вещи, копию – оригиналу, представление – действительности, видимость – сущности, такое превращение является *разочарованием* и, следовательно, абсолютным отрицанием или по крайней мере дерзкой профанацией, ибо *священна* только *иллюзия*, *истина* же *нечестива*. В представлении современников святость возрастает по мере того, как уменьшается истина и растет иллюзия, так что *высшая ступень иллюзии* в то же время составляет для них *высшую ступень святости*»¹ (курсив автора – Л.З.).

Язык утрачивает сакральную составляющую и все больше становится слугой «священной» чувственности. Современный язык все больше состоит из «химикатов», создающих чувственную иллюзию. Достигнув пика литературной глубины в XX веке, язык начал пикирование во фрагментарность.

В образовании набирает оборот тестирование, в глобальной коммуникации – обмен комментариями и символами настроения, междометные формы как кратчайшие пути передачи экспрессии становятся более востребованными.

Профессор В.В. Савчук пишет: «Современная цивилизация ведет к упрощению языка общения, к редукции глубины символического, к плоскому знаку, к иконке, "смайлу", образу»². Ввиду этого обозначается туманное будущее любого из

¹ Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 18.

² Савчук В.В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 96.

языков, когда между литературными формами и реальной перцептивно-чувственной коммуникацией назревает растущая пропасть.

2. «Цифровое» неравенство среди персональных и глобальных субъектов современного постиндустриального мира приобретает все большее значение, оказывающее серьезное влияние на языковые процессы. Полагаем, в настоящее время ее можно подразделить на виды:

1) неравенство доступа для индивидов и сообществ к возможностям глобальной коммуникации из-за географического, политического, социально-экономического и других факторов, что сказывается на доступе к информации, образовательным ресурсам, межкультурном обмене и т.п.;

2) «креативное» разделение: появление новых классов постиндустриального общества – «креативистов» («цифровых граждан»), «живущих в сети» и частично выпадающих из реальных социальных практик, и людей, живущих по принципам прежнего общества, то есть «аналоговых граждан» или «отчужденных от сети», отстающих на технологическое поколение от актуальных новаций в сфере коммуникаций; критичность данного разрыва с развитием технологий повышается, и это оказывает влияние на моделируемые процессы внутрикультурного размежевания¹, например, по субкультурам;

3) разделение между владельцами, создателями, регуляторами («сетевая элита», IT-корпорации, «цифровая олигархия» и т.п.) и потребителями контента².

3. Реактивность социальных процессов, возникающих на фоне стереотипов о социальном неравенстве межэтнических групп и его реальных социальных факторов³, проблемы межэтнического взаимодействия в «пространстве сознаний» из-за разности языков и языковых картин мира.

4. Спектр проблем, связанных с воспитанием молодежи, ее духовным и физическим становлением. В результате влияния современных тенденций в сфере медиа, деструктивных молодежных течений, переформатирования мировой куль-

¹ См.: Асочаков Ю.В. «Цифровая либерализация», «цифровое неравенство» и киберскептицизм // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 12. Вып. 2. С. 93-99.

² См.: там же.

³ См.: Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л.М. Дробижева. М., 2002. 480 с.

турно-ценностной повестки, возникли системные проявления, заключающиеся, например, в непризнании авторитета старших как форме социальной разобщенности, в дурной деятельности субкультурных сообществ, медиаизации психологических отклонений, демонстрации эгоизма и т.п.

Эти проблемы произрастают, в том числе, из «креативного» разделения общества, несоответствия инновационных потребностей молодого поколения с действующими стандартами образования и воспитания, а также недостаточности молодежных движений с проективными мировоззренческими целями.

Проблемные моменты в языковом измерении в отношении общечеловеческой цивилизации в настоящий момент находятся в фазе сущностной неопределенности, поэтому требуют пристального наблюдения и изучения.

Подводя итоги раздела, основными направлениями в выработке ответа цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях выделим внутрицивилизационное и межцивилизационное, а их основными векторами реализации будем полагать следующие: а) ценностно-проективный; б) концептуально-политический и в) социально-практический.

Задачи внутрицивилизационного толка должны быть направлены, прежде всего, на повышение внутренней сопротивляемости, адаптируемости и живучести российской цивилизации в условиях актуальных и будущих вызовов и угроз, с учетом существующих и грядущих проблем, в том числе, общецивилизационного значения. Прежде всего, необходимо организовать в языковом измерении в условиях опасностей такие настройки собственной цивилизационной системы, которые позволят ее развитием превзойти существующий уровень опасности.

Заключение

Настоящее время с соответствующим уровнем развития человеческой цивилизации отражает текущие межкультурные отношения, сложившиеся на протяжении прошедших эпох. При этом отмечается качественно новый фон протекающих взаимодействий, характер которых следует признать уникальным по отношению к предыдущей мировой истории. Глобальные процессы и связанные с ними изменения обусловили высокую темпоральность, реакционность, сложную прогнозируемость, вариативность и многозначность вытекающих из них социокультурных последствий. Наметилась тенденция на все более гибридный характер противостояния государств и надгосударственных объединений, чем обуславливается разнонаправленность и многокомпонентность возникающих вызовов и угроз. Поэтому определять сущность и объективную природу подобных взаимосвязанных явлений стало необходимым по совокупности исследований определенных измерений человеко-общественного бытия, одним из которых выступает языковое.

В диссертационном исследовании рассмотрена цивилизационная безопасность России в языковом измерении в современных условиях. В ходе исследования выявлен цивилизационный статус русского языка, заключающийся в его генезисе неразрывно со становлением России как цивилизации, что определяет языковое измерение как один из важнейших проводников вызовов и угроз цивилизационной безопасности современной России.

Реализация замысла настоящего социально-философского исследования посредством достижения поставленной цели по вскрытию сущности, содержания и актуальной специфики цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях с выявлением соответствующих вызовов, угроз и разработкой их типологии, а также определением основных направлений ответов позволяет заключить в форме перечня выводов нижеследующее.

1. Русский язык в процессе тысячелетнего развития, начиная с обретения письменности, развивался неотступно с российской культурной идентичностью, с ранних времен проявляющей самобытный мировоззренческий характер. Тем са-

мым в русском языке с самого начала обозначился самостоятельный цивилизационно-ценностный запрос, обеспечив вплоть до настоящего времени неразрывную взаимосвязь русского языка и России как цивилизации.

2. Цивилизационная безопасность России в языковом измерении в современных условиях представляет собой готовность и способность российской цивилизации при активной деятельности ее субъектов к сохранению и развитию единой русскоязычной основы российской цивилизационной идентичности и государственности в условиях действительных и возможных, внутренних и внешних вызовов и угроз современности в языковом измерении.

При этом языковое измерение понимается как особая реальность в гуманитарном срезе общественного сознания, открывающая направление существенного воздействия на безопасность российской цивилизации по двум объективным сторонам языка – как средства (среды) и как цели.

3. Определение направлений возникновения вызовов угроз цивилизационной безопасности России в современных условиях требует рассматривать русский язык с точки зрения двух объективных сторон: опосредованно, понимая язык как средство (среду), и непосредственно, когда язык есть цель воздействия.

а) при рассмотрении языка как средства (среды) применения воздействия выделены четыре подхода, распределенные по уровням общественного охвата:

- медиафилософский (концептуальный): общечеловеческий уровень;
- политико-технологический (праксеологический): государственный (локально-цивилизационный) уровень;
- биосоциальный (социально-коммуникативный): уровень общества и групп;
- психокогнитивный (поведенческий): личностный уровень.

Каждому из них соответствует свой социальный уровень возникающих опасностей в языковом измерении, что требует дифференциацию ответных мер реагирования. В отношении цивилизационной безопасности основным подходом выступает политико-технологический, ввиду манипулятивных возможностей влияния через языка на общество и государство. Основными задачами в рамках данного подхода являются:

- отражение внешней культурно-лингвистической экспансии;
- внутреннее, укрепляющее живучесть и устойчивость российской цивилизации, воздействие со стороны «честных» гуманитарных технологий.

При этом источником ответного реагирования следует считать пассионарную силу суперэтнуса, формирующуюся на общественном и групповом уровнях.

б) при рассмотрении языка как цели воздействия выделяются составляющие, на которые вызовы и угрозы могут иметь воздействие:

- носители русского языка (в России и за рубежом).
- непосредственно русский язык, его коренной состав и грамматический строй, ценностно-смысловая ориентация, система отношений к русскому языку.

В настоящее время состояние распространенности русского языка в России и за рубежом по критерию количества его носителей в мире находится в угрожающем, предваряющем кризис, состоянии в условиях постоянно воздействующих и нарастающих вызовов и угроз. Это требует немедленного и вдумчивого реагирования, прежде всего, со стороны государственных институтов, а также общественных инициатив. Общий восточно-славянский этнос неуклонно исчезает даже на территории собственной цивилизации.

Непосредственно русский язык в настоящее время подвержен определенным изменениям, которые, так или иначе, могут отражаться на его мировоззренческом качестве и проявляться на отношении к нему его носителей, что, в свою очередь, обладает влиянием на цивилизационные коды российского народа.

4. *Основными вызовами цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях* являются: а) влияние общественной полемики в российской цивилизации посредством русского языка на развитие ее социально-политического устройства; б) негативное влияние иностранного языка на мировоззренческую матрицу российской цивилизации; в) существенные изменения в коренном составе русского языка с тенденцией отхода от литературной формы, «понижающее» отношение к его значимости и др.

Основными угрозами цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях являются: а) деструктивное воздействие внешних

и обусловленных ими внутренних акторов посредством русского языка на цивилизационное самосознание народа, устойчивость социально-политического устройства и цивилизационную ориентацию России; б) воздействие посредством иностранного языка на мнение и волю народов вовне российской цивилизации с целью ее демонизации и оправдания деконструктивной политики по отношению к ней; в) интенсивное убывание численности носителей русского языка в стране и мире.

5. *Типологически вызовы и угрозы цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях* определяются по следующим основаниям: а) по объективным сторонам языка – опосредованные и непосредственные (действующие через язык или воздействующие на язык); б) по направлениям источников порождения – экспансивные и деградиционные (воздействующие извне или сформировавшиеся внутри цивилизации); в) по преднамеренности возникновения – искусственные и естественные (организованные целенаправленно или сложившиеся в ходе истории); г) по причинности возникновения – первичные и вторичные (возникшие независимо или обусловленные другими вызовами и угрозами).

6. В настоящее время русский язык можно полагать объектом воздействия со стороны деструктивных сил и явлений, источники которых можно подразделить на следующие наиболее широкие классы:

1) *внутренние и естественные*, обусловленные социальной диссоциацией, взаимным недоверием и социокультурной деградацией в последние десятилетия в результате сложных политических событий в российской цивилизации;

2) *внешние и искусственные*, протекающие за счет культурно-лингвистической экспансии западной языковой традиции, в результате чего английский язык в настоящее время получает значительные конкурентные преимущества с закреплением «языкового неравенства».

При этом выработано понимание, что без восстановления естественной живучести защищаемого объекта в современном меняющемся мире его жизнеспособность будет обладать критической уязвимостью.

7. Основными направлениями укрепления цивилизационной безопасности России в языковом измерении в контексте глобального противоборства выступают внутрицивилизационное и межкультурное, распределенные по трем векторам:

1) ценностно-проективному, раскрываемому в обобщенных моделях прорыва для российской цивилизации:

- преобразование приоритетов в структуре общества, направленное на выработку устойчивой положительной пассионарной доминанты в цивилизации;
- проективная модернизация ценностных ориентиров России;
- положительное соотнесение обновленных ориентиров с ценностями других цивилизаций в пределах всего человечества;

2) концептуально-политическому, реализуемому в закладке конкретных оснований для развития российской цивилизации:

- усиление политики государства, направленной на развитие человеческого капитала как основы для конкурентоспособности современной цивилизации, ее ценностей, языка;
- создание современной системы эффективного культурного, исторического, ценностного, патриотического воспитания молодого поколения;
- реформирование системы национальных приоритетов в направлении создания моделей реального развития современной инновационной экономики;
- поддержка развития культуры инновационного сознания в науке и образовании как проективной созидательной силы цивилизации и исключения деинтеллектуализации будущих поколений;
- модернизация системы военно-политической работы в армии как мировоззренческом авангарде цивилизации при противостоянии внешней духовной экспансии, организация в органах военного управления специальных служб для осуществления стратегической контргибридной деятельности;
- совершенствование нормативно-правовой базы в языковой сфере;

–интенсификация участия в строительстве мирового информационного пространства для сохранения и преумножения российского мировоззренческого вклада в мировую культуру;

3) социально-практическому, предполагающему частные меры в языковом измерении:

– популяризация в обществе русской литературы и грамотности в русском языке, культивация сознательного интереса к культуре российского суперэтноса;

–разработка информационных технологий по обнаружению и отражению информационных атак;

– создание институтов по разработке и применению «честных» гуманитарных технологий в области языка, истории, культуры, искусства, кино, спорта;

– общественная поддержка деятельности «Русского мира» и других подобных организаций за рубежом;

– развитие в обществе культуры информационной воздержанности, избирательности и грамотности.

8. Важность обеспечения безопасности России в языковом измерении в настоящее время признается как со стороны государства, так и в научном сообществе. При этом меры со стороны государства принимаются, как правило, законодательного характера, а со стороны науки – предупредительного и рекомендательного. При этом корневые причины наиболее существенных вызовов и угроз цивилизационной безопасности России современности в языковом измерении не приобрели целостности понимания на всех уровнях социума. Чаще всего акцентируются внешние деструктивные факторы в языковом измерении, размывая и теряя при этом корневые причины внутреннего характера.

9. Проблемное поле в языковом измерении современности раскрывается в:

– постепенной утрате языком сакральной, духовной составляющей, погружении его во фрагментарность, отрывистость, символность и чувственность, отходе от литературных форм в общественной коммуникации;

– различных проявлениях «цифрового неравенства» в российском обществе в условиях тотальной информатизации социальной действительности;

- проблемах межэтнического взаимодействия, также обусловленных глобализационными и информационными тенденциями;

- трудностях, связанных с духовным воспитанием молодого поколения на фоне ослабления влияния отечественной цивилизационной традиции и нарастающего влияния внешней потребительской идеологии.

Полученные результаты социально-философского анализа цивилизационной безопасности России в языковом измерении в современных условиях, вызовов, угроз и основных направлений ответов определяют возможность утверждения, что заявленные и затем обоснованные автором замысел и концепция настоящего исследования подтверждаются в научно-теоретическом и практическом значении.

Осуществленное исследование поставленных в настоящей работе проблемных задач позволяет сформировать следующие группы рекомендаций.

1. Рекомендации в отношении дальнейшей *теоретической* разработки исследуемой проблемы:

- выводы работы могут служить методологической основой исследования общечеловеческой цивилизационной безопасности в языковом измерении в современных условиях, учитывая современные проблемы при ее обеспечении;

- основные идеи и полученные результаты настоящего исследования могут быть использованы в рамках общественно-научного изучения вопросов влияния в исторической перспективе изменений в языковом измерении на состояние российской цивилизации и всех видов безопасности, включая цивилизационную;

- выводы диссертационного исследования могут быть взяты за основу социально-философского анализа задач на выработку эффективных шагов по нейтрализации негативных воздействий как посредством языка на мировоззренческую матрицу России, так и в отношении протекающих изменений в русском языке, падения его распространенности в мире вследствие уязвимости духовно-ценностных ориентиров российской цивилизации в настоящее время;

- положения и выводы исследования могут выступить важной составляющей в формировании научного направления цивилизациологии, основанного на изу-

чении языкового измерения, как среды противоборства, так и потенциального источника межкультурного мира и гармонии.

Предложенные рекомендации могут быть предметом в области дальнейшей научной деятельности, использованы в учебной работе, а также применяться в разработке нормативных документов в сфере безопасности и развития общества.

2. *Практические* рекомендации, суть которых раскрывается в следующем:

а) научным работникам, преподавателям вузов и экспертному сообществу материал работы может быть полезен в следующих сферах:

- для организации и проведения занятий по социальной философии, языкознанию, аксиологии, этике, политологии, конфликтологии, социологии, психологии, истории, культурологии, военным наукам;

- для разработки учебно-методических пособий, например, «Языковой фактор в категориях безопасности России в современном мире», «Язык как сфера применения организованных социально-гуманитарных воздействий в гибридных войнах современности»;

- для организации и проведения различного рода научно-практических конференций и «круглых столов» на общественных, государственных и межгосударственных площадках по вопросу принятия эффективных мер по возрождению роли и достойного места русского языка в стране и мире;

б) государственным структурам и общественным организациям материал исследования может послужить в качестве помощи для:

- организации системы оценки реального состояния дел в отношении русского языка для разработки необходимых мер и принятия соответствующих решений по исправлению ситуации;

- разработки нормативно-правовых документов и общественных резолюций в качестве мер реагирования на негативные процессы в языковом измерении, с учетом его высокой важности в вопросах безопасности российской цивилизации;

- наращивания усилий по раскрытию ценности русского языка и русской литературы как внутри страны, так и за рубежом;

в) работникам в сфере образования, экспертам по безопасности, общественным деятелям материал исследования может быть полезен тем, что:

- обозначает комплексную методическую направленность научного поиска в вопросах взаимодействия духовной сферы человека и безопасности общества;

- предлагает к поиску жизненно важных ценностных ориентиров привлечь еще большие возможности, приступить к формированию общественно-государственной программы возрождения в вопросе русского языка;

- показывает новый взгляд на оценку истории, мировых событий и связанных с ними последствий, в результате чего некоторые субъективные представления могут быть существенно обогащены, а кругозор наблюдателя расширен.

Очевидно, рассмотренные в настоящем исследовании по избранной теме вопросы вряд ли могут совершенно полно охватить весь спектр проблематики, связанной с цивилизационной безопасностью России в языковом измерении в современных условиях. Но при важности темы, связанной с безопасностью, полученные результаты послужат одним из инструментов выработки адекватных ответов на вызовы и угрозы с качественно новыми особенностями современности.

Список литературы

1. Абросимова И.А. Методологическая роль понятия цивилизации в социально-философском исследовании: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11 / Абросимова Ирина Александровна. Саратов, 2000. 19 с.
2. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 304 с.
3. Аксаков К.С. Ломоносов в истории русской литературы и русского языка. М.: Издательство Московского университета, 2011. 104 с.
4. Аксюмов Б.В. Конфликт цивилизаций в современном мире: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Аксюмов Борис Владимирович. Ставрополь, 2009. 38 с.
5. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917 – 2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. 2-е изд., доп. Москва: Крафт; ИВ РАН, 2000. 224 с.
6. Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: у истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 444 с.
7. Анти-мир русской культуры. Язык, фольклор, литература. Сборник статей / сост. Н.Богомолов. М.: Ладомир, 1996. 409 с.
8. Апель К.-О. Трансформация философии: пер. с нем. / перевод В. Куренной, Б. Скуратов. М.: «Логос», 2001. 344 с.
9. Баубериков Г.Ж. Религиозный фактор в цивилизационном развитии постсоветского пространства: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11 / Баубериков Газиз Жолдасбекович. М., 2016. 20 с.
10. Безлепкии Н.И. Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии. СПб.: «Искусство-СПБ», 2002. 272 с.
11. Бжезинский З. Великая шахматная доска (сборник). М.: АСТ, 2014. 702 с. Биbihин В.В. Язык философии. 3-е изд., стер. СПб.: Наука, 2007. 389 с.
12. Бикертон Д. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей / пер. с англ. О. Кураковой, А. Карпухиной, Е. Прозоровой. М.: Языки славянских культур, 2012. 336 с.

13. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / предисл. М. Эмара; пер. с фр. М.: «Весь мир», 2008. 552 с.
14. Горошко Е.И. Языковое сознание: ассоциативная парадигма: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук: 10.02.19 / Горошко Елена Игоревна. М., 2001. 41 с.
15. Гронская Н.Э. Политический процесс и лингвистические технологии манипулирования: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Гронская Наталья Эдуардовна. Нижний Новгород, 2005. 47 с.
16. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 1093 с.
17. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
18. Булгаков С.Н. Философия имени. СПб.: «Наука», 1998. 448 с.
19. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
20. Бутенко Н.А. Русский этнос и российская цивилизация: социально-философское исследование самосознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Бутенко Надежда Алексеевна. Новосибирск, 2003. 19 с.
21. Вдовиченко А.В. Расставание с «языком»: критическая ретроспектива лингвистического знания. Монография. М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного университета, 2008. 512 с.
22. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.
23. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками: в 2 т. Т.1: От Возрождения до Просвещения / пер. с нем. под ред. А. Введенского; вступ. статья О. Бойцовой. М.: «Гиперборея», «Кучковополе», 2007. 640 с.
24. Виноградов В.В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. М.: Наука, 1990. 388 с.
25. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика. 1997. 495 с.

26. Гердер И. Идеи к философии истории человечества / пер. и прим. А.В. Михайлова. М.: Издательство «Наука», 1977. 703 с.
27. Горюнков С.В. Незнакомая Древняя Русь, или Как изучать язык былин / С.В. Горюнков. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Алетейя, 2010. 232 с.
28. Гранин Ю.Д. Этносы, национальное государство и формирование российской нации: опыт философско-методологического исследования / Ю.Д. Гранин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2007. 167 с.
29. Григорьев А.А. Апология почвенничества / составление и комментарии А.В. Белова / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 688 с.
30. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
31. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры: пер. с нем. / сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыги и Г.В. Рамишвили, М.: Прогресс, 1985. 452 с.
32. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 642 с.
33. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / составление и комментарии Ю.А. Белова / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
34. Данин С.А. Природа цивилизации: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Данин Стефан Анатольевич. Калуга, 2006. 22 с.
35. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2009. 261 с.
36. Диалог цивилизаций. Повестка дня. М.: ИФ РАН, 2005. 145 с.
37. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ: Corpus, 2013. 501 с.
38. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // Российская газета. 2016. 6 декабря.

39. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. / сост., комментарии А.В. Белов / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
40. Дугин А.Г. Ноомахия: войны ума. Цивилизации границ: Россия, американская цивилизация, семиты и их цивилизация, арабский Логос, туранский Логос. М.: Академический проект, 2014. 694 с.
41. Духовное измерение современной политики / отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2003. 190 с.
42. Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема / отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2006. 152 с.
43. Зеленков М.Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография / М.Ю. Зеленков. М.: Юридический институт МИИТа, 2013. 196 с.
44. Изобретение империи: Языки и практики / коллектив авторов. М.: Новое издательство, 2011. 326 с.
45. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М: Издательство МГУ, 2000. 304 с.
46. Ирзабеков В.Д. Взломанный код. М.: Данилов мужской монастырь, 2014. 368 с.
47. Ирзабеков В.Д. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. М.: Даниловский благовестник, 2013. 200 с.
48. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М.: Издательство «Наука», 1979. 350 с.
49. Исаченко Н.Н. Социально-философский анализ Российской цивилизации как социокультурной общности (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Исаченко Надежда Николаевна. М., 2006. 25 с.
50. Калинина Е.Н. Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Калинина Евгения Николаевна. Нижний Новгород, 2007. 26 с.
51. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.

52. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация / С.Г. Кара-Мурза. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 1200 с.
53. Карнаух В.К. Формы цивилизационных процессов (волны цивилизации): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Карнаух Владимир Кузьмич. СПб., 2000. 34 с.
54. Клачков П.В. Гуманитарные технологии как социально-культурные факторы обеспечения целостности современного государства: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11 / Клачков Павел Владимирович. Красноярск, 2013. 26 с.
55. Коврижных О.А., Бутыльская Л.В. Политическое насилие: языковое манипулирование общественным сознанием / О.А. Коврижных, Л.В. Бутыльская. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 256 с.
56. Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / словоуказатель – Н.В. Колесова / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.
57. Колесов В.В. Слово и дело: из истории русских слов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 703 с.
58. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юрид. лит., 2014. 64 с.
59. Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции / А.В. Коротаев; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: «Восточная литература», 2003. 276 с.
60. Костяев А.И., Максимова Н.Ю. Современная российская цивилизациология. Подходы, проблемы, понятия. М.: «Издательство ЛКИ», 2013. 328 с.
61. Крылова И.А. Проблема безопасности России в контексте глобалистики. М.: ИФ РАН, 2001. 241 с.
62. Кузнецов В.Н. Идеология развития России. М.: Книга и бизнес, 2010. 500 с.
63. Кузнецов В.Н. Социология идеологии: Учебное пособие. М.: 2007. 403 с.
64. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. А.Н. Баранова. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 256 с.

65. Ленин В.И. Полное собрание сочинений в 55 томах. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 25. 647 с.
66. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство / Леонтьев К.Н. М.: Книга по Требованию, 2016. 170 с.
67. Лихачев Д.С. Слово о полку Игореве и культура его времени: монография. 2-е изд., доп. Л.: Художественная литература, 1985. 352 с.
68. Лошиц Ю.М. Кирилл и Мефодий / Юрий Лошиц. М.: Молодая гвардия, 2013. 368 с.
69. Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм / Л.Б. Макеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 312 с.
70. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «Канон-пресс», «Кучково поле», 2003. 464 с.
71. Маковецкий Е.А. Феномен подражания в культуре: концептуальные и исторические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01, 09.00.13 / Маковецкий Евгений Анатольевич. Санкт-Петербург, 2012. 46 с.
72. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества: пер. с англ. / Перевод Т. Азаркович, Б. Скуратов (1 глава). М.: Логос, 2001. 408 с.
73. Марусенко М.А. Языки и национальная идентичность: современные вызовы национальному единству и территориальной целостности / М.А. Марусенко. М.: Научно-политическая книга, 2015. 575 с.
74. Маслова М.В. Гуманитарная безопасность современного российского общества: содержание, риски и направления развития: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Маслова Мария Валерьевна. М., 2013. 24 с.
75. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб.: Речь, 2003. 320 с.
76. Меняющаяся социальность: контуры будущего / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2012. 267 с.

77. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 880 с.
78. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: курс лекций учеб. пособие для студ. филол., лингв, и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н.Б. Мечковская. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 432 с.
79. Миронова Т.Л. Русская душа и нерусская власть. М.: Алгоритм. 2012. 448 с.
80. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / предисл. митрополита Иоанна (Снычева) / сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской. Комментар. В.Я. Дерягина, А.К. Светозарского / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 176 с.
81. Михайлов Ю.П. Язык человеческий. СПб.: Издательство Общества памяти игумении Таисии, 2008. 288 с.
82. Можайскова И.В. Духовный образ русской цивилизации и судьба России: (опыт метаист. исслед.): В 4 частях. Ч. I. Религиозные начала цивилизационной структуры и духовные истоки русской цивилизации. М., 2001. 560 с.
83. Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в современную эпоху / Н.В. Мотрошилова; Рос. акад. наук, Ин-т философии М.: ИФ РАН, 2007. 268 с.
84. Муретов М.Д. Учение о Логосе у Филона Александрийского и Иоанна Богослова. Вступ. ст. Т.Г. Сидаша. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2012. 448 с.
85. Мchedлова М.М. Российская цивилизация: вызовы XXI века: учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 187 с.
86. Нилогов А.С. Философия антиязыка. СПб.: Алетейя, 2013. 216 с.
87. Новая философская энциклопедия: в 4 томах / ред. совет: Степин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. и др. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 744 с. / Т. 2. 634 с. / Т. 3. 692с. / Т. 4. 736 с.
88. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.

89. Ориентализм / оксидентализм: языки культур и языки их описания = Orientalism / Occidentalism: Languages of Culture vs. Languages of Description: Collected Papers / Рос. ин-т культурологии; ред.-сост.: Е.С.Штейнер. М.: Совпадение, 2012. 416 с.
90. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / вступит. статья Д.С. Лихачева; Общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1981. 616 с.
91. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе: (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1994. 262 с.
92. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: ИФ РАН, 2005. 188 с.
93. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность XXI века. М.: Алгоритм, 2003. 296 с.
94. Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. М.: АСТ: АСТ-МОСКВА, СПб.: Terra Fantastica, 2009. 704 с.
95. Петрий П.В. Духовные ценности российского общества и армия (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Петрий Петр Владимирович. М., 2002. 50 с.
96. Пинкер С. Язык как окно в человеческую природу: Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 560 с.
97. Платонов О.А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010. 944 с.
98. Повесть временных лет. Сост., примеч. и ук. А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина. Вступ. ст. и перевод А. Г. Кузьмина / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. 544 с.
99. Половинкин С.М. П.А. Флоренский: Логос против хаоса (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли»). М.: Знание, 1989. 64 с.
100. Померанц Г.С., Миркина З.А. Спор цивилизаций и диалог культур (лекции и статьи нулевых годов). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 504 с.

101. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2000. 576 с.
102. Прокофьева Г.П. Становление категории «цивилизация» как универсальной единицы анализа исторического процесса: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Прокофьева Галина Петровна. Хабаровск, 2001. 22 с.
103. Расизм в языке социальных наук / под. ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2002. 224 с.
104. Розеншток-Хюсси О. Избранное: Язык рода человеческого: пер. с нем. и англ. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 608 с.
105. Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение / отв. ред. А.В. Смирнов. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2015. 520 с.
106. Россия на пути консолидации: Сборник статей / отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Смирнов, Б.О. Николаичев. СПб.: Нестор-История, 2015. 416 с.
107. Саврасов Л.В. Культура и цивилизация: анализ эволюции самоопределения категорий: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Саврасов Леонид Викторович. СПб., 2007. 20 с.
108. Савчук В.В. Медиафилософия. Приступ реальности. СПб.: Издательство РХГА, 2013. 350 с.
109. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Русский Миръ, 2006. 640 с.
110. Самусенко И.М. Российская цивилизация: социокультурные аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Самусенко Игорь Михайлович. Армавир, 2009. 22 с.
111. Сараскина Л.И. Достоевский в созвучиях и притяжениях: (от Пушкина до Солженицына). М.: Русский путь, 2006. 608 с.
112. Селищев А.М. Старославянский язык. М.: Государственное Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1951. 333 с.
113. Семенов Ю.И. Философия истории. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

114. Ситникова О.В. Лексика морально-нравственного содержания в русском языке новейшего периода и ее отражение в языковом сознании современных носителей русского языка: автореф. дис. ...канд. филолог. наук: 10.02.01 / Ситникова Ольга Валериевна. Воронеж, 2009. 24 с.

115. Современное государство, социум, человек: российская специфика / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2010. 243 с.

116. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

117. Социально-демографический портрет России: по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с.

118. Спиридонова В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко; отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. М.: ИФ РАН, 2016. 122 с.

119. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М., Госполитиздат, 1953. 56 с.

120. Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Научное издание. Воронеж, 2004. 93 с.

121. Столкновение цивилизаций в языковом пространстве: вызовы современности: материалы межвузовской научно-практической конференции / под общей редакцией М.М. Курочки, М.В. Масловой. М.: Московский гос. ун-т путей сообщ. Имп. Николая II, 2017. 206 с.

122. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») // Российская газета. 2015. 31 декабря.

123. Сухов А.Д. Столетняя дискуссия: западничество и самобытность в русской философии. М.: ИФ РАН, 1998. 198 с.
124. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 334 с.
125. Тен А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
126. Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.
127. Толстой Н.И. Избранные труды, Т. 2: Славянская литературно-языковая ситуация. М.: «Языки русской культуры», 1998. 542 с.
128. Традиция и русская цивилизация / Д. Володихин, С. Алексеев, К. Бенедиктов, Н. Иртенина. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2006. 288 с.
129. Трифонов В.Г. Геодинамика и история цивилизаций / В.Г. Трифонов, А.С. Караханян; отв. ред. Ю.Г. Леонов. М.: Наука, 2004. 668 с.
130. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование / вступ. ст., комм. и библиогр. С.В. Яковлева. СПб.: «Издательство Олега Абышко»; «Университетская книга – СПб.», 2009. 608 с.
131. Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М.: Издательство «Наука», 1969. 424 с.
132. Тюняев А.А. Русский Китай: экспорт цивилизации. М.: РАЕН, 2011. 119 с.
133. Феофанов К.А. Безопасность цивилизационного развития России в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Феофанов Константин Анатольевич. М., 2005. 44 с.
134. Филлипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. 336 с.
135. Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: «Советская энциклопедия», 1962. Т. 2. Дизъюнкция – Комическое. 576 с.
136. Фролов Ф.С. Культурно-лингвистическая экспансия – угроза национальной безопасности России: монография. М.: Изд-во «Маска», 2014. 184 с.

137. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? / пер. с нем. и англ. М.: АСТ: АСТМОСКВА, 2009. 448 с.
138. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-cad, 1994. 407 с.
139. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010. 584 с.
140. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник / под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высшая школа. 1991. 192 с.
141. Хайрова С.Р. Язык и цивилизация: социально-философский аспект взаимодействия: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Хайрова Светлана Раисовна. Волгоград, 2003. 28 с.
142. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
143. Хатюшин В.В. Вехи окаянных лет / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 608 с.
144. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; коммент. Д.Э. Харитоновича. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
145. Ходаковский Е.А. Цивилизационная безопасность и ее специфика в условиях Российского государства: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Ходаковский Евгений Андреевич. М., 2000. 25 с.
146. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 126 с.
147. Хоружая С.В. Социокультурная деградация (социологический анализ): автореф. дис. ...канд. социолог. наук: 24.00.01 / Хоружая Светлана Владимировна. Краснодар, 2003. 26 с.
148. Цивилизация, притворяющаяся страной. Ведущие западные аналитики о России / под ред. А.А. Сушенцова. М., 2016. 384 с.
149. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации / пер. с англ. М.Б. Свиридовой-Граковой и Н.В. Ширяевой; под ред. Т.С. Пассек; предисл. А.Л. Монгайта. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 468 с.

150. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1998. 664с.
151. Экарева И.Л. Истоки, становление и развитие Российской цивилизации (исторический аспект исследования): автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.02 / Экарева Ирина Леонидовна. М., 2006. 32 с.
152. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. Т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 23-178.
153. Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Издательство «Правда». 1991. 576 с.
154. Юнгер Ф. Язык и мышление. / пер. с нем. К.В. Лощевского. СПб.: «Наука», 2005. 304 с.
155. Язык вражды против общества: (сб. статей) / сост.: А. Верховский. М.: Центр «Сова», 2007. 259 с.
156. Язык, знание, социум: Проблемы социальной эпистемологии / Рос. акад. наук., Ин-т философии; отв. ред. И.Т. Касавин. М.: ИФ РАН, 2007. 180 с.
157. Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты; под ред. И.Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2013. 480 с.
158. Языки как образ мира. Антология. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 576 с.
159. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
160. Янаков А.Т. Духовный потенциал российской цивилизации как фактор военной безопасности государства (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Янаков Альберт Триандофилович. М., 2004. 22 с.
161. Януш О.Б. Языковой фактор межгосударственной интеграции: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Януш Ольга Борисовна. Казань, 2006. 24 с.
162. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат., 1991. 527 с.

163. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
164. Phillipson R. Linguistic Imperialism. New York: Oxford University Press, 1992. 190 p.
165. Quigley C. The Evolution of Civilizations. 2 ed., 1979. 422 p.
166. Wright Q. A Study of War. Chicago: University of Chicago Press, 1942. 904 p.